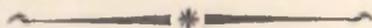

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ
САТИРА

Современная
литература

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 6 0

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ САТИРА

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Статьи, подготовка текста и примечания
Д. М. Молдавского

Общая редакция
В. П. Адриановой-Перетц

282/121

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ САТИРА

«История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее *комедия*. . .»¹ В этих словах Карла Маркса — ключ к пониманию исторической функции сатиры, в частности сатиры в устно-поэтическом творчестве.

Сатира проходит почти через все жанры русского фольклора. Мы обнаруживаем ее в устной прозе — сказке, легенде, побывальщине. Она проникает и в устно-поэтические жанры — народные песни и былины, частушки и театрализованные «действия». Как и в литературе, сатира обращена чаще всего на отживающие явления общественного быта, на устаревшие этические нормы, на все косное, реакционное.

В одном из писем Ф. Энгельса мы находим высказывание по поводу различных ложных представлений о природе, о существовании самого человека, о духах, волшебных силах и т. д., относящихся к тем идеологическим областям, у которых «имеется предисторическое содержание». Ф. Энгельс говорит, что это содержание, которое «мы теперь назвали бы бессмыслицей», было своеобразным дополнением к низкому экономическому развитию предисторического периода.² Это высказывание проливает свет на весьма существенные особенности устно-поэтического народного творчества.

Говоря о фольклоре, нельзя забывать, что он является одно-

¹ К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Введение. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 1, стр. 418.

² Ф. Энгельс. Письмо К. Шмидту. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1948, стр. 429.

временно и явлением исчезнувших исторических эпох, и — в значительной степени — современным, трансформирующимся и преобразующимся в зависимости от конкретных исторических условий. Так, в сатирической песне о птицах мы находим выраженные в ярчайшей степени черты сатиры на сословную монархию и в какой-то очень слабой степени — черты первобытного анимизма. Еще в большей степени это соединение характерно для ряда сказок (в частности, для стихотворной сказки «Не любо — не слушай»).

Проходя через всю историю национальной культуры, народная сатира отражала интересы беднейших слоев трудящихся, в частности беднейших слоев крестьян, обнаруживая их ненависть к угнетателям, мысль об исконном равенстве всех людей, о человеческой силе, о лучшем будущем.

Русская устно-поэтическая сатира — сложный комплекс явлений. В ней ощутим непримиримый гнев, направленный против вековых угнетателей — против бояр, помещиков, бар. Она полна ненависти к служителям культа — попам, дьяконам, монахам. Иногда эта ненависть рождает протест и против самой религии; тогда появляются атенстические мотивы. В ряде текстов мы улавливаем черты наивного реализма, явного безбожия. Разумеется, на всех этапах своего бытования народная сатира отразила также и противоречия в среде ее создателей. Но главное в ней — это вера в народную силу, те «чаяния и ожидания народные», о которых говорил В. И. Ленин в беседе о русском фольклоре.¹

Мечты о равенстве, убеждение, что уничтожение крепостничества и его пережитков, раздел земли поровну между всеми трудящимися на ней способны уничтожить нужду, пронизывали сознание русских крестьян еще в далеком прошлом. Разумеется, все эти положительные идеалы носили утопический характер, но было бы грубой ошибкой недооценивать их значение. Примечательно, что В. И. Ленин настаивал на конкретно-историческом понимании мечты русского крестьянства: «Нет спора о том, что с точки зрения социализма это — утопия, утопия мелкого буржуа. С точки зрения социализма это — реакционный предрассудок, ибо пролетарский социализм видит идеал не в равенстве мелких хозяев, а в крупном обобщественном производстве. Но не забывайте, что мы оцениваем теперь значение крестьянских идеалов не в социалистическом движении, а в данной, буржуазно-демократической революции. Утопично ли, реакционно ли в *данной* рево-

¹ Вл. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. Набросок из воспоминаний. «На литературном посту», 1931, № 4, стр. 4.

люции то, чтобы все земли были отняты у помещиков и розданы или распределены поровну между крестьянами?! Нет! Это не только не реакционно, а, напротив, это выражает самым решительным, самым последовательным образом стремления самого полного уничтожения всего старого порядка, всех остатков крепостничества». ¹

Русская устно-поэтическая сатира по своим формам чрезвычайно разнообразна. Искрящееся остроумие и суровый сарказм, почти фотографическая точность в передаче деталей и явная гиперболоизация, переход от одной интонации к другой, прямо противоположной, противоречие между основным текстом и подтекстом, между содержанием и манерой исполнения и т. д. — все это приемы народной сатиры.

В былине, в песне, в сказке, в народной пьесе, в свадебных причитаниях, в балаганных монологах, в подписи к лубочной картинке, в загадке, в пословице мы находим всеобъемлющий народный смех — смех убивающий, суровый, беспощадный, окрашенный всеми оттенками иронии и сарказма. Прежде всего он характерен для сатирических песен и былин.

Записи конца прошлого века сохранили некоторые тексты, возникшие еще задолго до «крестьянской реформы» 1861 года. То обстоятельство, что тексты эти продолжали бытовать и после реформы, подтверждало, что изменения в жизни крестьянства не были столь значительны, чтобы оно могло забыть о том, как было «за барами житье привольное», о том, как было «сладко попито, поедено, похожено, вволю корушки без хлебушка погложено». «Ты злодей, наш господин» — так обращаются в песне к своему барину «ребятушки-работнички». В другой песне рассказывается об избивании крестьян, об их нищете: «Рубашонки сняли с плеч, начали нас больно сечь... С нас не пот — вода льет, — господин веры неймет».

В этих песнях сатира — горькая, гнев — сдержанный, скрытый. Но даже в них есть вера в «широкое раздольице», в заманчивую вольницу разбойного быта. В упомянутой песне «Как за барами житье было привольное...» есть строки:

Пашню пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим — слегию
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим...

¹ В. И. Ленин. V съезд РСДРП. Доклад об отношении к буржуазным партиям 12 (25) мая 1907 г. Сочинения, т. 12, стр. 418.

Кончается эта песня (извлеченная из судных дел сороковых годов прошлого века) мечтою о свободной вотчине: «Там нам смерти нет, ребяташки».

Антибарские, антипомещичьи мотивы, пронизывающие многие другие песни, характерны для сатирических «действ». «Барин голый» в том или ином виде появлялся и в сатирических монологах, и в сатирических сценках. Издевательский разговор крестьянина (или слуги) с барином прекрасно показывал подлинное отношение к угнетателям. Начинается он с обсуждения жизни мужиков:

— Стало, ты мою деревню знаешь?

— Знаю, сударь.

— Что, богаты мои мужички?

— Богаты, сударь! У семи дворов один топор, да и тот без топорща.

— Что же они с ним делают?

— Да в лес ездят, дрова рубят; один-то дрова рубит, а шестеро в кулак трубят.

— Хорош ли хлеб у нас?

— Хорош, сударь! Сноп от снопа — будет целая верста, копна от копны — день езды».

А затем выясняется (судя по дошедшим до нас, явно подцензурным вариантам), что мужик мстит барину: изводит его лошадь, оскорбляет жену и т. д.

Фигурируют образы бар с их нелепыми модами, с расточительностью, глупостью, неумением работать и в балаганных монологах, и в игрищах народного театра, где насмешка соединяется иногда с призывом к расправе. Не случайно одно из популярных игрищ — «Лодка» — кончается поджогом барской усадьбы.

Еще сильнее и очевиднее вражда к «хозяину»-эксплуататору в рабочем фольклоре (который требует особого исследования). В десятках вариантов песен говорится о голоде, о каторжной работе, о батогах и цепях: «Ах, не нас вешать ведут, на нас петельки кладут!» — поется в одной из песен. А в другой говорится о барине, который «кручинушки не ведает, по три раза в день обедает» и который хочет на собранные рабочими деньги «по милости таких-то дураков понастроить все сорок сороков». Кончается эта песня призывом:

Эй, ребяташки, живей, живей, живей!

Соберем колокола со всех церквей.

Из них пушку мы большую отольем...¹

¹ В. П. Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936, стр. 289.

Конечно, подобный призыв (далее идет перечисление врагов рабочего люда), осознанный, классово направленный, не мог возникнуть в фольклоре крестьян дореформенной поры. Но и в самых ранних из известных нам произведений крестьянского народного творчества появляются сатирические образы господ, на которых и обращены гнев и презрение создателей песен.

Сатирическое изображение «бар» в народной песне и частушке нередко сочетается с язвительной насмешкой над властями. Эти противоправительственные мотивы роднят песенную сатиру XVIII—XIX веков со старшими, сохранившимися образцами сатирической сказки, стиха-памфлета, уже в XVII веке высмеивавших социальное устройство («Птицы» или «Суд птиц», сказка о Ерше и пр.).

Другим постоянным объектом народной поэтической сатиры является поп. Этот персонаж также проходит через все фольклорные жанры. Везде поп сластолюбив и жаден, глуп и невежествен. Даже в детской «считалке» он образец тупоумия. В былинах и песне он похотлив и дурашлив. В народном театре (некоторые варианты «Царя Максимилиана») он пародирует самого себя, а заодно и церковные обряды. В загадке о пауке сказано:

С крестом —

А не поп.

В пословицах и поговорках поп — одно из центральных действующих лиц.

Поп ждет покойника богатого,
А судья — тягуна тороватого.

Кому мертвец,
А попу — товарец.

У честных отцов
Не найдешь и концов.

Фольклорный поп — персонаж более сложный, чем может показаться на первый взгляд. Нет сомнения, что в этом образе отразились и некоторые представления о жрецах и шаманах, восходящие к первобытно-общинному строю. Бесспорно и то, что во всех известных нам вариантах антипоповских песен, сказок, пословиц и т. д. перед нами — конкретная, зримая фигура угнетателя и паразита (кстати, в одной из пословиц так и говорится: «Попам да клопам жить добро»). Этот образ интересен для нас, во-первых, совершенно определенным отношением крестьянства к своему ду-

ховному пастырю, а во-вторых, в известной степени и отношением к религии.

Когда во множестве сказок и некоторых песнях поп предстает как наглый обманщик, появляется сомнение и в самой основной его легенде — легенде о бже, рае и аде. Когда на сцене народного театра поп, кривляясь, пародирует забытую им церковную службу, откровенно насмехаясь над ней, — под сомнение ставятся и догматы религии. Когда поп в любом произведении фольклора противоречит всеми своими поступками, всем своим обликом тем моральным и этическим нормам, которым призван служить, тень падает не только на него, — иронически станет звучать любая поповская проповедь.

Ф. Энгельс писал: «Конечно, материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений...»¹

Антипоповские песни и сказки часто далеки от атеизма. Но бесспорно то, что во многих жанрах устного поэтического творчества просвечивают наивно-реалистические черты, те естественные убеждения человека, о которых упоминал Ф. Энгельс.

В. И. Ленин писал: «„Наивный реализм“ всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего *Я* и от человека вообще. Тот самый *опыт* (не в махистском, а в человеческом смысле слова), который создал в нас непреклонное убеждение, что существуют *независимо* от нас другие люди, а не простые комплексы моих ощущений высокого, низкого, желтого, твердого и т. д., — этот самый *опыт* создает наше убеждение в том, что вещи, мир, среда существуют *независимо* от нас».²

Жизненный опыт трудового народа подсказывал ему: «бог-то бог, да и сам не будь плох», «на бога надейся, да сам не плошай» и т. д. Он же диктовал песни о птицах, которые, побывав в небе, так и не увидели там бога, о рае, который представляется в виде кабака, о незадачливом мужике, добравшемся до неба, о попах, заглядывающихся на прихожаночек. В народных действиях всячески высмеиваются церковные обряды, а иногда изображается бой со смертью, заканчивающийся, как и в некоторых легендах, победой над ней.

Жизненный опыт подсказывал, что чудеса никогда не свершаются, что надежда на загробное счастье — очень слабая наде-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1948, стр. 159.

² В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, Сочинения, т. 14, стр. 57.

жда, что все эти непременные персонажи культа — ангелы, святые, черти — всего лишь персонажи легенды, допускающей самое широкое вторжение фантазии. Отсюда сказки об обманутом черте, легенды об одуроченном святом, лубочные картинки о мастеровом и дьяволе, песни и частушки о столкновении с «иным светом».

Важную роль играют в народном творчестве произведения, построенные на отрицании обычного порядка вещей, стремящиеся как бы вывернуть мир наизнанку. В этом они близки к загадкам-иносказаниям вроде известной:

Есть спина, а не лежит,
Четыре ноги, а не ходит,
Но всегда стоит
И всем сидеть велит.

Или:

Ног много,
А с поля на спине едет.

В первом случае речь идет всего лишь о стуле, во втором — о бороне. Но картина, нарисованная обеими загадками, выпадает из обычных представлений о мире, из реального соотношения вещей. В этом же плане следует рассматривать небывальщичьи-сказки, небылицы-песни, «нескладушки»-частушки. В одной из таких песен рассказывается:

А слепые бегут — спинаючи глядят;
Безголовые бегут — они песню поют...
...Выбегали тут три могучие богатыри.
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана;
А другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны;
У третьего могучего богатыря
Кишкой брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит
С репою, со печенкою...

Здесь все не так, как в жизни, не так, как в действительности. Уж конечно знали далекие авторы этой песни, что безголовый человек не побежит, что соломой ноги не сломаешь, что овин в море — вещь невероятная. Знали и рассказывали о том, чего не может быть, из стремления встревожить умы слушателей, показать алогизм обычного.

В воспоминаниях М. Горького о Ленине приводятся слова Владимира Ильича об эксцентризме как особой форме искусства: «Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немощно исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а — интересно!»¹

Ленинские слова помогают понять значительнейший раздел народного творчества. Надо сказать, что «сатирическое или скептическое отношение к общепринятому» определяет очень важную особенность небывальщин. В них в той или иной степени и заключены черты наивной крестьянской утопии, сочетающей в себе и пустую мечтательность о «божьей земле», и демократические мечты о справедливой человеческой жизни.

В небывальщинах сильна мечта о развернувшейся силе и мощи человека, о его возможности свершить самое небывалое, необычное — пройтись по небу, проехаться на корабле по чистому полю, прогуляться по морю, как по суше.

Все эти реки молока в кисельных берегах, рыбы, сами залегающие в печку, церкви из блинов, мелькающие то здесь, то там в произведениях устно-поэтического творчества, летающие свиньи и коровы, несущие яйца, летающие рыбы и лес среди моря — не просто фантастические образы; это еще и плохо осознанная, не до конца решенная дума о будущем — сказочном, великолепном. То самое крестьянство, которое «грабили, заколачивали до тупоумия помещики и капиталисты, не давая ему никогда наесться досыта»,² мечтало не только о сытной еде, о питье, о крыше над головой. Оно мечтало о справедливости, о счастье. Поэтому-то во всех произведениях устно-поэтического творчества, и прежде всего в тех же небывальщинах, перед нами проходят образы, свидетельствующие о несокрушимом оптимизме народа и о его творческой силе.

¹ М. Горький. В. И. Ленин. Собрание сочинений, т. 17, М., 1952, стр. 16.

² В. И. Ленин. IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы. Доклад о текущем моменте 27 июня 1918 г. Сочинения, т. 27, стр. 430.

**САТИРИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ И БЫЛИНЫ**

Из всех жанров народного творчества песня наиболее широко и полно отражает черты национального характера. Широту ее содержания отметил еще Н. В. Гоголь, когда говорил о том, что песня — «народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа».¹

Песня свободно переходит границы области, где она зародилась, нередко уходит за пределы своей родины.

Одна и та же песня могла быть одновременно записана и на далеком севере и на юге России. Она проходила через всю жизнь крестьянина.² Ф. И. Буслаев говорил о том, что на сказке «дружно встречались» «крайние возрасты человеческой жизни, старость и детство... старый рассказывает сказку и поучает, малый слушает и поучается»;³ но песня известна всем возрастам; каждая возрастная группа хранила свои излюбленные песни, — от первых детских «считалок» до девичьих хороводов, свадебных причитаний и погребальных плачей она проходила сквозь всю биографию русского крестьянина.

Утрачивая иногда свое первоначальное серьезное значение, песня с течением времени превращалась в детскую, шутивную, даже прибаутчную, — такова, например, судьба многих обрядовых по своему происхождению песен.

Русская песня многообразна. Но характерно то, что сквозь большинство ее видов проходят сатирические мотивы.

¹ Н. В. Гоголь. О малороссийских песнях. Полное собрание сочинений, т. 8, изд-во Академии наук СССР, М., 1952, стр. 90.

² Здесь и ниже речь идет о крестьянском творчестве; изучение сатирического рабочего фольклора, а также произведений поэтов и композиторов, вошедших в массовое бытование, — особая тема.

³ Ф. И. Буслаев. Русская народная поэзия. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, стр. 45.

Эти мотивы проникают в героические былины о богатырских подвигах. Напомним хотя бы блистательную характеристику Алеши Поповича: «Алешенька рода поповского, поповские глаза завидущие, поповские руки загребушие». Они возникают в детской игровой песенке («Едет барин на козе, а барыня на баране, а маленькие баринятки — словно поросятки»); они проникают даже в причитания («Уже так на мужика стане срыгаться, быдто зверь да во темном лесе кидается; да он резвыми ногами призатопае, как на стойлы конь копытом призастукае» — образ мирового посредника в «Плаче о старосте» И. А. Федосовой).

Но нас в данном случае интересуют не сатирические мотивы в героическом эпосе или в песенной лирике. Нас интересуют произведения сатирические по преимуществу, резко отличающиеся от других своей художественной манерой, особым складом речи и пр.

До сих пор сатирические песни и былины не были предметом специальных исследований фольклористов. Правда, некоторые авторы выделяли из всей массы устно-поэтических произведений группу, отличающуюся от остальных юмористическими чертами, — так, А. Григорьев в предисловии к своему сборнику определял некоторые былины как «былины-фабль» по аналогии со средневековыми шутивными рассказами. Но это определение, связывающее сюжеты и темы с зарубежными первоисточниками, было случайным и ничего не могло дать для понимания сатирического фольклора.¹

Даже исследователи, подчас применявшие термин «сатирические» по отношению к произведениям устно-поэтического творчества, дальше этого термина не шли. Так, А. Балов, автор статьи «Экскурсы в область народной песни», справедливо доказывая, что элементы сатиры всегда были известны в народном творчестве, объяснял, что они не дошли до нас отчасти в силу их «крайней нецензурности и неблагопристойности», а также в силу «изменений народной жизни, вследствие которых то, что ранее было смешным, ныне становится не только не смешным, но даже и достойным уважения в глазах народа».²

В той или иной форме эта мысль была выражена у П. В. Шейна, в ранних работах Д. К. Зеленина и фактически существовала до самого последнего времени. Само выделение из

¹ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг., т. 1. М., 1904, стр. 15.

² А. Балов. Экскурсы в область народной песни. «Этнографическое обозрение», 1896, № 3, стр. 262.

всей массы былин и песен произведений чисто сатирических смогло произойти лишь теперь, подготовленное исследованиями в области сатиры в фольклоре, древнерусской литературе и литературе XVIII века (работы В. П. Адриановой-Перетц, П. Н. Беркова, Г. А. Гуковского и других), повышенным интересом к проблемам сатиры у исследователей литературы XIX века и появлением критических работ, посвященных сатире в советской литературе.

В песне и в былине сатирическая линия скрыта гораздо более глубоко, нежели в народной сказке. В то же время сатира в сказке звучит более современно. Нет резкой грани между отношением к сатирическому объекту в народной сказке и у Салтыкова-Щедрина; более того, сущность сатирического одна и в сказке и в творчестве Владимира Маяковского. В чем же причина этого?

Ответ на вопрос может быть только один: сказка, созданная в глубочайшей древности и в какой-то степени отразившая архаические ее черты, будучи жанром прозаическим, то есть не связанным со стиховой формой, сравнительно легко переосмысливала и меняла старые образы, наполняя их новым содержанием. Сатирические же песни, также уходящие своими корнями в глубокую древность, в силу своей сравнительно сложной и устойчивой формы не смогли выразить новое содержание; на смену им пришли новые песни — прежде всего более оперативная и гибкая частушка, произведения рабочего фольклора и, разумеется, стихи поэтов, вошедшие в устное бытование (положенные на музыку в народной среде или музыкантами-профессионалами).

История народной песенной сатиры до сих пор представляется не вполне осмысленной. Объясняется это тем, что расцвет ее пал, видимо, на ту эпоху, когда литература была достоянием лишь очень немногих и именно фольклор восполнял эстетические требования народа.

К сожалению, не располагая или почти не располагая материалами древнерусского народного творчества, мы можем лишь предположительно говорить о специфике сатирической песни до XVIII века. В этом отличие песенного наследия от наследия прозаического. Сказка, например, отчетливее прозвучала в старинной литературе, кроме того, благодаря близости к сказкам других народов, она может быть изучена на основании сравнений международных вариантов; такой путь для восстановления старинной песни отрезан.

Кроме того, мы не должны забывать и о втором обстоятельстве: сатирические былины и особенно песни, как произведения по сравнению со сказкой более массовые и связанные с коллективным

исполнением, подвергались особенно строгому отбору у фольклористов-собираателей.

Можно предполагать, что значительная часть песенного репертуара вообще и особенно сатирически окрашенного — не только XVI—XVII веков, но и более позднего времени — до нас не дошла. Характерно, что многие из текстов сборника Кириши Данилова (главным образом сатирические — «Сергей хорош», «Да не жаль добра молодца битова — жаль похмельнова. . .», «Чурилья игуменья», «Свиньи хрю, поросята хрю» и другие) дошли до нас в единственном варианте.

Иногда память о той или иной песне еще сохраняется в рассказах и заметках, но сам текст ее уже утерян. Так, в одной из статей М. Горький упоминал песню об Иване Болотникове: «У нас до начала XVII века тоже были свои «лицедеи» — скоморохи, свои мейстерзингеры — «калики перехожие», они разносили по всей стране «лицедейства» и песни о событиях «великой смуты», об «Ивашке Болотникове», о боях, победах и о гибели Степана Разина». ¹ Ни в одном из известных нам собраний фольклора песни о Болотникове нет. По-видимому, М. Горький слышал какой-то последний вариант старинного произведения.

Не будет преувеличением сказать, что многие не только острые в социальном отношении песни, но и сравнительно «безобидные» дошли до нас лишь случайно. Да и вокруг них разгорались политические страсти, создавались «дела». Цензор А. В. Никитенко упомянул в своем «Дневнике» (запись от 25 и 26 сентября 1854 года) о нескольких народных песнях «не совсем нравственного содержания», которые были опубликованы в виде «материала для изучения народности» в «Саратовских губернских ведомостях»: «Негласный комитет, управляемый ныне Корфом, донес о том государю. Велено: губернатору сделать выговор, цензировавшего газету директора гимназии выдержать месяц на гауптвахте и спросить министра: благонадежен ли он продолжать дольше службу?» ²

В «Саратовских губернских ведомостях» (в «части неофициальной») в течение нескольких месяцев действительно публиковались народные песни. В частности, в номерах от 21 и 28 августа, а также 11 и 18 сентября был опубликован ряд песен, из которых отдельные строки могли показаться «не совсем нравственного содержания». Так, в песне «Белая березонька преклонясь к земле. . .» были строки:

¹ М. Горький. О пьесах. Собрание сочинений, т. 26. М., 1953, стр. 421.

² А. В. Никитенко. Дневник, т. 1. Л., 1955, стр. 385.

За ворота провожу, три словечушка скажу:
Первое словечушко — хотят Ванюшу поймать;
Другое словечушко — во железушки сковать;
Третье словечушко — во солдаты отдать.

В другой песне упоминалось, что «первая кручина — нет ни дров, ни лучины, другая кручина — нет ни хлеба, ни соли». Была еще песня с обращением молодой жены старика к подругам: «Вы которому святителю молились, вы которым чудотворцам обещались, что у вас мужья молодые?» Наконец, в номере от 28 августа был опубликован вариант песни о жене-щеголихе:

Уж я пашенку пашу,
Сам на солнышко гляжу,
Высоко ли мое солнце,
Красно солнышко взошло.
Как чужие-то жены
Мужьям есть принесли,
А моя шельма-жена
Долго хлеба не несла;
Знать, не устряпалася,
Не уварахталася...
...Уж я вырежу лозу
На мою шельму-жену.
Подъезжаю ко двору —
Жена ходит по двору,
Набеленная, нарумяненная...
...Уж я брошу лозу,
Поцелую жену,
Поцелую, обойму,
Разлапушкой назову.

Сейчас даже трудно предположить, что именно могло вызвать гнев чиновников, в результате которого прежний цензор — он же директор гимназии — был отстранен от должности.

Опубликовавший эти песни Н. И. Костомаров впоследствии писал, что очень скоро после царской резолюции «замолкли на время все песни, перестали собираться у ворот веселые хороводы. Словно замер город, каким-то другим стал».¹ На песню началось очередное гонение.

Этот пример подтверждает, что наши представления о народ-

¹ См. примечания И. Я. Айзенштока к «Дневнику» А. В. Никитенко, т. 1. Л., 1955, стр. 530.

ной песне даже прошлого века, не говоря о более ранних временах, очень неполны. Следует еще напомнить и о настороженном отношении к собирателям: им пели далеко не все, что знали, а иные собиратели, даже записав текст, воздерживались от его публикации по цензурным причинам.

Но и дошедший до нас материал позволяет говорить о социальной направленности сатирической песни и былины, о своеобразии их художественной формы.

Сатирические народные произведения резко отличаются от фольклорных произведений других видов. Еще А. Григорьев писал, что среди записанных собирателями старин есть целая группа произведений, «назначение которых рассмешить слушателей. Пение их должно было составлять преимущественный репертуар наших веселых людей, скоморохов. Из записанных мною старин, на основании своих личных впечатлений, я отнес бы к числу скоморошских старин этого вида следующие старины: «Терентий муж», «Ловля филина», «Кострюк», «Усища грабят богатого крестьянина», «Вдова и три дочери», небылица «Илья Муромец и Издолище» (точнее, пародия на старину об Илье Муромце и Издолище или на старины вообще), записанные в Пинежском крае; «Проделки Васьки Шишка», «Старина о льдине и бой женщин» и «Добрыня и Маринка» (в некоторых вариантах), записанные в Кулойско-Мезенском крае, и «Небылица», записанная в Пинежском и Кулойско-Мезенском краях».¹

В перечень Григорьева входят и собственно былины, и пародии на них, и лирические песни, и сатирические сказки, переложенные былинным стихом. Объединяет их — и этого, увы, не понял собиратель — то, что, по существу, было и остается характерной чертой народной сатиры вообще, — ее довольно ясно выраженная социальная направленность.

В сатирических песнях и былинах выделяются две группы. Одна — более значительная количественно — это группа, сатирически рисующая типические черты бар, попов и прочих угнетателей народа, а также черты, неизбежно возникавшие в обществе, построенном на угнетении человека человеком, — лживость, лень, трусость и т. д. и т. п. Другая группа — это произведения, носящие характер своеобразной диверсии в мире традиционных, «от века данных» представлений и норм, — пародии, небывальщины и пр.

¹ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. 1. М., 1904, стр. XIX—XX.

Значительное место (не в количественном отношении) среди русских сатирических песен занимают произведения с сатирической интерпретацией образов помещиков, господ. Классическим образцом таких песен остается песня «Как у нас в сельце Поливанове...», записанная по приказу императрицы Анны Иоановны в 1739 году. В этой песне в пародийной роли дурака представлено все тогдашнее общество — «боярин-дурак», «дворецкий-дурак», «поп-дурак». Все они, как и положено дуракам в фольклоре, делают все невпопад — пиво cedят в решете, сено возят на свинье и т. п.

Это подтверждается и другой песней — песней о Фоме и Ереме, о двух персонажах, вошедших также и в сказку, и в лубочную картинку. Оба они — ничемные люди, ничего не умеющие и не знающие. В песне — примерно в 75 процентах всех известных вариантов (сборники П. В. Шейна, А. И. Соболевского, П. В. Киреевского, а также в записях, современных нам) — подчеркивается, что у Еремы и Фомы — свои деревни и села, что они «сладко едали», что они так или иначе принадлежат к господствующему классу (в некоторых вариантах они — купцы).

Издательская интерпретация бар как дураков, более характерная для сатирической сказки, в песне отнюдь не является единственной. В песне «Как за барами житье было привольное...» господа представлены отнюдь не иронически:

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито.
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися...

В этой песне «дворянские головушки» предстают как беспощадные губители народа. Сатирически-иносказательно говорится в ней лишь о молитвах, которые возносят мужики в «божьей церкви» — под ясным небом, где вместо образов — звезды, а попами — волки серые. В отличие от первой песни, ноты протеста здесь звучат очень сильно — речь идет о «широком раздольице», о мести вековым угнетателям.

К этой песне примыкает и песня о бродягах, «беспачпортных мужиках», лишь частично затронутая сатирическими мотивами.

Здесь также речь идет о народных (солдатских) мучениях.

И заключительная ее строка: «А мы песенки, братцы, поем, господам честь воздаем» — звучит как грозное предупреждение.

В другом ключе сложена песня о блинах, где с улыбкой, с иронией рассказывается, по сути дела, о страшных вещах:

Господа наши бояре,
Нерассудливые,
Неразгадливые,
На работу гонят рано,
А хлеба дают мало.

* * * * *

Любезные блины!
Мужики и бабы умирают,
А дьячки блины убирают;
Любезные блины!

«Нейтральный» припев лишь подчеркивает сущность того, о чем идет рассказ. Во всех этих песнях, несмотря на различные методы обрисовки помещиков или бояр, есть общее — осознанная ненависть к угнетателям. Она дана прямо, почти совсем неприкрыто, часто в крайне грубых выражениях (песни «Барыня», «Камаринская» и пр.).

В ряде других песен это же чувство прикрито иносказаниями. Примером таких иносказаний может быть былина «Птицы», где говорится почти о всех сословиях феодально-крепостнического общества, но под видом рассказа о пернатых. Здесь есть и воеводорел, и целовальник-петух, и воробьи-холопы и т. д. Особняком стоит лишь образ птички-синички, смиренного бродяги-потешника. Ироническая обрисовка всех социальных групп воссоздает некую пародийную утопию, счастливую страну, где будто бы благоденствуют все птицы. Но в варианте, который записала М. А. Рыбникова, говорится о «великой неправде», и эти строки раскрывают сущность всей иронической утопии. За скобки ее вынесена реальная действительность, особенно ярко встающая перед глазами слушателей во время песенного рассказа о всеобщем блаженстве в птичьем царстве.

Изображение бар, «судейских крючков», господской прислуги и пр. в песне редко перерастает в изображение сословного государства. Видимо, творцам этих песен были часто не под силу сложные, большие обобщения, требующие четкого осознания своей классовой позиции. Но немногие дошедшие до нас произведения свидетельствуют о тех «горах злобы и ненависти», которые были накоплены крестьянством в «века крепостного права, чиновничьего

произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества». ¹

Если в сатирической сказке барин неизбежно посрамляется ловким и предприимчивым мужиком, то в сатирической песне вопрос об отмщении барину, как правило, не разрешен. Сказка тут же, на месте, производит расправу с угнетателем; песня переносит ее в будущее. Но и там и здесь есть непоколебимая вера в грядущую справедливость, в народ, в его будущее.

Эта же вера проходит и через сатирические песни, направленные против духовенства. А. И. Герцен писал: «Русский крестьянин суеверен, но равнодушен к религии, которая для него, впрочем, является непроницаемой тайной. . . Священников он презирает как тунеядцев, как людей алчных, живущих на его счет. Героем всех народных непристойностей, всех уличных песенок, предметом насмешки и презрения всегда являются поп и дьякон или их жены». ²

Некоторые песни о духовенстве отражают черты наивно-материалистического взгляда на жизнь, вообще присущего лучшим произведениям фольклора; другие ограничиваются издевательством над церковным причтом, над монахами, черницами.

С середины XVII века дошла до нас песня, где в виде рая предстает. . . кабак, а в роли ангелов — целовальники. Это произведение идет в русле сатирических повестей того времени и одновременно сатирических сказок, в которых скептическое отношение к вере в рай и ад, в бога и дьявола довольно очевидно:

Как ходил доброй молодец по чужедальной стороне,
Да зашел доброй молодец да во ту избу кабацкую,
Пропивал доброй молодец да свою золоту казну,
Да хвалил доброй молодец ино ту избу кабацкую:
Ты, изба, изба кабацкая, кабыть рай на том свету,
Голова с целовальники — кабыть ангелы крылатые,
Конухи да повары — <погубители моей главы>.
Да ставал доброй молодец на свои резвы ноги,
Да ставал доброй молодец на свои многолетны коблуки. ³

Еще очевиднее мотивы явного безбожия в песне «Спор птиц и суд орла», которая начинается строками:

¹ В. И. Ленин. Л. Н. Толстой. Сочинения, т. 16, стр. 294.

² А. И. Герцен. Россия. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 6. Изд-во АН СССР. М., 1955, стр. 211.

³ Цит. по книге: «Русское народное поэтическое творчество», т. 1. М.—Л., 1953, стр. 462.

Бедный гусь на море живал,
 Много холоду, голоду видал,
 Бога сроду в глаза не видал.
 Прилетел к нему журав:
 «Эх ты, гусь-вертогуз!
 Ты на море живал,
 Много холоду, голоду видал,
 Бога сроду в глаза не видал;
 Я повыше тебя летаю,
 Почище платья надеваю,
 И то бога в глаза не выдаю!»

Прилетевший жаворонок также говорит, что не видел бога в глаза. Лишь «сорока-посвистуха, деревенская баба-лопотуха» говорит о том, что была у бога и «баяла о телесных душ<ах> — кому рай, кому спасение». В конце концов оказывается, что сорока «не в своем уме была — промолвилась и проговорилась», проще говоря, завралась... Но песен, с такой смелостью проповедующих безбожие, мало.

Антипоповская же сатира проходит и через былинку, и через лирическую песню, и через детский фольклор. Такие произведения, как «Чурилья-игуменья» или «Из монастыря Боголюбова старец Игренища», — классические образцы антимонашеской сатиры. В отличие от сказки, где образы духовенства даны с ненавистью и беспощадностью, в песне, особенно в былинке, образы духовных лиц даны с забавным юмором. Однако и легкая насмешка этих песен над разгулявшимися чернецами и черницами тоже подрывала авторитет монастырей и всей церковной организации.

Столкновение простых человеческих чувств и мыслей с нормами религии — обычное явление в песнях и былинах. И конечно, во всех случаях (за исключением творчества различных религиозных сект) побеждают чувство и мысль. Симпатии народа на стороне «чернички», которая произносит знаменитую фразу: «Загорись, моя келья, святая обитель!»; на стороне бедного монаха, который «по три разика в день напивается, как к обедне зазвонят, так ... идет в кабак».

В лирической песне образ попа представлен опять-таки в противоречиях между его саном, проповедью и его поведением. Например, смысл песни «Нельзя мне к обедне ходить...» заключается в том, что и поп и дьячок постоянно заглядываются на хорошенькую прихожанку и забывают молитвы.

В детской песне — игровой и считалке — поп также довольно

часто встречающаяся фигура. Здесь, как и в сатирической сказке, поп язвительно высмеивается. Походя сообщается: «попа не спросили — поп-то с печки, сломал себе плечики, попадья с кровати, сломала полати».

Таким образом, антипоповская сатира проходит через все основные песенные жанры. Не случайно обобщенное определение поповской жадности: «у попа глаза завидущие, руки загребущие» — встречается и в былинах, и в песнях.

Эти слова проникли уже в сборник XIV века отрывков ветхозаветных книг, читавшихся во время церковной службы (Паремийник). На полях этой рукописи переписчик Козьма Попович сам наделил себя привычными признаками попа — «грабящими руками, клеветливым языком, обидливыми очами».¹

В записанной сравнительно недавно песне под характерным названием «Попы — тараканы черные» есть строки:

Ой да нет лютей их зверя, зверя лютого,
Не найти нигде, не сыскать их жаднее,
Жадней вот попов, попов прожористых.
Ой да они нас съедят, съедят — не задержатся.

Но как правило, образ попа в былине и песне не столь сатирически заострен, как в сказке. Возможно кроме условий бытовой цензуры здесь сыграла роль музыкальная природа жанра. Часто сравнительно невинный текст при песенном исполнении приобретал совершенно новые эмоциональные качества. Музыка может придать ему саркастический оттенок, подчеркнуть пародийность звучания и т. д. Известны песни, которые поются на мотив церковной службы и приобретают в силу этого ярко выраженный антирелигиозный характер. В одной из сказок из сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» («Безграмотная деревня») рассказывается о том, как неграмотные поп и дьячок поют песню на один из церковных мотивов; слушатели подхватывают припев. На этом контрасте мелодии и текста и зиждется сатиричность.

Некоторые антипоповские песни стоят на грани песен-небылиц. Так, в песне «Братья вы, братья...» появляется образ церкви, которая «из пирогов состроена, лепешками вымощена, оладьями вывершена, блинами покрыта». Естественно, что у попа в этой церкви «толоконный лоб», одет он в «ризы соломенные» и т. д. и т. п. По своему характеру эта песня — дразнилка. Можно предполагать, что

¹ См.: А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916, стр. 64.

в ней высмеиваются поповские поборы; ведь поп берет и пирогами, и блинами, и лепешками.

Кроме господ и попов в сатирической песне высмеяны купцы (довольно редко), станичные атаманы (см. впервые публикуемую в нашем сборнике песню «Атаманская слава») и просто богатые мужики. Не случайно в большинстве вариантов песни «Усы» речь идет о нападении на богатого мужика, который сам хлеба не пашет, а хлеб ест. Характерно, что в песне фигурирует сын этого мужика — «дурак», который выдает отца или потому, что хочет уйти вместе с «усами», или потому, что все равно отцовские богатства ему не достанутся.

Что же касается сатирического образа купца, то с ним связана одна из самых известных песен-былин русского репертуара — «Про гостя Терентиша». В этой песне рассказывается о том, как у купеческой жены «расходился недуг» и как муж ее, «богатый гость», отправился искать «дохтуров». Песня явно издевается над доверчивым мужем, который на пути встретил скоморохов и рассказал им про свою беду. Скоморохи умнее купца — они сразу «догадались, друг на друга оглянулись, а сами усмехнулись» и помогли ему уличить обман жены: у Авдотьи Ивановны «под одеялом соболиным» нашелся «недуг» (так иронически песня называет любовника купчихи). В большинстве вариантов этого сюжета¹ симпатии на стороне молодых любовников. В старейшей же записи песня высмеивает всех, кроме скоморохов: мужа — купца недогадливого, жену-обманщицу, труса-любовника. Все получили по заслугам: муж обманут, жена и ее «недуг» побиты, только веселые скоморохи заработали «за правду великую» — за свою сообразительность. Скоморохи и сложили эту песню, зло и весело высмеивая неприглядную семейную жизнь «богатого гостя». Вольным людям — скоморохам глубоко чужд и антипатичен купеческий мир, так же как противен мир барский или поповский. Вообще, судя по тем произведениям, в которых очевидны черты скоморошьего «ясака», сатира направлена на все привилегированные классы общества, чуждые и враждебные простому народу; выразителями интересов этого народа и были в сатирической поэзии скоморохи.

Вероятно, в скоморошьем истолковании дошли и некоторые другие песни о семейных отношениях. Напомним хотя бы малоизвестную песню о Донюшке, которая лежит «больна-больнешенька, хвора-хворенешенька». Для исцеления Дони не нужен ни мед, ни

¹ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, № 1361, I.

сахар, ни поп духовный, а нужно ей «Иванюшечку гудочничка, Семеновича скоморошничка!» В том же духе истолкованы и многочисленные другие песни о семейных отношениях, — в большинстве из них речь идет о зажиточной крестьянской семье. Авторы их — по всей вероятности, скоморохи или представители беднейшего крестьянства. Это подтверждается повышенным вниманием к сытой жизни богатых семей, подробным описанием одежды, еды и пр. В этом цикле песен высмеивается антагонизм тещи и зятя, чрезмерный интерес свекра к снохе и т. п.

В лирической песне часто поется о несчастной, замученной молодой, попавшей в чужую семью, в чужую деревню. Кругом — враги. Свекровь издевается и попрекает, муж бьет, все окружающие ненавистны, отвратительны. В сатирической песне все наоборот. «Молодой» все нипочем. Работа ей постыла, — она только и мечтает, чтобы медведь «задрал коровушку, освободил ее головушку». Все думы ее о нарядах: «чужие мужья добры — накопили женам черные бобры»; основная забота — набелиться да нарумяниться.

Конечно, все это дано в шутовой, иронической форме, но все же молодая женщина в песне как бы освобождается от всех забот. Тяжелая женская доля, гнет чужой семьи, мужа рожают шутовую мечту о приказе воеводы, который восстановит потерянную справедливость. Скажет воевода молодым бабам:

«Вот вам воля, вот вам воля,
Вот вам воля на три года:
Чем хотите, чем хотите,
Чем хотите колотите:
Поленом
По коленам,
Кирпичищем
По плечищам,
Головешкой
По головке».

И будет справедливости!

Но темы семейных отношений и даже супружеской неверности не занимают в русской сатирической песне большого места. Правда, к числу распространеннейших песен относятся песни об Акулинушке, муж которой некстати возвращается домой и последовательно обнаруживает жеребчика в конюшне, седло в сенях, кушак с шапкой в горенке; оказывается, сердобольная Акулинушка «к обедне ходила, сиротинушку нашла».

Однако больше, по-видимому, были распространены песни, высмеивающие ленивых, нерадивых жен, глупых франтих. Иногда речь идет о жене, которая просит продать «кобылку с коровушкой» и купить ей «душегрейку шелковенькую». Муж после этого запрягает в сани собственную жену — сюжет, широко известный в лубочной картинке. Еще чаще речь идет о бесталанной Дуне, которая иронически именуется «тонкопряхой». Пряла она «потолще полена, потоньше оглобли». Лень, бездарность, неумение работать — все это пороки, к которым песня совершенно беспощадна. Характерно, что в большинстве вариантов песен о ленивой и глупой жене есть намек на то, что она — из богатой семьи.

Большой интерес среди сатирических песен и былин представляет группа произведений, отмеченных чертами пародии. В комментариях к сборнику «Мнимая поэзия» В. П. Адрианова-Перетц писала: «Пародирование довольно широко охватывает различные виды народного словесного творчества: волшебная сказка, героическая былина, историческая песня, свадебное величание, духовный стих, иногда целые сцены из свадебного обряда, пародия на церковную службу, заменяющая старый обряд похорон масленицы, — все это встречается и до сих пор в записях этнографов».¹

Пародия фольклорная, по-видимому, развивалась параллельно пародии литературной. Д. С. Лихачев, говоря о «важной переходной форме» к художественному вымыслу, называет «столь распространенный в XVII веке» жанр — пародию. Исследователь пишет, что «в вымысле средневекового читателя пугала ложь; все, что не «исторично», чего не было в действительности, обман, а обман — от дьявола. Но открыто признанный вымысел — не ложь, тем более, если этот вымысел прикрыт шуткой. Отсюда-то и идет возможность вымысла в пародии как одной из переходных форм к новым принципам художественного обобщения. Вместе с тем пародия давала выход народному недовольству — недовольству не отдельными историческими лицами, а самим социальным укладом. Она позволяла широко обобщать жизненные явления, в чем особенно нуждались оппозиционно настроенные представители посада и крестьянства».²

Этого страха перед вымыслом не было в народном творчестве. В то же время социальная направленность не в меньшей степени была свойственна и фольклорным пародиям. Что касается песен

¹ См. примечания к сб. «Мнимая поэзия», под ред. Ю. Тынянова. М. — Л., 1931, стр. 409.

² Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Л.—М., 1958, стр. 127.

А и синее море — в лохани вода.
А у белого города, у жорнова,
А была стрельба веретенная,
А и пушки-мушкеты горшечные,
Знамена поставлены помельные,
Востры сабли — кокошники,
А и тяжкия палицы — шемшуры...

Именно это несоответствие и определяет смешное, сатирическое в знаменитой былине «Агафонушка». Характерно, что в вариантах начала нашего века та часть, которая перекликается с классическими былинами, исчезла. Остались лишь смешные эпизоды-небылицы. Видимо, как только в памяти народа подзабылось произведение, послужившее материалом для комического «перепева», пародийность перестала ощущаться вовсе.

«Пародия» в песне и в былине обычно близка к небывальщине. В народном творчестве нет другого раздела до такой степени неизученного, как все эти сказки, былины, песни, где разворачиваются события совершенно невероятные с точки зрения здравого смысла. Вся система образов их противоречит жизненным, реальным наблюдениям. Все действия — сплошная логическая ошибка. И в то же время именно в небывальщине сказались те черты русского фольклора, которые не всегда очевидны в обычных, логически развивающихся произведениях. Логическое сталкивается с нелогическим, традиционное с нетрадиционным, банальное с невероятным. Как и в детских рисунках, в небывальщине смещены перспективы, нарушены все закономерности. Достаточно привести несколько строк из песни «Вы послушайте, ребята...»:

На дубу гнездо свила,
Поросила поросят...
...Поросята визжат,
Полететь они хотят.
Полетели, полетели
И на воздухе присели.
Косолапый медведь,
С мухи шкуры содрав,
Полсапожки себе сшил,
В полсапожках щеголял...

Здесь все навыворот, все наоборот. Но для создания именно таких произведений нужна уже совершенно определенная уверенность в реальном соотношении вещей окружающего мира, убежден-

ность в невозможности «сверхъестественного», чудесного. В небывальщинах совершаются полеты на небо, вполне допустимы прогулки под водой и т. д. и т. п. — все то, что по здравому смыслу казалось нелепым. Происхождение песен-небывальщин пока представляется неясным. Очень возможно, что они, как и сказки такого типа, связаны с заговорами-оберегами, имевшими в далеком прошлом магические функции; их задачей было угождать всевозможным лесным духам, воспринимающим мир «с отрицанием». Но кроме этой первоначальной функции песни-небывальщины взяли на себя другую: они давали простор творческой фантазии, стесненной рамками крестьянского быта, угнетенной социальными и религиозными догмами.

Песня-небывальщина не просто набор смешных, невероятных положений; в какой-то мере это еще и наивная крестьянская утопия о мире, где человек может все — побывать на небе и поесть досыта, отомстить барину и приодеться в чистую одежду. Песня-небывальщина сводит счеты с притеснителями и угнетателями. Она делает это мимоходом — не так обстоятельно, как сатирическая сказка, где барин терпит побои, а поп отправляется на тот свет. Но именно в небывальщине все страшные властители действительности превращаются в жалких жуков, комаров и тому подобную мелочь.

Подчас трудно определить грань между небывальщиной и фольклорным комическим «перепевом». Одна из самых забавных песен, рассказывающая о гибели мухи, стилистически напоминает героическую былинку:

Восколебалось море,
Сыра земля застонала,
Начали сильны ветры дути,
Что стала муха тонуть.

А дальше все смешано воедино: слепни и драгуны, «жуки и знатны бояры»; попутно оказывается, что муха — княгиня, и т. д. и т. п. Глубоко спрятанная социальная заостренность небывальщины проявляется в неожиданной, парадоксальной форме.

Нет резких границ и между небывальщиной и другими видами сатирических былин и песен. И композиция их, и развертывание образов, и безусловно мелодическая сторона не противоречат соответственным чертам сатирических песен вообще.

В своем исследовании поэтики русского фольклора Б. Соколов обстоятельно рассмотрел принцип психологического параллелизма, который был выдвинут А. Н. Веселовским как «один из важнейших

композиционных приемов» песенного жанра. Б. Соколов писал, что «ближайший просмотр лирических песен в их тысячах записей приводит к необходимости значительного ограничения представлений об исключительном доминировании этого приема над другими... Прием этот применим всего не более как к пятой части всех лирических песен, при этом, конечно, имеем здесь в виду лишь параллелизм образов, но не синтаксический параллелизм».¹

Б. Соколов обнаруживает в песнях ряд композиционных особенностей, которые и называет: «ступенчатое сужение образов», «исключение единичного», «утверждение исключенного». Надо сказать, что сатирическая песня в основном подтверждает закономерности, выведенные Б. Соколовым на материале песни лирической. Последовательно рассматривая изображение природы, жилища, описание наряда и т. п. в сатирической песне, мы увидим, как выкристаллизовывается внутренний сюжет песни, ее глубокий конфликт.

Система «сужения образов» очень часто связана с аллегорическим иносказанием, характерным для различных обрядов. И хотя и аллегория и сами обряды поняты здесь как нечто достойное осмеяния, сама схема песни связана с первоначальной, как например в песне, начинающейся строками: «Выду на улицу, Выду на широкую, Ударю в ладони, Ударю в звончатые. Не звонки ладони, Звонки златы перстни». Дальше появляется свекор, и между ним и невесткой происходит такой диалог:

Тихонько, невестка,
Тихонько, голубка!
Не разбей ладони,
Не переломай златых колец!
— Не лопай-ка, свекор,
Не трескай-ка, лютый!
Не ты купил те перстни,
Не сын твой золотые, —
Купил мне батюшка,
Купил мне родимый.

В сатирической песне разговор о перстнях имеет двойной смысл — прежде всего речь идет о скупом свекре, но в подтексте есть и другая тема — тема любви, тема верности.

Исследователи песни часто забывали о том, что сатирическое

¹ Б. Соколов. Эскурсы в область поэтики русского фольклора. Художественный фольклор. М., 1926, стр. 38 и след.

в ряде песен держится на контрасте текста и музыки. Примером такого контраста может служить песня «Что во Киеве, во монастыре...», в центре которой диалог «отца» Демида и чернушечки. Текст ее как будто бы не содержит ничего указывающего на иронию:

«Ах, ты что делаешь, чернушечка,
Ах, ты что делаешь, моя душечка?»...
...— «Я муку сею, отче Демид,
Я муку сею, сын Макарьевич!»...
...— «Тебе на что мука, чернушечка,
Тебе на что мука, моя душечка?»...
...— «Мне квашенка творить, отче Демид,
Мне квашенку творить, сын Макарьевич!»...
...— «Тебе на что квашня, чернушечка,
Тебе на что квашня, моя душечка?»...
...— «Мне просvirки печи, отче Демид,
Мне просvirки печи, сын Макарьевич!»...
...— «Тебе на что просvirы, чернушечка,
Тебе на что просvirы, моя душечка?»...
— «Мне обедню служить, отче Демид,
Мне обедню служить, сын Макарьевич!»

Если представить себе музыкальное исполнение этой песни, то можно почувствовать черты, почти незаметные при чтении. Музыкальное сопровождение не просто подчеркивает, усиливает те или иные черты сатирической песни; по сути дела, очень часто именно музыкальная сторона и превращает песню в сатирическую.

Нарочито торжественная мелодия в песнях о комарах и мухах; героический оттенок в исполнении песни о Дуне, идущей на базар; вкрадчивая серьезность мотивов песен о «тонкопряхе» усиливает сатирическое звучание этих произведений, усиливает контрастностью и неожиданностью соединения текста и мелодии.

Следует еще подчеркнуть, что сатирические песни, как и песни вообще, — иногда материал для коллективного исполнения, рассчитанный на актерскую или авторскую игру. Именно эта игра подчеркивает те или иные социальные и бытовые мотивы, углубляет психологические характеристики. Тот «внутренний человек», который в далеком прошлом проникал даже в религиозно-дидактическую литературу,¹ в песенном фольклоре никогда не исчезал;

¹ В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков. Вопросы русской литературы XI—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 16.

сатирическая песня, дав целую галерею персонажей, позаботилась о психологизме героев, о внутренней аргументации их поступков. В массовом, коллективном исполнении эти черты приобретали особую резкость.

Русская сатирическая песня уже своим появлением свидетельствовала о высоких положительных идеалах народа, ибо «великая сатира возникает только там, где сам сатирик освещен каким-то, может быть, не совсем ясным, но тем не менее живущим в нем и в тех, кого представителем он выступает, идеалом».¹

¹ А. В. Луначарский. М. Е. Салтыков-Щедрин. Статьи о литературе. Гослитиздат. М., 1957, стр. 261.

* * *

Как у нас в сельце Поливанове
Боярин-дурак в решете пиво цедил,
А дворецкий-дурак в сарафан пиво сливал.
«Возьми, дурак, бочку, — больше пива насливаешь!»
А поп-от дурак косарем сено косил.
«Возьми, дурак, косу, — больше сена накосишь!»
А пономарь-дурак на свинье сено возит.
«Возьми, дурак, лошадь, — больше сена навозишь!»
А попович-дурак шилом сено подавал.
«Возьми, дурак, вилы, — больше сена подашь!»
А крестьянин-дурак косточкой пашню пахал.
«Возьми, дурак, соху, — больше пашню напашешь».

* * *

Как за барами житье было дривольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито.
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах ведь посижено,
Что в Сибири перебывано,

*

Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за бар мы богу молимся:
Божья церковь — небо ясное,
Образа ведь — звезды частые,
А попами — волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес — то наши вотчины,
Тракт проезжий — наша пашенка.
Пашню пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим — слегою
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим:
Свистнет слегушка — кафтан сошьет,
А вдругорядь — сапоги возьмет,
Свистнет втретью — шапка с поясом,
А еще раз — золота казна.
С золотой казной мы вольные.
Куда глянешь — наша вотчина,
От Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкого раздольица, —
Там нам смерти нет, ребятушки.

* * *

Вы, бродяги, вы, бродяги,
Беспачпортны мужики!
Да вы полноте, бродяги,
Полно горе горевать.
Настает зима, морозы,
Мы лишились гулять;
Только нам, братцы,
Страшенько скрозь зеленую пройтить —
Батальон солдат стоит порядком,
Барабаны по концам,
Барабанушки все забили,
Под приклад нас повели,
Белы рученьки подвяднут,
За прикладом поведут;

Спереди стоят и грозятся,
Без пощады сзади бьют.
Спины, плечи, братцы, настегали,
В госпитали нас ведут.
Разувают, братцы, раздевают,
Спать на коечки кладут,
Травкой мятой прикладывают,
Видно, вылечить хотят.
Мы со кончика слезали,
Выходили на лужок.
Во лужку, братцы, гуляли,
Стали службу разбирать,
Который прусский,
Который турецкий,
А мы белого царя.
Которых били да били,
А мы песенки поем,
А мы песенки, братцы, поем,
Господам честь воздаем.

* * *

Как и нынешняя весна
Нам не в радость пришла.
Любезные блины!
Господа наши бояре,
Нерассудливые,
Неразгадливые,
На работу гонят рано,
А хлеба дают мало.
Они есть не запрещают,
Только после попрекают,
Что помногу поедают.
Любезные блины!
Доставался один блин,
Любезные блины!
Мужики и бабы умирают,
А дьячки блины убирают;
Любезные блины!
По могилам бабы воют,
А дьячки-то блинки ловят.

Попы скажут: «паки, паки»,
Дьячки бегут, как собаки.

Любезные блины!

Волоса-то наших густы,
В карманах у них пусто.

Любезные блины!

По приходу мы пойдем,
Все карманы понабьем.

Любезные блины!

Как и толстой, толстопузой,
Он оборванной, кургузой.

Любезные блины!

За чижками мы ходили,
Много платы приносили.

Любезные блины!

От Николы до Николы,
От Николы-то указ,
Всем церковничкам приказ.

Любезные блины!

* * *

Старики наши старые!
У вас бороды седые,
Усы стриженные.
Не хлопайте усами,
Шевелите бородами!
Бородами шевелят,
Господ своих веселят.
Господа наши бояре,
Они нерассудливые
И нераздогадливые:
На работу рано гонят,
С собой хлеба дают мало.
Мы работу работали,
Мало хлеба поедали.
Хорошо лакеям жить
Во господском во дому:
Лакей пашенки не пашет,
Косы в руки не берет
И оброку не дает:

Куды послан, иди скоро,
Чтобы дело было споро!
Этот парень застоялся,
На девушку загляделся;
Не велят нам оправдаться,
Велят скорее раздеваться;
Уж я бит-то кнутом,
Любил девушку путем.

* * *

За горами, за долами,
За судейскими крючками
Весь народ пропал!
Как крючки-то нынче ловки,
В них совести нет.
У них совести не стало,
Правосудие пропало
От белых бумаг;
А Бориска-то горбатый
Гребет денежки лопатой
Черт знает за что.
Подбирает всё бумажки
Да кладет их возле ляжки
Для выгод своих;
Бирюков был при разряде,
А душа его во аде
Пламенем горит;
Он поставил себе столик
И сидит, словно разбойник,
В железных очках!

* * *

Серый кот кубовастый,
А сам возгревастый.
Здравствуйте, господа сенаторы!
А я из банковской конторы,

От сенаторов остался,
Да и в полковнички записался!
Сказать ли вам старину
Стародавнюю, саму небывалую?
На синем море мужики орут-пашут,
А по чистому полю корабли бежат...
Как у нас на славной тихой заводи
Даром птички хлебца не тратят:
Все птички по службам,
Всяк человек по добычам.
Взлез я на гору,
Стоит там церковь...

... ..
За стол робята садятся
И грамоте учатся.
С кем ни подерись-побранись,
Да кряду и помирись.
За гривной на море не стой,
Приказных-подьячих напой:
Будешь везде прав.

* * *

Богатую взять — будут попрекать,
Хорошую взять — много будут люди знать,
Умную взять — не даст слова сказать,
Церковного чина взять — кутейником станут звать,
Из посадских взять — много вина содержать,
Грамотницу взять — станет праздники разбирать,
Убогую взять — нечем содержать,
Старую взять — часто с ней хлопотать,
Фабричную взять — дому не собрать,
Пьяницу взять — станет, крадучи, вино покупать.

ИЗ МОНАСТЫРЯ БОГОЛЮБОВА СТАРЕЦ ИГРЕНИЩА

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренища,
Игренища-Кологренища,
А и ходит он по монастырю,

Просил честныя милостыни
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти, ее в рай спусти.
Пришел-та старец под окошечко
К человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню,
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя.
А тот удалой господин добре
Сосал редечки горькия,
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она
И за те за ворота за широкия.
Посмотрит старец Игренища-Кологренища
Во все четыре он во стороны,
Не увидел старец он, Игренища,
Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются, не мотаются,
И не рад-та старец Игренища
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя,
А и рад-та девушке-черनावушке.
Ухватил он девушку-черनावушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-та редькою горькою,
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.
Пошел он, старец, по монастырю,
И увидели его ребята десятильниковы,
И бросалися ребята оне ко старцу,
Хватали оне шилья сапожныя,
А и тыкали у старца во шелковый мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы росол пошел.
А и тута ребята десятильниковы,
Оне тута со старцем заздорили.
А и молится старец Игренища,

А Игренища-Кологренища:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите?
А меня вам обидеть — не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов монастырь,
А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-та носить, да не износить;
А другому дам комчат кафтан,
Он весь-та во титивочку повыстеган;
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со теми подковами немецкими.
А и тут ему ребята свободу дают,
И ушел он, старец Игренища,
А Игренища-Кологренища
Во убогие он свои во келийки.
А поутру раненько-ранешонько
Не изробели ребята десятильниковы,
Промежу обедни, заутрени
Пришли оне, ребята десятильниковы,
Ходят оне по монастырю,
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища-Кологренища.
А увидел сам старец Игренища,
Он тем-та ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-та ребята разумныя,
Пойдем-ка ко мне, в келью идите».
Всем рассказал им, подробно всё:
А четверть пройдет — другой приди,
А всем рассказал, по часам рассказал.
Монастырски часы были верныя,
А которой побыстрей их, ребят,
Наперед пошел ко тому старцу ко Игренищу.
Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить да не износить,
Поминать старца Игренища.
И по тем часам монастырскием
А и четверть прошла — другой пришел.

А втапоры старец Игренища
Другому дает кафтан комчатной:
Взял он плетку шелкбовую,
Разболлок его, детину, донага,
Полтора ста ударов ему в спину влепил.
А и тех-та часов монастырских
Верно-та их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренища,
Игренища-Кологренища,
А скоро удобрил и в келью взял,
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
«А вот вы, ребята десятильниковы,
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяется,
А другому наделил я комчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря,
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить да не износить».

ЧУРИЛЬЯ-ИГУМЕНЬЯ

Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почестных монастырей;
А и не было чуднее Благовещения Христова.
А у всякой церкви по два попа
Кабы по два попа, по два дьякона.
И по малому певчему, по дьячку;
А у нашего Христова Благовещенья честного
А был у нас-де Иван пономарь,
А горазд-де Иванушка он к заутрени звонить.
Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-та Чурилья к заутрени:
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц

Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в алтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхняя,
А поют оне на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмежаются.
Проговорит Чурилья-игуменья:
«А и Федор-дьяк, девей староста!
А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмежаются».
А и Федор-дьяк стал их спрашивать:
«А и старицы-черницы, души красныя девицы!
А что вы поете, сами мешаетесь,
Промежу собой, девицы, усмежаетесь?»
Ответ держут черницы, души красныя девицы:
«А и Федор-дьяк, девей староста!
А сором сказать, грех утаить,
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежу собой, девицы, усмежаемся:
У нас нету дьяка-запевальщика,
А и молбды Стафиды Давыдовны,
А Иванушки пономаря здесь же нет».
А сказал он, девей староста,
А сказал Чурилье-игуменья:
«То девицы поют, мешаются,
Промежу собой девицы усмежаются:
Нет у них дьяка-запевальщика,
Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки».
И сказала Чурилья-игуменья:
«А ты, Федор-дьяк, девей староста!
А скоро ты побегу по монастырю,
Скоро обойди триста келей,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
Али Стафиды ей мало можется,
Али стоит она перед богом молится?»
А Федор-дьяк заскакал-забежал,
А скоро побежал по монастырю,
А скоро обходил триста келей,
Дошел до Стафидины келейки:

Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит.
А Федор-дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел,
Он двери отворил и в келью зашел:
«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,
А твое бо дело богу молитися,
К заутрени иди!»
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца-водки добрыя,
И другой — медку сладкого,
И пали ему, старосте, во резвы ноги:
«Выпей стакан зеленá вина,
Другой — меду сладкого
И скажи Чурилье-игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует».
А и тот-та Федор, девей староста,
Он скоро пошел ко заутрени
И сказал Чурилье-игуменье,
Что той-де старицы, Стафиды Давыдьевны,
Мало можется, едва ее душа полуднует.
А и та-та Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келий,
И доехала ко Стафиды кельицы,
И взяла с собою питья добрыя,
И стала ее лечить-поить.

* * *

За святыми воротами черничка гуляла,
Ой люли, люли, люли, черничка гуляла.
Черничка гуляла, младая плясала.
Ой люли, люли, люли, младая плясала.
А сказали черничке, что поп Матвей едет;

Ой люли, люли, люли, что поп Матвей едет.
Она-таки скачет, она-таки пляшет.
Ой люли, люли, люли, она-таки пляшет.
А сказали черничке, что игуменья едет;
Ой люли, люли, люли, что игуменья едет.
Черничка взметалась, молодая взбросалась.
Ой люли, люли, люли, молодая взбросалась.
«Ах, куда ж мне деваться, да куда ж схорониться?»
Ой люли, люли, люли, куда ж схорониться.
Али мне утопиться? Али мне удавиться?
Ой люли, люли, люли, али мне удавиться».
— «Не давися, черничка, не топись, молодая!
Ой люли, люли, люли, не топись, молодая!
Иди в свою келью, спасай свою душу!»
Ой люли, люли, люли, спасай свою душу».
Черничка-голубка залилася слезами,
Ой люли, люли, люли, залилася слезами.
Камилавку под лавку, черну рясу на грядку.
Ой люли, люли, люли, черну рясу на грядку.
«Загорись, моя келья, святая обитель!»
Ой люли, люли, люли, святая обитель.
Спаси, спаси, боже, святые ворота,
Ой люли, люли, люли, святые ворота.
За которыми гуляла, за которыми плясала,
Ой люли, люли, люли, за которыми плясала.
За которыми плясала, свой чин забывала,
Ой люли, люли, люли, свой чин забывала.
Свой чин забывала, прежню волю вспоминала!
Ой люли, люли, люли, прежню волю
вспоминала!»

* * *

В одной келье монах бедный спасается:
По три разика в день напивается.
Как к обедне зазвонят,
Так монах идет в кабак.
С себя рясу пропивает
И клобук он закладает.
А целовальник не примаает,

Чернеца в шею толкает:
«Поди прочь, не докучай,
Не в теперешний случай!
Поди, в келейку пора,
Не заперты ворота!»
— «Чем мне в келейку идти,
Лучше в рощицу зайти!»
В роще девки грибы брали,
А чернеца в глаз не видали;
Доходили до конца,
Увидали чернеца.
Девки песенки запели,
Чернецу плясать велели.
Как начал же наш чернец,
Чернец бедный поплясывать,
Про свое житье Машеньке рассказывать:
«Не роди, боже, на свете
Молодым монахом быть!
Не велят монаху
Во царев кабак ходить,
Зеленое вино пить,
И еще того тошнее —
Красных девушек любить!»
Девка полем шла,
Себе грошик нашла;
Через межу преступила,
Всю полтину сколотила,
И на эту на полтину
Себе голуба купила.

* * *

Что во Киеве во монастыре
Тут стоит келья малешенька.
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
Что во той келье чернушечка,
Что во той келье моя душечка.
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.

Что пришел в келью отче Демид,
Что пришел в келью сын Макарьевич:
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
«Тебе бог в помощь, чернушечка,
Тебе бог в помощь, моя душечка!
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
Ах, ты что делаешь, чернушечка,
Ах, ты что делаешь, моя душечка?»
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
— «Я муку сею, отче Демид,
Я муку сею, сын Макарьевич!»
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
— «Тебе на что мука, чернушечка,
Тебе на что мука, моя душечка?»
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
— «Мне квашенку творить, отче Демид,
Мне квашенку творить, сын Макарьевич!»
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
— «Тебе на что квашня, чернушечка,
Тебе на что квашня, моя душечка?»
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
— «Мне просvirки печи, отче Демид,
Мне просvirки печи, сын Макарьевич!»
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
— «Тебе на что просvirы, чернушечка,
Тебе на что просvirы, моя душечка?»
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.
— «Мне обедню служить, отче Демид,
Мне обедню служить, сын Макарьевич!»
Отче владыче
архимандриче человеколюбче.

* * *

Как пошел наш чернец погуляти,
По проулкам-закоулкам походити.
Как навстречу чернечику стары бабы.
Чернечище клобучище понадвинул.
Как пошел наш чернец погуляти,
По проулкам-закоулкам походити.
Как навстречу чернечику млады бабы.
Чернечище клобучище на бок сдвинул.
Как пошел наш чернец погуляти,
По проулкам-закоулкам походити.
Как навстречу чернечику красны девки.
Чернечище клобучище долой сбросил.
«Не покуда мне, добру молодцу, шататься!
Не пора ли мне, молодцу, жениться,
Как не взять ли мне за себя красну девку?»
Возьми, возьми, с которой ты ходишь!

* * *

Вкруг я келейки хожу,
Вкруг я новенькия,
Вкруг сосновенькия,
Уж я старца бужу,
Я спасенную душу:
«Уж ты, старец, стань,
Ты, спасенная душа!
К заутрене звонят,
К обедне зовут!»
— «Уж ты прочь, пономарь,
Пустозвон, не мешай!
Не могу я встать,
Головы поднять:
Голова моя болит,
Ретиво сердце щемит...
Уж и встать было мне,
Поплясать было мне
Для милых гостей
Растрясти костей!

Моя милая идет,
Графин водочки несет,
Графин водочки несет,
Распростится да уйдет!»

* * *

Как под грушицею под кудрявою,
Люши.
Как под яблонею под зелененькою,
Люши.
Тут и келейка стоит.
Люши.
В келье старика лежит.
Люши.
Перед ней слуга стоит,
Люши.
Таки речи говорит:
Люши.
«Уж ты, старика, встань,
Люши.
Спасенная душа, встань!
Люши.
Чу, к обеденке звонят,
Люши.
Чу, часы говорят!»
Люши.
— «Уж я встать не могу:
Люши.
Правая ноженька болит.
Люши.
Переступить не могу.
Люши.
Правая рученька болит,
Люши.
Перекреститься не могу!»
Люши.
Как под грушицею под кудрявою,
Люши.
Как под яблонею под зелененькою,
Люши.

Тут и келейка стоит,
Люши.
В келье старица лежит.
Люши.
Перед ней слуга стоит,
Люши.
Таки речи говорит,
Люши.
«Уж ты, старица, встань,
Люши,
Спасенная душа, встань!
Люши.
Скоморохи вон идут,
Люши.
Всяки игры несут!»
Люши.
— «Уж и встать-то бы мне,
Люши.
Поплясать-то бы мне,
Люши.
Стары ноги поразмять!»
Люши.

* * *

Стрилецким ребятам
Полюбился монастырь,
Двум парнишкам холостым.
Женски платья надевали,
В монастырь брели,
Через тынов в монастырь,
К игумени в гости:
«Уж ты, матушка игуменья,
Прими нас в монастырь!»
Игуменья не узнала,
В монастырь приняла,
Казначейше отдала.
Хорошо она нас водила
И сладко кормила.
Вот монашенки дознались,
Стали игуменье доносить:

«Уж ты, матушка игуменья,
Помутился монастырь
От двух парнишков холостых!»
Монашенки...
Игуменья сводня,
Архирей потатчик,
Задонский монах
Загулялся в ...
Люшиньки люли, люшиньки люли!

ПОПЫ—ТАРАКАНЫ ЧЕРНЫЕ

Ой да на печи, печи, печи,
Собирались они, они вот попы,
Попы вот, попы — тараканы черные.
Ой да родимую мою козушку
На печь высокую они подымали,
Распинали вот ее на рогах.
Ой да находили тучи темные,
Они всё тучи, тучи горшечные,
Подымалась вот она война кочерёжная,
Ой да пышки-пампушки перепугались,
Все-то пышки-пампушки разбежались,
По пазухам вот они расховались.
Ой да укрой, укрой ты нас, хозяйюшка,
От тучи горшечной, войны кочерёжной,
От попов вот, попов — тараканов черных.
Ой да нет лютей их зверя, зверя лютого,
Не найти нигде, не сыскать их жаднее,
Жадней вот попов, попов прожористых.
Ой да они нас съедят, съедят, не задержатся,
Не задержатся они да не останятся,
Не останятся вот они, не насытятся,
Ой да попросят, попросят себе на придачу
Быка целого да телушку-трехлеточку,
А еще вот попросят всего борова.
Ой да у попов, попов — тараканов черных
Глаза-то завидушие, руки загребушие,
А в брюхе у них вот дна не бывало.

Братья вы, братья!
Долгое на вас платье.
Вы сушите сухари,
Вы кладите в кошель.
Шли там люди прохожие,
Несли грамотку,
В той грамоте написано
Два праздника:
Первый праздник — вознесенье,
Другой праздник — воскресенье.
Стоит-то церковь
Из пирогов состроена,
Лепешками вымощена,
Аладьями вывершена,
Блинами покрыта;
Стоит там поп,
Толоконный лоб,
Риза соломенная;
Подсвешники редишные,
Кадила репышные,
Свечи морковные.

Шел солдат с походу
В слякотну погоду,
Шибко перезяб,
Шибко перезяб.

Ему не во что одеться,
Он зашел в кабак погреться,
В кабачке тепло,
В кабачке тепло.

Там и дьякон безбородый,
Похваляется породой,
Породой своей,
Породой своей.

Уж ты, дьякон безбородый,
Не хвались своей породой,
Вас знают давно,
Что ваш поп буян.

Ваш поп пьяница, буян,
Без просыпу всегда пьян,
В кабачке сидит,
На бочку глядит.

Разбессовестны глаза
Растеряли образа:
Сам не знает, где поставил,
Попадью искать заставил.

Она не пошла,
Так домой пришла.
Десятские походили,
Под нарами находили.

Поп кадит кадилою,
Сам глядит на милую:
«Господи, помилуй
Акулину милую...»
Вот это попы,
Вот это попы!

УСЫ, УДАЛЫ МОЛОДЦЫ

Ах, доселева усов и слыхом не слышать,
А слыхом их не слышать и видом не видать,
А нонеча усы проявились на Руси,
А в Новом Усолье у Строгонова.
Они щепетко по городу похаживают,
А корабрики бобровые, верхи бархатные,
На них смурые кафтаны с подпушечками
с комчатыями,
А и синие чулки, астраханские черевики,
А красные рубашки — косые воротники,
золотые плетни.

Собиралися усы на царев на кабак,
А садилися молодцы во единой круг.
Большой усища всем атаман,
А Гришка-Мурышка, дворянский сын,
Сам говорит, сам усом шевелит:
«А братцы усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима настает,
А и надо чем усом голова кормить,
На полатях спать и нам сытым быть.
Ах, нутя-тка, усы, за свои промыслы!
А мечитесь по кузницам,
Накуйте топоры с подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сделайте бердыши и рогатины
И готовьтесь все!
Ах, знаю я крестьянина, богат добре,
Живет на высокой горе, далеко в стороне,
Хлеба он не пашет, да рожь продает,
Он деньги берет да в кубышку кладет,
Он пива не варит и соседей не поит,
А прохожих-та людей ночевать не пушат,
А прямые дороги не сказывает.
Ах, надо-де к крестьянину умеючи идти:
А по полю идти — не посвистовати,
А и по бору идти — не покашливати,
Ко двору его идти — не пошарковати.
Ах, у крестьянина-та в доме борзые кобели
И ограда крепка, избушка заперта,
У крестьянина ворота крепко заперты».
Пришли оне, усы, ко крестьянскому двору,
А хваталися за забор да металися на двор.
Ах, кто-де во двери, атаман — в окно,
А и тот с борку, иной с борку,
Уж полна избушка принабуркалася.
А Гришка-Мурышка, дворянский сын,
Сел впереди под окном,
Сам и локоть на окно, ноги под гузно,
Он сам говорит и усом шевелит:
«А и нутя-тка ты, крестьянин, поворачивайся!
А и дай нам, усам, и попить и поесть,
И попить и поесть и позавтракати».
Ох, метался крестьянин в большой анбар,

И крестьянин-ат несет пять пуд толокна,
А старуха-та несет три ушата молока.
Ах, увидели усы, молодые молодцы,
А и кадь большу, в чем пиво варят,
Замешали молодцы оне теплушечку,
А нашли в молоке лягушечку.
Атаман говорит: «Ах вы, добрые молодцы,
Вы не брезгуйте:
А и по-нашему, по-русски, холоденушка!»
Оне по кусу хватили — только голод заманили,
По другому хватили — приоправились,
Как по третьему хватили — ему кланялися:
«А спасибо те, крестьянин, на хлебе на соли
И на кислом молоке, на овсяном толокне!
Напоил нас, накормил да и животом надели,
Надели ты нас, усов, по пятидесят рублей,
А большему атаману полтораستا рублей».
А крестьянин-ат божится: «Право, денег нет».
А старуха ратится: «Ни полушечки!»
А дурак на печи, что клеит, говорит:
«А братцы усы, удалы молодцы!
А и есть-де ведь у батюшки денежки,
А и будет вас, усов, всех оделять,
А мне-де, дураку, не достанется;
А все копит зятьям, растаким матерям».
А проговорит усища, большей атаман:
«Братцы усы, за свои промыслы!
Ох, ну-тко, Афонас, доведи его до нас!
Ах, ну-тко, Агафон, да вали его на огонь!
А берите топоры с подбородышами,
Ах, колите заслон да щепайте лучину,
Добывайте огонь, кладите на огонь среди избы,
Валите крестьянина брюхом в огонь,
А старуху валите ... на огонь!»
Не мог крестьянин огня стерпеть,
Ах, стал крестьянин на огонь ...
Побежал крестьянин в большой анбар,
Вынимал из-под каменю с деньгами кубышечку,
Приносил крестьянин да бряк на стол:
«Вот вам, усам, по пятидесят рублей,
А большому-та усищу полтораستا рублей!»
Вставали усы, они крестьянину кланяются:

«Да спасибо те, крестьянин, на хлебе на соли,
И на овсяном толокне, на кислом молоке!
Напоил нас, накормил, животом наделил.
Ах, мы двор твой знаем и опять зайдем,
И тебя уьем, и твоих дочерей уведем,
А дурака твоего в есаулы возьмем».

* * *

Ах, усы, усы проявились на Руси,
Проявились усы за Москвою за рекой,
За Москвою за рекою, за Смородиною!
Как богат мужик живет, он ни пашет, ни орет,
Он ни пашет, ни орет, всегда хлеб продает.
Ну-ка вы, усы, за свои промыслы:
Ну-ка пойдем-ка да раздобьем-ка!
Вы берите уголек, раздувайте огонек,
Покладите хозяина с хозяйшкой.
Хозяин-ат божится: «Право, денег нет;
Одна девка за квашней, нет полушки за душой!»
Дурачище-мужицище на печке лежит,
На печи дурак лежит, свое говорит:
«Батька мой врет, будто денег нет:
Во чулане, во муке, во дубовом сундуке!»
Хозяйшка задрожала, за кубышкой побежала.
Ну-ка вы, усы, на свои промыслы!
У большого у боярина у Строгонова,
У его ли у приказчика у Воронова
Мы пойдем-ка да разобьем-ка!

* * *

Эй, усы, усы проявились на Руси,
Проявились усы за Москвою за рекой,
За Москвою за рекой, за Смородиною,
У них усики малы, колпачки на них белы,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Ой, смурые кафтаны, полы стеганые,
Пестрядинные рубашки, золотные воротники,
Со напуском чулки, с раструбами сапоги,

Ой шильцом пятки, остры носки,
Еще окол каблучка, хоть яичком покати.
Собирались усы во единой круг,
Ой один из них усища-атаманища,
Атаманища он в азямище,
Еще крякнул ус громким голосом своим:
«Ой, нуте-тка, усы, за свои промыслы,
Вы берите топоры, вы рубите верей.
За Москвою за рекою, что богат мужик живет,
Он хлеба не сеет, завсегда рожь продает,
Он пшеницы не пашет, всё калачики ест,
Он солоду не растит, завсегда пиво варит,
Он денежки собирает да в кубышечку кладет.
Мы пойдёмте, усы, разобьёмте мужика,
И вы по полю идите, не гаркайте,
По широкому идите, не шумаркайте,
На забор лезьте, не стучайте,
По соломушке идите, не хрястайте,
Вы во сенички идите, не скрыпайте,
Во избушку идите, все молитовку творите».
Ой, тот ли усища-атаманища
Он входит в избу, сам садится впереди,
Ничего не говорит, только усом шевелит,
По сторонущкам он посматривает,
Напырялась, нашвырялась полна изба усов,
Ой, на печи усы и под печью усы,
На полатях усы, на кровати усы,
Ой, крякнул ус громким голосом своим:
«Ой, ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся,
Ты давай нам, хозяин, позавтракати».
Ой, хозяин тот несет пять пуд толокна,
А хозяйюшка несет пять ведр молока,
И мы попили, поели, мы позавтракали.
«Ой, ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся,
Ты давай нам, хозяин, деньжоночки свои».
Ой, хозяин тот божится: «Нет у денег у меня»,
А хозяйюшка ратится: «Нет ни денежки у нас,
Одна девка за квашней, нет полушки за душой».
А дурак сын на печи он свое говорит:
«Ах как-то у батьки будто денег нет,

На сарае сундук во пшеничной во муке». Ой крикнул ус громким голосом своим: «Ой, нуте-ко, усы, за свои промыслы, Ой кому стало кручинно, нащепай скоро лучины, Вы берите уголек, раскладывайте огонек, Вы кладите хозяина с хозяйшкою». Ой хозяин на огне изгибается, А огонь около его увивается, А хозяин-от дрожит, за кубышечкой бежит, А хозяйшкa трясется да с ендовочкой несется. Ой мы денежки взяли и спасибо не сказали, Мы мошоночки пошили, кошельки поплели, Сами вниз поплыли, воровать еще пошли.

КТО ТРАВНИКА НЕ СЛЫХАЛ

А и деялося в весне
На старой на Канакже,
Ставил Потанька плужок
Под окошко к себе на лужок.
От моря-та синего,
Из-за гор высокиех,
Из-за лесу, лесу темного
Вылетал молодой Травник.
Прилетал молодой Травник,
Молодой зуй болотиник,
А садился Травник на лужок,
А травку пощипывает,
По лужку похаживает.
Ходючи Травник по лужку,
Да попал Травник в лужок
Своей левой ноженькой,
Он правым крылышком,
Да мезиным перстичком.
А и пик, пик, пик Травник!
Сидючи Травник на лужку,
На лужку Травник, во плужку,
Едва Травник вырвался.
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,

Залетел Травник в Москву
И нашел в Москве кабачок,
Тот кабачок-то кручок.
А и тут поймали его,
Били его в дуплю,
Посадили его в тюрьму.
Пять недель, пять недель посидел,
Пять алтын, пять алтын заплатил.
И за то его выпустили,
Да кнутом его выстегали,
По рядам его выводили.
Едет дуга на дуге,
Шелудяк на хромой лошади,
А все Травника смотреть,
Все молодого смотреть.
Едва Травник вырвался,
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,
На старую Канакже,
Ко Семену Егупьевичу,
И ко Марье Алфертьевне,
И ко Анне Семеновне.
Залетел Травник в окно,
По избе он похаживает,
А низко спину гнет,
Носом в землю прет,
Збой за собой держит
И лукавство великое.
А Семен Травника невзлюбил,
Господин Травника невзлюбил:
«А что за птица та,
А что за лукавая?
Она ходит лукавится,
Збой за собой держит,
А и низко спину гнет,
А носом в землю прет».
И Семен Травника по щеке,
Господин по другой стороне,
А спину-хребет столочил,
Тело-печень прочь оттоптал.
Пряники сладкие,
Сапогами печатаные,

Калачи крупчатые,
Сапогами толоченые.
Втапоры мужики,
Неразумные канакжана,
Они ходят, дивуются:
«Где Травника не видать!
Где молодого не слышать?
Не клюет травыньки
Он вечны зеленые».
Говорит Травникова жена,
Душа Анна Семеновна,
А наливная ягодка,
Виноградная вишенье:
«А глупы мужики,
Неразумные канакжана!
Травник с похмелья лежит,
Со Семенова почести,
А Семен его потчевал,
Господин его чествовал:
Спину-хребет столочил,
Тело-печень оттоптал».

* * *

Протекло теплое море,
Слетались птицы стадами,
Садилась птицы рядами,
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу-синицу:
«Гой еси ты, малая птица,
Малая птица-синица!
Скажи нам всю истину-правду,
Скажи нам про вести морские:
Кто у вас на море больший?
Кто у вас на море меньший?»
Провещает малая птица,
Малая птица-синица:
«Глупые вы русские пташки!
Все птички на море большие,
Все птички на море меньшие.

Орел на море — воевода,
Перепел на море — подьячий,
Петух на море — целовальник,
Журавль на море — водоливец:
То-то длинные ноги,
То-то французское платье,
По обильному зернышку ступает!
Чиж на море — живописец,
Клест на море — портной мастер,
Сова у нас на море — графиня:
То-то высокие брови,
То-то веселые взгляды,
То-то хорошая походка,
То-то желтые сапожки!
С ножки на ножку ступает,
Высокие брови подымает.
Гуси на море — бояре,
Утята на море — дворяне,
Чирята на море — крестьяне,
Воробьи на море — холопы:
Везде воробейко срывает,
Бит воробейко не бывает.
Лебеди на море — князи,
Лебедушки на море — княгини,
Желна у нас на море — трубачей,
Ворон на море — игумен:
Живет он всегда позад гумен.
Грачики на море — старцы,
Галочки-старочки — чернички,
Ласточки — молодушки,
Касаточки — красные девочки,
Красная рожа — ворона:
Зимою ворона по дорогам,
Летом ворона по застрехам.
Рыболов на море — харчевник,
Дятел на море — плотник:
Всякое дерево он долбит,
Хочет нам храм соорудати.
Сокол у нас на море — наездник:
На всякую птицу налетает,
Грудью ее побивает.
Кулик на море — рассыльщик,

Кокушка-то — вздорная кликушка,
Блинница на море — цапля,
Чечет — гость торговый.
Сорока-то у нас — щеголиха:
Без калача не садится,
Без милого спать не ложится,
Пешая к обедне не ходит —
Всё бы ей в богатых колымагах,
Всё бы она во коляске,
Всё бы ей кони вороные,
Всё бы ей кареты золотые,
Всё бы ей ребята молодые,
Всё бы молодые, холостые.
Бедная малая птичка,
Малая птичка-синичка,
Сена косить не умеет,
Стадо ей водить не по силе,
Гладом я, птичка, помираю».

* * *

Совонька, Совонька,
Пречестная вдовонька,
Хорошая барыня,
Аверья Степановна.
Через Волгу в монастырь —
Хорошие гости.
Хвалена сторона,
А сегодня праздник,
Завтра буднишна.
Прянички сладки,
А девушки гладки.
Старушки ядрены,
Ребятюшки коренны.
Де-то, Совонька, бывала,
Де-то с милым ночевала?
Никто Совоньку не знал,
Никто ее не видал.
Распознали Совоньку
Комары да мушки,

Стали сватать за нее,
За луня за белого,
За друга за милого.
Стали ее снаряжать —
В онучки, в тряпочки,
В банные затычки,
Из чирков оборки,
Из саней завертки.
Ворона-сватуха,
Сорока-стряпуха,
Ворон-повар, по двору гуляет,
Всё курей снимает.

* * *

Отчего у нас зима становилася?
Становилася зима да от морозу,
От зимы становилось лето теплое,
От лета осень богатая.
По тья по осени богатя
Залетала малая птица-певица,
А малая птица-певица
И садилась ко зеленому садочку,
Превысокому дереву-камышу,
И начала песни-то пети,
Русским птицам голос подавати.
И слеталися-то русские птицы,
Слеталися стады они стадами,
Садилися около рядами,
В одну сторону головами,
И начали песни-те пети,
Заморскую птицу пытати:
«Скажи, скажи, малая птица,
Малая птица, малая птица-певица,
Кто у вас за морем больше,
А кто у вас за Дунайским меньше?»
И ответ держит малая птица,
Малая птица-певица:
«Глупые вы русские птицы,
Зачем ко мне вы прилетели
И зачем про сине море спросили?»

Нету у нас на море больших,
Нету за Дунайским меньших.
Цари-то царствуют по царствам,
А воеводы живут по уездам,
Подьячие люди по присутствиям,
А солдаты идут по походам,
А всеи-то у нас по службам,
Всеи-то у нас по работам.
Старцы-игумны живут в монастырях,
Попы-ты живут по погостам,
А крестьяне живут по деревням,
Гости торговые по посадам.
Еще ли за Дунайским морем
Колпик был на море царик,
А колпица была белая царица,
Соловей — князь веселый —
Во всякие потехи играет,
Всеми он царя спотешает.
А гуси — те на море бояре,
Лебеди — на море княгини,
Ласточки были девицы,
Утицы были молодницы;
Селезни — те гости торговые,
По синему морю плавают,
Всякими товарами торгуют.
Чайки — те были водоплавки,
А гагары — те были рыболовки,
Из озера в озеро ныряют,
Всякую рыбу добывают;
И на горе та рыба не бывала,
Крестьяне ту рыбу не едали.
Черные враны были старцы,
Галицы — теи были черницы.
А голубь на море — попик,
Голубушка у нас — попадейка;
Косачки были дьячки церковные,
А травник пономарь был церковный,
Кулик — он трапезник;
Конюк он был целовальник,
Сорочка — кабацкая женка —
С ножки на ногу скакала
И черные чёботы держала,

Высоко она подолы подымала
И всех удалых молодцов приманяла.
Без калачика есть она не сядет
И без молодчика спать не ляжет.
Пеша она, сорока, не ходит —
Всё ли она ездит на подводах,
Пара у ней коней вороных,
А извозчики — ребята молодые.
А рябчик — тот на море стряпчик,
А журавль тот был перевозчик,
Русскую птицу перевозит,
Через сине море бродит;
Ножки тоненьки, долгеньки
И штаники узеньки, тоненьки —
Цветного платья не мочит.
Орел — он на море наместник,
Единожды в год прилетает,
Великую дань собирает —
По три головы да по четыре,
И по целому берет и по десятку.
Дятел — на море плотник,
А женка была церковный мастер —
По темному лесу летает,
Всякое-то дерево пытается.
Ястреб он был атаманом,
А филин — он тать-разбойник;
А богатая птица ворона
Зимой она сыта по дорогам,
А летом она сыта по суслонам.
Тетерек — мужик деревенский,
А коппала — крестьянская женка.
Синька была птица полёжлива,
Часто лежит она хворает,
Долго она не пропадает
И работы работать не умеет;
Казачка нанять она не смыслит;
Дрозд у ней был казаченько,
Он всякие работы работает,
А гроша найму он не видает.
А победная птица кокуша
День она летает — кокует,
Ночь она летает — кокует,

А детей выводить не толкует
И всегда, бедна, плачет, кокует.
А куропать — бобыль беспоместный —
Из куста в куст он летает,
Нигде себе подворья не имеет.
Воробьи были боярские холопы,
А петухи-то — казаки донские;
То-то молодцы удалые,
Жен держат они помногу,
По три жены да по четыре,
По целому держат по десятку,
И надо всеми петухи-то большие.
А не так, как на России у крестьянина:
Одна его бажёна жenuшка —
И той нарядить он не смеет
И на работу послать не разумеет,
И большины вести он не умеет,
А не так, как петухи, молодцы удалые:
Тую под крыло, иную под крыло —
И всякая жена его боится.
Победная птица курица — кто ни поймает,
Все бедну из-за яйца пытаются
И любимым зятьям запасают.
Еще ли за Дунайским морем
Лев-то зверь был мясник,
А медведушко у нас — кожедёрник,
А волкушко у нас был овчинник,
Заюшко у нас был калашник,
А лисица, молодая молодлица,
На долгий хвост она не ступит,
А сделает вину — она не скажет.
А собачка лихая была свекрова,
По подоконью ходит,
Все она кусочки собирает.
А кошечки были вдовицы,
То-то сироты-бобылицы;
День кошки лежат они по печкам,
А ночью пойдут по добычкам,
Молочные крыночки ломают,
Без ложки сметану снимают —
За то их быют без пощады.
А и всем молодцам был роспуск,

И всем молодыям был разъезд:
Красным девицам по теремам,
А молодым молодцам по лавкам,
А молодым молодкам по скамейкам,
А старым старикам по полатям,
А старым старушкам по печкам;
То-то старушка на печку,
То-то старухе надо теста,
Крынка овсяного теста;
Ела бы старуха, молчала,
И молчала бы старуха, не ворчала.
Всем вам, молодцам.
Дунай, больше петь — больше не знаю.

ЧЕЛОБИТЬЕ ПТИЦ

Что во марте было месяце,
Во восьмой было тысяче —
Горе-горькая кукушица
Бьет челом сизым орлам
На богатую породу,
На Карпову дочь ворону:
Будто богатая порода,
Карпова дочь ворона,
Гнездо разорила,
Детей прибила,
Ноги связала,
Под гнездо сметала,
Пять рублей денег украла;
По полям летает,
Суслоны обивает,
Крестьян збрит.
Крестьяне разорились,
По чужой стороне набродились,
Милостыни напросились.
Сыч прилетал, сын подьячий:
«Ступайте, отыщите ворону!»
Летали, летали —
Нашли ее в поле на огороде:
«Ворона! Тебя требует
Белая куропать».

Ворона прилетает близко,
Кланяется низко,
Говорит умильно:
«Ваше благородье,
Филипповье отродье!
Верхний и нижний суд,
Белая куропать,
На что меня требуете?»
— «Ты, говорят, по полям летаешь,
Суслоны обиваешь,
Крестьян зоришь.
Крестьяне разорились,
По чужим сторонам набродились,
Милостыни напросились.
— «Я этому делу не виновата!»
— «Сыч пристав, сыч подьячий,
Ищите ворбнье жилище!»
Летали, летали —
Нашли в поле на ели —
Тут и дом ее.
В спальнoй горнице
Кровать тесовая,
Перина пуховая,
В ногах три дятлины головы,
В головах пять рублей денег
И два амбара хлеба.
«Ворона! Где ты эстолько денег накопила?»
— «Денежка по денежке,
Копила, да и накопила».
— «Где ты, ворона, эстолько хлеба взяла?»
— «Зернышко по зернышку сбирала —
Да и насбирала».
Взяли вороне поздри вырвали,
Кнутами наказали
И во ссылку послали.

* * *

Во лесе, во лесе,
Во темном, зеленом
Стояло дуплище.

На том на дуплице
Сидела совища.
Как к этой совище
Летают луницы:
«Сова, моя совка,
Любимая женка,
Не пойдешь ли замуж
За белого луня,
За милого друга?»
— «Лунь ты мой белый,
Друг ты мой милый,
Налетели на меня
Два стада журавлей.
А я уробела,
А я второпела,
Я кинулася,
Опрокинулася
В куст головою,
Кверху ногою».
Прилетела ко двору,
Сова села на полу,
Повесила голову,
Расплакалася,
Раскулябилася:
«Лунь ты мой белый,
Налетели на меня
Два стада журавлей,
А я уробела,
А я второпела,
Я кинулася,
Опрокинулася
В куст головою,
Кверху ногою».
— «Ох моя совка,
Любимая женка!
Сова моя,
Жена моя,
Московская боярыня,
Питерская сударыня,
Честная княгиня!
То-то наши люди,
То-то наши слуги

За морем были,
Сено косили,
Нам приносили.
Носы-то — косы,
Крылья-то — вилья,
Ноги-то — грабли;
Сущий стряпчий,
Большой воевода,
Московский подьячий
Дятел кормовым.
Сорок кадушек
Соленых лягушек,
Сорок амбаров
Сухих тараканов».

СПОР ПТИЦ И СУД СРЛА

Бедный гусь на море живал,
Много холоду, голоду видал,
Бога сроду в глаза не видал.
Прилетел к нему журав:
«Эх ты, гусь-вертогуз!
Ты на море живал,
Много холоду, голоду видал,
Бога сроду в глаза не видал;
Я повыше тебя летаю,
Почище платья надеваю,
И то бога в глаза не выдаю».
Прилетел жавороночек, птичка-невеличка:
«Долгобутылый журав,
Я повыше вас всех летаю,
И то бога в глаза не выдаю».
Прилетела сорока-посвистуха,
Деревенская баба-лопотуха:
«Я бога в глаза видала,
С богом баяла о телесных душ <ах> —
Кому рай, кому спасенье».
Прилетел соколиша,
Молодой парниша,
Тишь-шишлата:

«Я по вам царь».
Прилетает черный ворон:
«Ах, соколиша, молодой парниша!
Почему ты царем называешься?
Царским хвамилием поношаешься?
У нас есть царь-орел.
Я царю-орлу просьбу подам».
Пришла от царя орла:
«Сороку с соколом связать,
Отправить в темное лесище,
В старое дубище,
В белые палаты».
«Ну, соколиша, молодой парниша!
Почему ты царем называешься,
Царским хвамилием поношаешься?»
— «Потому я царем называюсь,
Повыше всех я летаю,
Всякую птицу на лету пошибаю.
Почему ты, царь, орел называешься?»
— «На деньгах — орел, на билетах — орел,
На царской короне — орел».
— «Ну ты, сорока-посвистуха!
Деревенская баба-лопотуха!
Где ты бога видала,
С богом баяла о телесных душах —
Кому рай, кому спасенье?»
— «Батюшка царь, я не в своем уме была, —
Промолвилась и проговорилась».
— «Будь ты, сорока, барыня,
А ты, сокол, — барин!»
Они царю-орлу поклонились,
Кверху взвились и полетели.
Прилетает ворона:
«Батюшка царь, рассуди мои дела
С воробьишем, с скверным мальчишем!
Он в Москве живал — намосквичился,
То в горб мне, то в голову,
Я оттого погоду чую».
А воробей сидит и говорит:
«Как не бить дуравишу?
Сядет к мужику на овин,
Орет, кричит».

Мужик торопится, высаживать боится.
Нет у мужика печеного,
Нет ни молоченого.
Карга каргует, погода будет.
Дураки воробьи били,
Что ее до смерти не убили».
Прилетает наседка:
«Батюшка царь, рассуди мои дела
С деревенскими бабами:
Они меня бьют, колотят».
А голубок сидит:
«Батюшка царь, как не бить дуравишу,
Большую ардавишу?
Водить она не водит,
Кормить не кормит.
Посеет мужичок годового запаса:
Лучку, репки, морковки,
Она на город взойдет,
Изроет, учиридит;
Тем не пройметя,
К соседу заберетя.
А за то бывает у них драка».
Прилетает цапля:
«Батюшка царь, благослови меня!
Я полечу в монастырь спастыся:
Я перед богом грешна».
— «Чем ты, цапля, грешна?»
— «Поставит мужик вершу,
Я сяду на вершу,
Которую рыбу потаскаю,
Которую — распужаю.
Придет наутро трясти,
А там ничего нет».
А галочка сидит:
«Я полечу в монастырь спастыся,
Я настоящая монашенка,
Черная и в кружок пострижена,
На колоколенке живаю,
Церковную службу слыхаю».
А глухой тетерь:
«А я на кусте сижу,
Чужих дел не сужу».

Синичка в ответ:
«Идешь же, глухой тетерище,
Наших дел судить:
Тебя не то что охотник убивает,
Часто деревенская баба
Из-под куста голову сшибает».

ЛОВЛЯ ФИЛИНА

Да Матюша услышал, ко соседу побежал,
Да ко соседу-ту к Петру да ко Тарасовицю;
Колотился под окном да большим рошмаком да всё
шабальником:
«Уж ты встань-ко ты, Петруша, пробудись-ко, мой
сосед.

Еще что эо уцюдилося, что то удеялось?
Что за Кыркиной за лягой, за детковой за пожней,
за медвежьем наволоком,

Тут кошкой-то кунярка, собакой-то горьцит,
Пищит-верещит, придикиваёт.

Собиралися ребята во едину во избу

Да сядились вдруг да по скамейкам в круг.

Они советовали, сами беседовали:

«Еще как же мы, ребята, будём филина ловить?»

Да Петруша ходит слуша, не филин ли сидит;

А Матюша ходит тюка, хочёт сосну рубить;

А Чика ходит чика, хочёт филина стрелять.

Да стреляли филина да из большого ружья да
из оленного.

Да попало филину по заду и по перу.

Еще филин трепестался, да Чика ...

Филин выше поднимался на сосну, на сушину, на саму
на вершину.

Да сук не пригодился, филин на землю свалился.

«Еще как же мы, ребята, будём филина делить?»

— «Да Петруше-то — полтуши, Матюше — серы уши,
Ивану — ноги драны, Борису — ноги лисы».

Да Петруша схватил филина да об землю хвоснул:

Начто его делить, да как нельзя его варить?

Мы повесим филиноцька к Ушакову на гумѣшку,
на проезжу на дорожку;
Кто пройдет и проедет, тот и филина спомянет:
«Топеря тебе, филин, не по соснам летать
да не Шидмицей пущать».

СТАРИНА О БОЛЬШОМ БЫКЕ

Ай диди, диди, диди, диди,
Князи, послушайтѣ,
Да бояры, послушайтѣ,
Да вы все, люди земскиѣ,
Мужики вы деревенскиѣ,
Да солдаты служивые,
Да ребятушки маленькиѣ,
Не шумите, послушайте.
Да старушки вы старенькиѣ,
Не дремлите, послушайте,
Молодые молодушки,
Не прядите, послушайте,
Да красныя девушки,
Да не шейте, послушайте,
Да как я вам пословицу скажу,
Да пословицу хорошенькую,
Про того ли про большого быка,
Про быка рободановского.
Да как тот ли великиѣ бык,
Да как степи рукой не добыть,
Промежду роги косая сажень,
На рогах подпись княжеская:
Василья Богдановского,
Да еще Рободановского.
Да как наш-от великиѣ князь
Афонасий Путятинской,
Да не ест он гусятинки,
Да не белыя лебедятинки,
Да не серыя утятинки,
Не индейской курятинки.
Да свинина отъеласе,
Баранины не хочется.

Захотелосе говядинки
Да урослой телятинки.
Да как сам-то похаживает,
Да как сам-то покряхивает.
Бородой-то потряхивает.
Да как сам выговаривает:
«Да как есть ли у меня на дворе
Да такие люди надобные.
Да сходили бы на барский двор,
Да на поместье дворянское
По того ли по большого быка,
По быка рободановского».

Да как был-то Зеновей слуга.
Да он часто по Волге ходил,
Да он много-то сёл нам громил,
Да и тем голову кормил.
Хватил конопля на плетень
Да скочил за Москву за реку
Ко двору-то боярскому,
Да к поместью-то дворянскому.
Да как свил-то ведь вязивцё,
Да как он вор догадлив был,
Быку липовы лапотци обул,
Наперед он пятами повернул,
Да как так-то быка увел.
Да завел быка в рощицу,
Привязал быка к деревцу.
Да как сам-то похаживает,
Да как сам поговаривает:
«Да как кто-то быка-то увел,
Да и тот-то безвестно ушел,
Да как кто с быка кожу сдерет,
Да и тот концом пропадет».

Да как был-то Алеша-мясник,
Да у него кулаки мясны,
Да у него клепики востры.
Да как ткнул быка палкой в лоб,
Да как ткнул клепиком-то в бок,
Да как взял с быка кожу слупил,
Да слупил — в трубу завертел,

Завязал его вязивцём,
Да и чуть на плечо воротил.
По несчастью Алешенькину,
По навожденью по дьявольскому,
Да как люди-те пробаяли,
Да собаки-те облаяли,
Да обстали собаки в круг,
Да лише только кожа кинуть с рук.
Да скочил за Москву за реку,
Да как к Митьке к кожевникову.
Полтора годы в деле была,
Да не удала из дела вышлѧ:
Да середочка выгнила,
По краям не осталось ничто.
Да Алеши-то мясникову,
Да как Митьки-то кожевникову
Как кожи по рядам провели,
Да кожи те кнутом набилѧ,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы нѧ люди добрые,
Да не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Да лише только головѧ отстать:
Та-то беда — не беда,
Да лишь бы боле той не была.
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку рободановскому,
Да были два те харчевничка,
Да молодые те поспешнички,
Да как губки обрезаывали,
Да бедѣрки обрезаывали,
Да как сделали студеньцу
Молодую да с прѣрезью,
Да на здоровье и с лѣгостью,
Да не на что не подумати.
Выносили на базар продавать,
Да как гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да студенечку подкушивали,
Да как ей-то подхваливали:

Да как-то это студеньца
Молодая да с прорезью,
На здоровье и с лёгкостью,
Не на что не подумати,
Да не того ли большого быка,
Да быка рободановского.
Да как двум-то харчевникам,
Да молодым-то поспешникам,
Да как кожи по рядам провели,
Да как кожи те кнутом набили.
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Лише только головы отстать,
Да как то-то беда — не беда,
Да лишь бы больше той не была.
К тому ли к большому быку,
Да быку рободановскому.
Да была Марья-харчевенка,
Молодая поспешенка,
Да кишочки обрезавала,
Да как их-то начинивала
Толоконцем да крупочкой,
Да лучком да и перечком,
Вносила на базар продавать.
Да как гости подхаживали,
Да боята подхаживали,
Да кишочки подкушивали,
Да как их-то подхваливали:
Да как-то это кишечки
Молодые да с прорезью,
На здоровье и с лёгостью,
Не на что не подумати,
Не того ли большого быка,
Да быка рободановского.
Да как Марья-то харчевенки,
Да молодой-то поспешенки,
Да как кожу по рядам провели,
Да как кожу-то кнутом набили,

Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова,
Лише только головы отстать,
Да как та-то беда — не беда,
Да как бы больше той не была.
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку рободановскому,
Да был не́каков волынщикёк,
Да молодой-от гудошничёк.
Да он дру́гом лужырь доступил,
Да как сделал вольночку
Да на новую перегудочку,
Да как стал он на рынок гулять,
Да как стал он в вольнку играть,
Да как гости подхаживали,
Да бояре подхаживали,
Да вольнку послушивали,
Да как ей-то подхваливали:
Да как-то это вольночка
На новую перегудочку,
Да не на что не подумати,
Не того ли большого быка,
Да быка рободановского.
Да тому ли то волынщику,
Да молодому-то гудошнику,
Да как кожу-то кнутом набили,
Да как справили двести рублей,
Да по двести с полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Не заступы те крепкие,
Да не гости те Строганова.
Лише только головы отстать,
Да как та-то беда — не беда,
Да как боле бы той не была,
Да к тому ли к большому быку,
Да к быку рободановскому,
Да как важная косточка

Да как стала-то в пять рублей,
Да как каждое рёбрышко
Да как стало-то в семь рублей,
Оприче станových костей,
Ровно тысяча сёмьсот рублей,
А станovým костям
И цены не знай.

* * *

Ерема из Белева,
Хома из Болхова, —
Ерема та с Хомой
За единой человек.
Они братиники,
Еще гнездники:
«Как и полно, брат, лежать,
Не пора ли работáть,
Пора пашенку пахать?»
Ерема купил соху,
А Хома-то борону;
Ерема купил мерина,
А Хома-то жеребца.
Ерема-то пахать,
А Хома-то волочить.
Еремина нейдеть,
А Хомина не везеть.
Ерема-то убил,
Хома так облупил.
«Ах, и то-то, брат, добро,
Что обеим поравно!
Не наше было дело
В поле пашенку пахать,
Только наше было дело
Вокупеческое».
Ерема купил луку,
А Хома-то чесноку.
Ерема-то во деревню,
А Хома-то во село.
У Еремы-то не купют,
У Хома даром не берут.

ФОТОГРАФИИ ИЛЛЮСТРАЦИИ КОСКИНЪ И ОТЕЦЪИ ДИОНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТИ ПЕТЕРБУРГА

ХРАБРЫЙ РЫЦАРЬ ФРАНЦУЗСКОГО ВЕЩАТЕЛЬ

«Уж и то-то, брат, добро,
Что обеим нам равно!
Да не наше было дело
Вокупеческое,
Только б наше было дело
Под дорогами стоять,
Зипуны, шубы снимать».
Ерема режет палку лутоховую,
А Хома-то — с чего лыки-то дерут.
«Уж и то-то, брат, добро,
Что обеим нам равно!»
Ерема-то за шубу,
А Хома-то за зипунь.
Как наехал дворянин,
Он обеих их перебил:
Еремю дугою,
Хому вязиницей,
Еремю по бокам,
А Хому-то по ребрам.
«Уж и то-то, брат, добро,
Что обеим нам равно!
Да не наше было дело
Под дорогами стоять,
Только б наше было дело
Серых заюшков ловить».
Ерема купил суку,
А Хома-то кобеля.
Ерема по лесам,
А Хома-то по межам.
Ерема — русака,
А Хома-то — беляка;
У Еремы-то ушел,
У Хома-то вырвался.
«Уж и то-то, брат, добро,
Что обеим нам равно!
Да не наше было дело
Серых заюшков ловить,
Только б наше было дело
В церковь божию ходить».
Как Ерема-то в шапке,
А Хома-то в шлычку.
Как Ерема-то в церкву,

* * *

Жардодон, жардодон!
Что не во поле мужик
Косарем сено косит.
Мне идти, молоде,
Научить дурака:
«Ты возьми-тко, дурак, косу,
Больше сена накопишь».

Что не во поле мужик
Бороной сено гребет.
Мне идти, молоде,
Научить дурака:
«Ты возьми-тко, дурак, грабли,
Больше сена нагребешь».

Что не во поле мужик
Шилом сено подавал.
Мне идти, молоде,
Научить дурака:
«Ты возьми-тко, дурак, вилы,
Больше сена подашь».

Что не во поле мужик
Бабой стоги подпирал.
Мне идти, молоде,
Научить дурака:
«Ты возьми, дурак, топор,
Насеки же больше пор,
Порам крепко подопрешь,
С бабой век свой проживешь».

* * *

Побежал наш дурында
В чужую деревню,
В чужой-то деревне
Овин молотили.
Тут-то наш дурак сказал,

Тут-то молвил:
«Создай вам боже
С овина по овсине,
А с копны три зернины!»
Тут его били,
Тут его колотили.

Побежал наш дурында
В свою-то деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Там меня били,
Там и колотили».
— «Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бы тут, дурак, сказал:
Создай вам боже
Носить не переносить
И возить не перевозить!»

Побежал наш дурында
Во чужую деревню,
В чужой-то деревне
Родителя несут.
Тут наш дурак и сказал:
«Создай вам боже
Носить не переносить,
Возить не перевозить».
Тут его били,
Тут его колотили.

Побежал наш дурында
Во свою деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Там меня били,
Там меня колотили».
— «Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бы тут, дурак, и молвил:
Вечная память,
Царство небесно!»

Побежал наш дурында
В чужую деревню,
В чужой-то деревне
Свадьбу играют.
Тут наш дурак сказал:
«Вечная память,
Царство небесно!»
Тут его били,
Тут его колотили.

Побежал наш дурында
В свою деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Там меня били,
Там меня колотили».
— «Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бы, дурак, плясал,
Ты бы, дурак, скакал».

Побежал наш дурында
В чужую деревню,
В чужой-то деревне
Овины горят.
Тут наш дурак плясал,
Тут наш дурак скакал.
Тут его били,
Тут его колотили.

Побежал наш дурында
Во свою деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Там меня били,
Там меня колотили».
— «Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бы тут, дурак, с ведром,
Ты бы тут, дурак, с водой».

Побежал наш дурында
В чужую деревню,
В чужой-то деревне
Мужик свинью палит.
Тут наш дурак с ведром,
Тут наш дурак с водой.
Тут его били,
Тут его колотили.

Побежал наш дурында
В свою деревню:
«Баба ты, баба,
Жена молодая!
Там меня били,
Там меня колотили».
— «Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бы тут, дурак, сказал:
„Репа тебе мясо,
В праздник разговеться,
Тем и заговеться!“»

Побежал наш дурында
В чужую деревню.
В чужой-то деревне
Мужик кобылу дерет.
Тут-то наш дурак сказал:
«Репа тебе мясо,
В праздник разговеться,
Тем и заговеться!»
Тут его били,
Тут его колотили.

* * *

Лень моя, лень, лень ленивая!
Тепло ли тебе, лень?
Холодно ли тебе, лень?
— Мне не так тепло,
Мне не так холодно.

Оденьте меня!
Приголубьте!
С красной девушки венки,
С молодухи платок,
А со малого ребенка
Косой вороток.

.
Где утя шла —
Там пыль прошла,
А где я, молода, —
Там рожь густа.
Она густа, густа,
Густа и колосиста,
Колосиста и волосиста:
Со колоса — корвега,
Со полужерна — калач,
А с целого — пирог.

СЕРГЕЙ ХОРОШ

Ай уж ли вы, миряне,
Государевы дворяне,
Благословите-тка вы, дворяне,
Про Сергея-та сказать.
Про Сергея Боркова, сына Федоровича,
А не сергеевской Сергей,
Не володимерской Сергей,
А живал всё Сергей
На Уфе на реке,
В ямской слободе,
У попа во дворе, в приворотней избе.
Спознала про Сергея
С гостиного двора
Гостинная жена,
Гостинная жена,
Крестиною зовут.
Она пиво наварила
И ведро вина купила,
Позвала его, Сергея, на пирушечку.
Приходил Сергей

Всех прежде людей,
А для-ради Сергея
И соседей позвала.
А и тот с борку,
Иной с борку,
Уже полна изба принабуркалася.
А и день к вечеру
Вечеряется,
Сергей молодец
Напивается,
Изволил он, Сергей,
Ко двору своему идти, ко подворью своему.
А в доме Сергей
Он опаслив был,
Он опаслив был
И не верил жене.
И не верил жене и ревнив добре.
Заглянет Сергей
В огороде-хмельнике,
В огороде-хмельнике,
На повети в сеннике,
На перине на боку,
В шитом-браном пологу,
А и тут Сергей не видал никого.
Заглянет Сергей
Во свином котухе,
А увидел он, Сергей,
Чужого мужика,
А чужого мужика
На жене-то своей,
.
Сергей заревел,
Мужика испужал,
А мужик побежал,
На повесть скакнул.
На повесть скакнул,
Он повесть обломил
Да скотину задавил,
Он быка задавил,
Овцу-яловицу,
Овцу-яловицу,
Семерых поросят.

А стало у Сергея
Три беды во дому:
Первая беда —
Мужик поветь обломил,
А другая беда —
То скотину задавил,
А третья беда —
То жену его ...
А сел Сергей,
Сам расплатится:
«А не жаль мне повети
И скотины своея,
Жаль мне тово,
.
.
.
С тоски пропадет.
А кабы-де он ...,
Спасибо бы сказал,
А спасибо бы сказал,
Могорец заплатил.
А поветь-та бы цела
И скотина-та жива,
И скотина-та жива
И жена бы весела,
А столь бы весела,
Будто ни в чем не была.

ПРО ГОСТЯ ТЕРЕНТИЦА

В стольном Новгороде было,
В улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А и жил-был богатой гость,
А по имени Терентице.
У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинке по маковке,
А и есть по жемчужинке;
Ворота были вальящетыя,
Вerei хрустальные,
Подворотина — рыбий зуб.

Среди двора гридня стоит,
Покрыта седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица-то валженная,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на сѣреди кроватька стоит,
Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголовье лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
А пониже ея пупечка
Да повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатой гость,
И по имену Терентище,
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублей,
Ты поди дохтуров добывай
Вѳлхи-та спрашивати».
А втапоры Терентища
Он жены своей слушелся
И жену-та во любви держал.
Он взял золоты ея ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублей
И пошел дохтуров добывать.
Он будет, Терентища,
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Встречу Терентищу веселья скоморохи,
Скоморохи — люди вежливыя,
Скоморохи очестливыя

Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствуй, богатой гость,
И по имену Терентища!
Доселева те слыхом не слыхать
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентища,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».
А и на то-то он не сердится,
Говорит им Терентища:
«Ай вы гой, скоморохи-молодцы!
Что не сам я, Терентей, зашел,
И не конь-та богатого завез,
Завела нужда-бедность...
У мене есть молодая жена
Авдотья Ивановна,
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
Пониже ее пупечка,
Что повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
А кто бы-де недугам пособил,
Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублей
Без единых денежки».
Веселыя молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулись,
А сами усмехнулись:
«Ай ты гой еси, Терентища,
Ты нам что за труды заплатишь?»
— «Вот вам даю сто рублей!»
Повели его, Терентища,
По славному Новугороду,
Завели его, Терентища,
Во тот во темной ряд,
А купили шелковой мех,

Дали два гроша мешок.
Пошли оне во червленой ряд,
Да купили червленой вяз,
А и дубину ременчетую —
Половину свинцу налита,
Дали за нее десять алтын.
Посадили Терентища
Во тот шелковой мех,
Мехоноша за плеча взял.
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
«Ай вы гой еси, веселыя молодцы.
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в доме нет?»
Говорят веселыя молодцы:
«А и гой еси, молодая жена,
Авдотья Ивановна,
А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатого,
И по имени Терентища!»
И она спохватилася за то:
«Ай вы гой еси, веселые молодцы,
Где его видели,
А где про его слышали?»
Отвечают веселыя молодцы:
«Мы его слышали,
Сами доподлинна видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Голова по себе его лежит,
И вороны в ... клюют».
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселыя скоморохи!
Вы подите во светлую грядню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатого,
Про старого ... сына,

И по имени Терентища,
Во дому бы его век не видать!»
Веселыя скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели оне песенку.
«Слушай, шелковой мех
Мехоноша за плечами,
А слушай, Терентий-гость,
Что про тебя говорят,
Говорит молодая жена
Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентища,
Про старого ... сына:
Во дому бы тебе век не видать!
Шевелись, шелковой мех
Мехоноша за плечами,
Вставай-ка, Терентища,
Лечить молодую жену!
Бери червленной вяз,
Ты дубину ременчетую,
Походи-ка, Терентища,
По своей светлой гридне
И по сѣреди кирпичетой
Ко занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко перине ко пуховыя,
А лечи-ка ты, Терентища,
А лечи-ка ты молоду жену
Авдотью Ивановну!»
Вставал же Терентища,
Ухватил червленной вяз,
А дубину ременчетую —
Половина свинцу налита.
Походил он, Терентища,
По своей светлой гридне
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей.
Он стал молоду жену лечить,
Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нея сшиб.
Посмотрит Терентища

На кровать слоновых костей,
На перину на пуховую —
А недуг-ат пошевеливается
Под одеялом соболиным.
Он-та, Терентища,
Недуга-та вон погнал
Что дубиною ременчетою,
А недуг-ат непутем в окошко скочил,
Чуть головы не сломил,
На корачках ползает,
Едва от окна отполоз.
Он оставил, недужища,
Кафтан хрушетой камки,
Камзол баберековой,
А и денег пять сот рублей.
Втапоры Терентища
Дал еще веселым
Другое сто рублей
За правду великую.

* * *

Ой, черема зеленая,
Коровать тесовая!
Как на той короватюшке
Там лежит душа Донюшка,
Больна-больнешенька,
Хвора-хворешенька.
Как приходит к душе Донюшке
Государь родимый батюшка.
«Ты скажи, скажи, Донюшка,
Что тебе, Доня, надобно:
Ай меду, али сахару,
Ай зеленого вина,
Ай попа духовного,
Аль дьячка соборного?»
— «Ничего мне не надобно,
И ни меду, и ни сахару,
Ни вина мне зеленого,
Ни попа духовного,
Ни дьячка соборного;

А мне надобно, Донюшке,
Мне Мишутку с шуткою,
Иванюшечку гудочничка,
Семеновича скоморошничка!»

* * *

Что со вечера погода, со полуночи метель.
Что с-под этой с-под метели трое саней прилетели.
Прилетели трое саней к Акулинину двору.
«Акулинушка-душа, отворяй-ка ворота.
Отворяй-ка ворота, принимай-ка сокола».
Акулинушка бежит, на ней шубушка шумит.
Открывала ворота, принимала сокола.
Ворона коня взяла, в конюшенку повела.
Кушак-шляпушку взяла, в нову горенку внесла.
Молода купца взяла, в свою спальню повела.
Акулинин-то муж он сдогадлив-то был.
Он в конюшенку пошел, ворона коня нашел.
«Акулина, это что, Григорьевна, это что?»
— «Я по рыночку гуляла, ворона коня купила.
Я не дорого дала, полтора ста рубля».
Акулинин-то муж он сдогадлив-то был.
Он во горенку пошел, кушак-шляпушку нашел.
«Акулина, это что, Григорьевна, это что?..»
— «Мои братцы в гостях были, кушак-шляпушку
забыли».
Акулинин-то муж он сдогадлив-то был,
Он во спаленку пошел, молода купца нашел.
«Акулина, это что, Григорьевна, это что?..»
— «Я к обеденке ходила, сиротинушку призрела,
Напоила, накормила, в спальню спать я положила».
Акулине худо, Григорьевне — касно.

* * *

По белой по пороше
Трой саночки катят;
Не шумят, не гудят,
Одни копытцы говорят.

Подъезжали эти санки
К Акулину двору...
«Акулина, это что?»
Что за коник на дворе?»
— «А тебе, сударь, на что?»
У людей, сударь, видала,
У себя хочу иметь.
На базар, сударь, ходила,
Ворона коня купила».
— «Акулина, это что?»
Что за шапка с кушаком?»
— «У людей, сударь, видала,
У себя хочу иметь».
— «Акулина, это что?»
Что за плетка на стене?
— «А тебе, сударь, на что?»
У людей, сударь, видала,
У себя хочу иметь».
— «Акулина, это что?»
Что за молодец лежит?»
— «Шла я по тропинке,
Нашла я сиротинку.
Не грех сироту накормить-напоить,
С собой спать положить».

* * *

У стара мужа жена
В большой неге-то жила,
Без пологу не ляжет, без кровати не уснет,
Чтобы мухи не летали, комары бы не кусали.
Проснулась молода — на дворе бела заря;
«Я не знаю, молода, как стара мужа будить,
Мужем-то назвать мне не хочется,
А мужнишкой-то назвать — не откликнется.
Встань, куричья ходá, поросычья еда,
Овечье подоплечье, козья выставка!
Ты с курами живал, с поросятами клевал,
... .. свое рыло намазал,
С той чистоты рыло истрескалося!»

На горе, горе
 Шелковая трава,
 На той траве
 Утренняя роса;
 На той росе
 Стар коня седлает,
 Красную девицу уговаривает:
 «Красна девица, ты поди за меня:
 Я тебя стану калачами кормить,
 Я тебя стану сытою поить,
 Я тебя не стану ни бить, ни журить».
 — «Хоть ты меня, старый,
 Калачами корми,
 Хоть ты меня, старый,
 Сытою пои,
 Хоть ты меня, старый,
 Не бей, не жури,
 Я нейду за тебя!»
 На горе, горе
 Шелковая трава,
 На той траве
 Утренняя роса;
 На той росе
 Млад коня седлает,
 Старую бабу уговаривает:
 «Не ходи за меня,
 Я тебя стану
 Сухарями кормить,
 Я тебя стану
 Водю поить,
 Я тебя стану
 И бить и журить».
 — «Хоть ты меня, младой,
 Сухарями корми,
 Хоть ты меня
 Водю пои,
 Хоть ты меня
 И бей и жури,
 Ну, я пойду за тебя!»

* * *

На улице срамота —
Жена мужа продала,
Да не дорого взяла:
Копейку, полушку,
Да в шею колотушку:
Не умеет работать —
Лошаденку запрягать,
Не умеет за стол сесть,
Не умеет каши есть.
Плетет он лапти, кошели,
Вьет оборы тяжелы, —
Как оборвались — так вяжи.

* * *

Уж вы, бабы, уж вы, бабы,
Уж вы, бабы молодые!
Вы сходитесь, вы сходитесь,
Вы сходитесь в одну хату;
Говорите, говорите,
Говорите одно слово:
«Мы пойдемте, мы пойдемте,
Мы пойдемте к воеводе:
Воевода, воевода,
Воевода, господский сын!
Дай нам волю, дай нам волю,
Дай нам волю над мужьями!»
— «Нет вам воли, нет вам воли,
Нет вам воли над мужьями».
— «Дай нам волю, дай нам волю,
Дай нам волю на три года».
— «Вот вам воля, вот вам воля,
Вот вам воля на три года:
Чем хотите, чем хотите,
Чем хотите колотите:
Поленом
По коленам,

Кирпичищем
По плечищам,
Головешкой
По головке».

ПЛЯСОВАЯ

Как нбнече куры
Поют петухами,
Ах люшеньки, ай люли! и т. д.¹
Как нбнешни жены
Владеют мужьями.
Я возьму мужа за ручку,
Брошу на постелю:
Лежи, муже, тута,
Поколь схожу — кнўта,
Поколь схожу — кнўта,
Железного прўта.

* * *

На палате, при лопате,
Сковородник на печи,
Сковородка в печи:
Мне блинчков испечи!
Двое ходят, двое бродят,
Не обоймутся,
А во старые-то годы
Не бывало такой моды,
Как нынче у нас,
Упубликованный указ
Целоваться девять раз.

¹ Пометка А. С. Пушкина, записавшего эту песню. — *Ред.*

Всю куделюшку припряла,
 Всю лучинушку прижгла,
 Туна, туна, туна, та,
 Всю лучинушку прижгла.
 Всю лучинушку прижгла,
 На постельку спать легла,
 Туна, туна, туна, та,
 На постельку спать легла,
 На постельку спать легла,
 Милый стук у окна,
 Туна, туна, туна, та,
 Милый стук у окна.
 Не стучи-ка, милой, —
 Дома тятенька родной,
 Туна, туна, туна, та,
 Дома тятенька родной.
 Дома тятенька родной,
 На полатцах спит,
 Туна, туна, туна, та,
 На полатцах спит.
 На полатцах спит,
 Просыпается:
 «Уж ты, дочка родна,
 Вставай, вздуй-ко огня.
 Вставай, вздуй-ко огня,
 Кто-то есть у окна,
 Туна, туна, туна, та,
 Кто-то есть у окна».
 — «Сера кошечка на окошечке,
 Белолапчатая,
 Сама кудрявчатая,
 Туна, туна, туна, та,
 Сама кудрявчатая,
 Кошка, брысь, уберись,
 На постельку спать ложись,
 Туна, туна, туна, та,
 На постельку спать ложись.
 На постельку спать ложись,
 В одеяльце завернись,
 Туна, туна, туна, та,

В одеяльце завернись.
В одеяльце завернись,
К ретиву сердцу прижмись,
Туна, туна, туна, та,
К ретиву сердцу прижмись».
На дворе бела заря,
Мне куда девать кота?
Туна, туна, туна, та,
Мне куда девать кота?
Посажу кота в подол,
Понесу его на двор,
Туна, туна, туна, та,
Понесу его на двор.
Понесу его на двор,
Посажу я на забор,
Туна, туна, туна, та,
Посажу я на забор.
По забору кот пошел,
Весь забор обломил,
Туна, туна, туна, та,
Весь забор обломил.
Весь забор обломил,
Всю скотину придавил,
Поросенка-визгунка,
Жеребенка-лягунка,
Туна, туна, туна, та,
Жеребенка-лягунка.

* * *

На речке на Дунае,
Матушки,
Пришли девки умываться,
Матушки.
Они вздумали купаться,
Матушки,
Они скинули рубашки,
Матушки,
Тонки, белы, полотняны,
Матушки,

Голубы сарафаны,
Матушки,
Шелковы подпояски,
Матушки,
Золотые повязки,
Матушки.
Подкрался к ним Ивашка,
Матушки,
Он украл у них рубашки,
Матушки,
Тонки, белы, полотняны,
Матушки,
Голубые сарафаны,
Матушки,
Золотые повязки,
Матушки,
Шелковые подпояски,
Матушки.
Пошли наши девки,
Матушки,
К Ивашкиной бабке,
Матушки:
«Ты, Ивашки бабка,
Матушки,
Ты уйми свою Ивашку,
Матушки,
Он покрал у нас рубашки,
Матушки,
Тонки, белы, полотняны,
Матушки,
Голубые сарафаны,
Матушки,
Шелковые подпояски,
Матушки,
Золотые повязки,
Матушки!»
Как Ивашки бабка,
Матушки,
Взяла в руки розгу,
Матушки;
Как Ивашка,
Матушки,

Как Ивашка забожился,
Матушки:
«Подними меня, Микола,
Матушки,
Ниже облака ходячего,
Матушки,
Ты ударь меня, Микола,
Матушки,
На пуховую перину,
Матушки,
Подави меня, Микола,
Матушки,
Пшеничным пирогом,
Матушки,
Утопи меня, Микола,
Матушки,
Во густой самой сметане,
Матушки,
Озноби меня, Микола,
Матушки,
На печи в угле под шубой!
Матушки».

* * *

У Спаса к обедне звонят,
У прихода часы говорят,
По монастырям благовестят.
Теща к обедне спешит,
На мутовке рубашку сушит,
На поваренке — кокошнечки.
А и теща к обедне пошла,
Что идет помалешоньку,
Ступает потихошуньку,
С ноги на ногу поступает,
На башмачки посматривает,
Чёботы наколачивает.
Все боги теща прошла,
А зашод-та — Николе челом,
А Николе Месницкому.

Все люди теща прошла,
А зашод-та — она зятю челом
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не глядит,
Господин слово не говорит.
«А и вижу я, вижу сама,
А что есть на нем бешеная,
Бить зятю дочи моя,
Прогневить сердце материна
И пролить бы горячу кровь.
А и чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть у мене, у вдовы,
Будет с него живота.
Пойду, млада, в торги,
Куплю, млада, камки,
Сошью ли я зятю кафтан,
Сошью дочери сарафан,
Чтобы зять дочери не бил,
Не гневил сердце материна,
Не проливал бы горячу кровь».
У Спаса к обедне звонят,
У прихода часы говорят,
По монастырям благовестят.
Теща к обедне спешит,
На мутовке рубашку сушит,
На поваренке — кокошнички.
Она, теща, к обедне пошла,
А идет помалешоньку,
Ступает потихошуньку,
С ноги на ногу поступовает,
На башмачки посматривает,
Чеботы наколачивает.
А все боги теща прошла,
А зашод-та — Николе челом,
А Николе Месницкому.
Все люди теща прошла,
А зашод — она зятю челом
Да Денису Борисовичу.
Зять на нее не глядит,
Господин слово не говорит.
«Вижу я, вижу сама,

А что есть на нем бешеная,
Бить зятю дочерь моя,
Прогневить сердце материна,
Проливать бы горячу кровь.
Чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть у меня, у вдовы,
Есть у меня, молоды,
А три церкви, три каменны,
А и маковицы серебрены,
Кресты позолочены,
Промежу теми церкви
Протекла быстрая река,
А на той на быстрой на реке
Много гусей-лебедей,
Много серых малых уток,
А и тем будет зятя дарить,
Мне-ка тем господина дарить
И Дениса Борисовича».
А и зять на нее поглядел,
Господин слово выговорил:
«Теща ты, теща моя,
Богоданная матушка!
Ты поди-тка живи у мене,
А работы не робь на мене,
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мне робёнки качай!»

* * *

Да и что ж это за горе, за беда!
У меня, молодой, свекровья лиха,
Что лиха, лиха, немилостива,
Посылает и туда и сюда,
Посылает меня в погреб за вином.
Я во погребе замешкалася,
Зелена вина натрескалася:
Сладкой водочки накушалася,
Сладка водочка анисовая,

Короватушка расписанная,
Сударушка намалеванная.
Я у девушек смиренушкой слыла,
Я на улицу не хаживала,
Со робятами не игрывала,
С молодыми я не плясывала.
Я у девушках троих родила,
С четвертым замуж пошла.
Я на первую ночь родила,
Я усей семьи спать не дала;
Свекор-то люльку шьеть,
А свекровья пеленки дереть,
А невестки рубашки шьют,
А золовки свивальник ткуть.

* * *

Расколись, сырой дуб,
На четыре дранки;
А кто любит чужих жен,
Того душа в раю;
А кто молодых молодок —
Велико спасенье,
А кто девку поцелует —
Грехам отпущенье,
А кто старую старушку —
Не будет прощенья!
Вы раздайтесь, расступитесь,
Добрые люди,
Да вы дайте молоденьке
В саду погуляти,
В саду погуляти,
Алы цветы рвати,
Покуд батюшка родимый
Замуж не отдал
За такого за детину,
За невежу.
У кабак идет невежа,
Кричит, орает,

С кабака идет невежа,
Свищет, пляшет.
Как и я, молоденька,
Была тороплива,
Поскорее с постели
Устовала,
На босу ногу башмачки
Надевала;
Поскорее я ворота
Растворяла,
Я смелей, я с невежей
Говорила:
«Хорошо тебе, невежа,
Быть за воротами;
Таково мне, молоденьке,
Быть за тобою,
За тобою, за тобою,
За невежей!»

* * *

Гуляй, гуляй, голова,
Гуляй, пока молода!
Старая буду,
Про всё позабуду!
А я по воду иду —
Пятерых с собой веду;
А с водою я иду —
Семерых с собой веду,
На кроватушку
На тесовую.
Ты, кровать моя,
Ты, кроватушка,
Ты, тесовая,
Развеселая!

* * *

Выду на улицу,
Выду на широкую,
Ударю в ладони,
Ударю в звончатые.
Не звонки ладони,
Звонки златы перстни.
Услышит мой свекор,
Услышит мой лютый:
«Тихонько, невестка,
Тихонько, голубка!
Не разбей ладони,
Не переломай златых колец!»
— «Не лопай-ка, свекор,
Не трескай-ка, лютый!
Не ты купил те перстни,
Не сын твой золотые, —
Купил мне батюшка,
Купил мне родимый
Себе для чести-хвалы,
А мне для прикрасы:
Красуйся, дитятко,
Красуйся, милое!»

* * *

Обещался дворянин
Девчоночку взять, взять.
Говорила девчонка,
Что не буду жать, жать!
Будет ваша пшеница зиму зимовать!
Всю неделю прогуляла;
В понедельник проспала;
Я во вторник начинала
Пшеницу жать;
Ну а в среду возила,
А в четверг молотила,
В пятницу веяла,
В субботу меряла,

В воскресенье продала,
Всё до гроша пропила.
Чем я мужу не жена,
Чем-то не хозяйка?
Три дня хату не топила,
А на притолке жар!

НЕЛЮБАЯ ЖЕНА

Говорила дружку, боялася:
«Не женись, душа холостой парень,
Коли женишься, мой друг, успокаешься».
Неравно жена-женинка навялится журливая;
Белый день — всё журить, бранить,
Во темную ночь на руки лежить,
На руки лежить, во глаза-то ли глядить.
Целовать, шельма, велить.
Целовать-то мне не хочется,
Сердце мое не воротится.
Обратилось сердце к любушке,
К любушке, к сударушке,
К моей ли душе к Варварушке.

* * *

Да посеяли девки лен, лен,
Да, посеявши, пололи.
Да белы руки кололи,
Да Иванушку манули.
Да Иванушка-щеголек
Да повадился во ленок,
Да и весь-то лен притоптал,
В быстру речку побросал.
Во быстрой речке конь воду пил,
Да копытцем землю бил,
Да пробил землю до песка,
Да до белого камушка,
Да во том камне огню нет.
У моего мужа правды нет:

На чужой жене башмачки —
Да своей жене лаптей нет.
Да своей жене — ошмётки:
«Ты носи, жена, наблюдай,
Да по праздникам обувай,
По пятницам, середам,
По субботам, четвергам».
Я сама мужу отплачу:
Я сошью мужу рубашку
Я из тонкого полотна,
Из крапивного из листа:
«Ты носи, ты, муж, наблюдай,
По праздникам надевай!»

* * *

Ой былль моя, былль,
Былль, былинушка-трава!
Былль, былинушка-трава!
Не болит ли голова?
Да не бьется ль мое сердце?
Не болит ли мой живот?
Жена дома не живет,
На посиделочках сидит,
Она белый лен прядет,
Тонку ниточку ведет,
Об початочек гудет,
Худу славушку кладет
Всё про мужа дурака,
Про борзого кобеля;
А свекровья на печи
Словно сука на цепи,
Деверья, что кобелья,
По подлавочью лежат,
По-собачью рычат,
А золовки-колотовки
И кутят и мутят.
Ой былль моя, былль,
Былль, былинушка-трава!
Не болит ли голова?

* * *

Мужик пашенку пахал,
Сам на солнышко глядел:
Еще попашу,
Еще погляжу!
Как чужи-то жены
Мужьям завтракать несут,
А моя шельма жена
И обедать не несет.
Уж я выпрягу лошадку,
Я поеду во луга,
Пущу коня по росу,
А сам вырежу лозу
На свою ... жену.
Приезжаю ко двору —
Жена ходит по двору,
Да набеленная,
Нарумяненная.
Уж я брошу лозу,
Поцалую жену:
«А где, жена, была,
Где, сударыня моя?»
— «Я была, сударь, была
У соседа на пиру».
— «А и что, жена, пила,
Что, сударыня, пила?»
— «Я пила, сударь, пила
Я и мед и вино,
За твое, сударь, здоровье
Стакан меду выпила».
— «Да спасибо же, жена:
Не забыла про меня!»
— «Не могу тебя забыть,
Я не знаю, как избыть».

* * *

Пошел козел в огород,
Всю капусту приломал,

Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 Всю вилую прищипал.
 Сведу козла на базар,
 Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 Променяю на товар;
 Я куплю себе белил,
 Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 Накуплю себе сурмил;
 Набелюся я бело,
 Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 Нарумянюся ало,
 Нарумянюся ало,
 Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 Подведу я бровь черно.
 На ту пору муж домой,
 Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 Говорит речи со мной:
 «Отчего, жена, бела?»
 Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 — «Муку, сударь, сеяла».
 — «Отчего, жена, ала?»
 Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 — «Против пыли стояла».
 — «Отчего, жена, бровь черна?»
 Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 — «Трубу, сударь, кутала».
 — «Жена, где белый козел?»
 Танде в дудки, танде в рог,
 Танде в тонкий голосок!
 — «Козел по воду пошел,
 Сломил себе голову
 По самую бороду».

Баба на печи сидела,
 Заплатки кропала,
 Журила-бранила мужа своего:
 «Продай, муж, корову,
 Заведи кокошник!»
 Продал муж корову,
 Купил ей кокошник.
 «Продай, муж, кобылу,
 Заведи мне шубу,
 Ожерельице камчатное,
 Пойду я гулять, скажут;
 „Чья это жена?
 Это купцова жена!“»
 Продал муж кобылу,
 Завел мужик и шубу,
 Купил и ожерельице
 Камчатненькое.
 Поехал муж на бабе
 В лес да по дрова:
 «Ну, ну, кокошник!
 Ну, ну, шуба!
 Ну, ну, ожерельице!
 Ну, ну, камчатненькое!»
 — «Не то мне тошно,
 Не то мне горько,
 Что воз-то велик,
 Что заехал в целик,
 А то мне тошно,
 Что сам-то сидит
 Да похлёстывает,
 Да посвистывает!
 Продай, муж, кокошник,
 Продай, муж, и шубу,
 Продай и ожерельице, —
 Купи, муж, кобылу —
 Хоть по одной бы чурке возила
 Да меня, дуру, заменила!..»

На печке сижу,
 Посиживаю.
 Заплатки плачу,
 Приплачиваю,
 Всё мужа браню,
 Прибраниваю:
 «Продай, муж, корову
 С лошадушкою!
 Купи, муж, шубейку —
 Всю на золоте,
 Опушку боброву —
 Жемчужной борот.
 А я соберуся —
 К обедне пойду.
 А люди-то скажут:
 «Чья така́ идет:
 Либо с барского двора,
 Либо земского жена?»
 От обедни приду —
 Пообедаю,
 На печке лягу,
 Погреюся».
 Идет муж с двора,
 Несет воровины вожжи,
 Воровины вожжи,
 Несмоленный кнут.
 «Слезай, жена, с печки,
 Надевай хомут!
 Поедем, жена, в рощу,
 В рощу по дрова».
 Приехал в целик,
 Накладал воз велик.
 Он в горку-то едет —
 Похлестывает,
 А с горки-то едет —
 Подсвистывает,
 В деревню-то едет —
 Ребятам кричит:
 «Ребята, ребята,
 Кобылка добра!

Кобылка добра —
Великий воз везла».
Приехал ко двору,
Выпрягал жену.
Засыпал жене
Сена и овса:
«Ешь, моя жена!»
В скорое время
Возмолилася:
«Продай, муж, шубейку
Всю на золоте,
Купи, муж, коровенку,
Хоть безрогеньку,
Купи, муж, лошадку,
Хоть бесхвостеньку».

* * *

Ой на печечке сидела,
Латочки латала,
Полатывала,
Полатывала.
Я мужа ругала,
Поругивала,
Поругивала:
«Продай, муж, коровку
С кобылкою,
С кобылкою.
Купи юбку-шубку
С душегрейкою,
С душегрейкою.
А я наряжуся, к обедне пойду,
А люди скажут: „Чья-то такова?
Чья-то такова, кривого ли жена?
Кривого ли жена иль купецкова дочь?“
На отходе обедни
Сам кривец идет,
Сам кривец идет.
Хомуток несет
И саночки везет,
И саночки везет.

«Вот тебе, жена,
Хомутик и дуга,
Запрягайся сама
И поедем по дрова».
— «На горочку еду — посвистываю;
Под горочку еду — похлестываю.
Ребята, ребята, ребята, сюда!
Кобыла добра,
Кобыла добра.
Большой воз везла.
Это не досада — большой воз везу,
А это досада — кривой на возу,
Кривой на возу — об одном глазу».

* * *

Уж ты, тетушка Арина,
Часто по рыночку ходила,
За три денежки куделюшку купила,
На алтынец веретенец захватила,
Пришла домой, на полицу положила:
Ты лежи, моя куделя, целую неделю,
А забымши — хоть другую!
В воскресенье на весельи прогуляла,
В понедельник с похмелья пролежала,
Во вторник жарку банюшку топила,
В среду с угару пролежала,
В четверг буйну голову чесала,
В пятницу добрые жены не прядали,
В субботу родители-поминки,
В воскресенье на весельи прогуляла;
В понедельник ранешенько вставала,
Тонёшенько две ниточки напрядала,
Два мозолика кровавеньких натерла,
Пошла, милу другу показала.
Милый лишь взглянул, испугался:
«Не пряди, моя милая, не неволься,
Придет весна красна, теплое лето,
Вырастет лист-лапушник, —
Я сошью тебе, милая, сарафанчик,
Сарафанчик-раздувайчик.

Не ходи, моя милая, мимо сада зеленого,
А ходи, моя милая,
Торопинкой, лугавинкой».
Проходила моя милая
Мимо сада зеленого;
Выскочили поповы овцы и козы,
Разорвали сарафанчик-раздувайчик.

* * *

Вздумалось Кате в гости в деревеньку.
Брала наша Катя кудельки маленько.
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
Пряла наша Катя оглобельки потолще,
Оглобельки потолще, поленца-то потоньше.
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
Стала наша Катя кросна заводити.
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
На клюку сновала, в огороде ткала,
Кольем притыкала, жердью припирала.
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
Стала наша Катя полотно белити:
В воду-ту колами, из воды конями.
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
Стлала наша Катя холст на луговину.
Шли-прошли прохожи: «Чьи лежат рогожи?»
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
«Что вы, красны рожи, это не рогожи,
Это не рогожи — Катины полотно!»
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
Стала наша Катя рубашку кроити:
Топорик-от наставит да молотом ударит.
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
Стала наша Катя рубашку-то шити:
Напамбкой провернет, канатиком продернет.
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!
Стала наша Катя рубашку надевати:
Семеро держало, да трое надевало.
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!

Семь годов носила, смены не просила,
Тело не зуделось, и в баню не хотелось.
Ой, наша Катя, да ой, Катерина!

* * *

Мой муженька, работяшенька,
Работал, работал, работяшенька.
Поехал муж на гумно,
Позабыл, позабыл, позабыл вилы.
А я, молода, неленивая была,
Неленива, тороплива, всё догадливая:
Схвачу вилы, да за ним в тылы,
Да за ним, да за ним, да за ним на гумно.
Поехал муж на мельницу,
Позабыл, позабыл, позабыл мешки.
А я, молода, неленивая была,
Неленива, тороплива, всё догадливая:
Схвачу мешки, да за ним в бежки,
Да за ним, да за ним, да за ним, да на мельницу.
Поехал муж боронити,
Позабыл, позабыл, позабыл борону.
А я, молода, неленивая была,
Неленива, тороплива, всё догадливая:
Схвачу борону да за ним дерну,
Да за ним, да за ним, да за ним в поле.
Поехал муж за водой,
Позабыл, позабыл, позабыл бочку.
А я, молода, неленивая была,
Неленива, тороплива, всё догадливая:
Схвачу бочку, да за ним вскочку,
Да за ним, да за ним, да за ним за водой.

* * *

Пошла Дуня под тачок,
Нашла Дуня пяточок;
Пошла Дуня под овин,
Нашла Дуня пять алтын.

Стал чумаков воровать,
Где Дуньку положить:
На пороге узко,
Не уместится гузка;
На лавке булавки,
Боюсь, наколюсь;
На печи кирпичи
Разогрелись горячи;
На столе грешно,
Под столом смешно;
На полу широко,
Раскотишься далеко.

* * *

Наша Дуня не точет, не прядет,
Только Дуня с винокурами гулят.
Ах, поставила Авдотьюшка кросна,
Уж и тем кроснам девятая весна,
Девятая, десятая пошла.
По прошести трава поросла,
По навою част осинничек,
По подножкам мелки пташечки сидят.
Ах, найму-то я троих косцов,
Троих косцов, удалых молодцов,
Шелкову траву повыкосити,
Част осинничек повырубити,
Мелких пташечек повыпугати.
На печи-то сено сушивали,
На полатях стога метывали.
Ах, и выткала Авдотьюшка кросна:
Во концах-то кони путались,
Во петлях-то черти давливались.
Понесла Дуня холсты на реку, —
От холстов река высохла.
Понесла Дуня холсты на шести, —
От холстов шести ломаются.
Понесла Дуня холсты во лузя, —
От холстов лузя вылегли.
Понесла Дуня холсты на базар, —

От холстов кони пугаются,
Весь базарец разъезжается,
Оставались только трое молодцов;
Они холстики посматривали,
Они Дунюшку похваливали:
Что Дуня за ткахынька,
Что Авдотьюшка за пряхынька!

* * *

Пошла наша Дуня на рынок гуляти,
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
На рынок гуляти, кудели купляти;
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
Купила кудели, да на три недели.
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
Неделюшку пряла, другую мотала,
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
Другую мотала, а третью сновала.
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
Основала Дуня стенку с половиной;
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
Пошла наша Дуня берды добывати.
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
Берды не добыла, собак раздражила.
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
Присудили люди: в изгороду ткати,
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
В изгороду ткати, колом прибивати.
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
Ехали бояре: «Бог помощь!» — сказали,
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
«Бог помочь те, Дуня, ткать рогозину!»
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
— «Не лги же ты, боярин, не лги, одноглазый!»
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
То не рогозина — тонкая холстина;
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.
Девкам на платочки, зятьям на порточки;
Дуня моя, Дунюшка, Дуня тонкопрядница.

Пошла наша Дуня
 По торгу гулять,
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

По торгу гулять,
 Ленку покупать.
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

Купила моя Дуня
 Ленку-то немножко,
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

Ленку-то немножко,
 Всего три десятка.
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

Запряла-то Дунюшка
 Потолще ужища,
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

Потолще ужища,
 Потоне каната;
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

Напряла-то Дуня
 С поцатоцком девять.
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

Пошла наша Дуня
 Красенъецы сновати:
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

Семь стен обложила,
 Семь колов сломила,
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

Семь колов сломила,
 Семь баб задавила.
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!

Пошла наша Дуня
По селу свистать,
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
По селу свистать,
Бердецку искать.
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
Семь сел освистала,
Берд не сыскала.
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
Пошла наша Дуня
К Егору на гору,
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
К Егору на гору,
Просить изгороду:
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
«Пожалуй-ко, Егор,
Частой изгородки —
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
Частой изгородки —
Красеньицы мне ткати».
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
Колом-то пихала,
Шестом притыкала.
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
Пошла наша Дуня
Холстинки моцити:
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
Семь рек иссушила,
Холста не смоцила.
 Дуня ль моя, Дунюшка,
 Дуня тонкопряля!
Еде Афанасий
С кривым глазом:

Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
«Бог поможь, Дуня,
Рогожу моцити!»
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
— «Это не рогожа —
Дунина холстинка!»
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
Пошла наша Дуня
Холстинку сушити:
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
Семь жердов сломила,
Холста не ссушила.
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
«Давай-ко нам, Дуня,
Холстину кроити!»
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
Пилой-то пилити,
Топором рубити!
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
Давай-ко нам, Дуня,
Рубашечку шити!
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
Напарьем провернем,
Канатом продёрнем.
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
Давай-ко нам, Дуня,
Рубашечку надевати!
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!
Семеро держат,
Трое надевают».
Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!

Дуня ль моя, Дунюшка,
Дуня тонкопряля!

* * *

Дунька ли ты, Дуняша,
Дуня милая моя!

Пошла Дуня на базар,
Купила, купила Дуняша

На алтын кудельки,
На рубль веретенцов.

Дунька ли ты, Дуняша,
Дуня милая моя!

Зачинала Дунька прясти —
Не тонко, не толсто,

Не в гуж, не в веревку —
В самую завертку.

Пять ниток напярля —
Весь кудель отпярля.

В огород Дуня надела,
Колом притыкала.

Первый раз бросила —
Стенку заучила.

Другой раз бросила —
Навой оголила.

Стала ли Дуня
Полотна белити.

Пошла ли Дуня
На Дунай-реку мыти:

Первой махнула —
Дунай помутила,

Другой раз махнула —
Вальком колотила,

Третий раз махнула —
Дунай осушила.

Ехал князь-боярин:
«Бог помочь, Дуняша!

Бог помочь, Дуняша,
Рогожи колотити!»

— «Что ты, князь-боярин?
Это не рогожи,

Это не рогожи —
Это тонкие полотна».

Пошла ли Дуня домой,
Понесла Дуня полотна.

Домой приходила,
На сарай бросила.

Сарай обложила —
Семь снох задавила,

Осьмую золовку,
Девятую свекровку.

Дунька ли ты, Дунька,
Дуня милая моя!

* * *

Пошла наша Дуня
В рыночек гуляти,
Кудели закупати.

Три пуда купила,
Денег не платила.
Стала наша Дуня
Куделюшку прясти.
Три года пряла,
Три нитки напярла:
Пряжа не прядется,
Тонка нитка рвется.
Тонка не тонка,
Потоньше полена,
Потолще колена.
Стала наша Дуня
Свою пряжу ткати.
Стала наша Дуня
Бёрдачка искати.
Село обежала,
Бёрда не сыскала.
В огород вдевала,
Колом притыкала.
Стала наша Дуня
Кончики белити, —
Снеги все сгонила,
Конца не смочила.
Стала наша Дуня
Портно-то мыти.
В эту саму пору
Ехал барин с поля:
«Бог на помочь, Дуня,
Рогожу-то мыти!»
— «Красная ты рожа!»
Это не рогожа —
Тонкие полотна».
Стала наша Дуня
Рубашку кроити:
Топором наставит,
Молотом ударит.
Стала наша Дуня
Рубашечку шити:
Напальем провёрнет,
Канатом продёрнет.
Стала наша Дуня
Рубашку вздевати:

Семеро держали,
Трое надевали.
Три года носила,
Смены не просила.

* * *

Пряла наша Дуня
Ни тонко, ни толсто —
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Потолще полена,
Потоньше оглобли.
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Стала наша Дуня
На горóде ткати.
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
На горóде ткала,
Колом прибывала.
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Стала наша Дуня
Свой холстик белити.
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
В речку опускала —
Речку осушала;
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Из речки тащила —
Берег своротила.
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Стала наша Дуня
Рубашечку кроить —
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Топором наставит,
Молотком ударит.
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Стала наша Дуня
Рубашечку шити —
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Буравлем навернет,
Канатом продернет,
 Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!

Стала наша Дуня
Надевать рубашку —
Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Семеро держали,
Трое надевали.
Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!
Три года носила,
Смены не просила.
Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха!

* * *

Замешала Марьюшка квашенку,
Замешала на дрожжах —
Не удержишь на возжах;
Леввереты, леввереты, левверетушки мои!
Замешала на опаре —
Не удержишь на аркане;
Леввереты, леввереты, левверетушки мои!
Положила соли —
Того квашня боле;
Леввереты, леввереты, левверетушки мои!
Положила гущи —
Того квашня пуще;
Леввереты, леввереты, левверетушки мои!
Положила мелу —
Стала квашня на меру;
Леввереты, леввереты, левверетушки мои!
Поставила в чело —
Три недели процвело;
Леввереты, леввереты, левверетушки мои!
На четвертую недельку
Стала пениться;
Леввереты, леввереты, левверетушки мои!
А на пятую неделю
Стала мяконьки катать.
Леввереты, леввереты, левверетушки мои!
Уж я мяконьки катала,
По подлавичью валяла,
Леввереты, леввереты, левверетушки мои!

На пороге загибала,
На печи в углу пекла,
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
В печи поджаривала,
Кочергой скребла,
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Кулаки сожгла,
Уж я мягкий добывала,
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Три лопаты изломала.
Стала плакать-горевать:
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Куды мяконьки девать?
Складу мягки в коробок,
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Повезу я в городок,
Стану в калачный рядок.
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Никто мяконьки не купит,
Никто даром не берет.
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Тут шли-прошли черноусовски молодцы.
Обценили мяконьки:
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
По три денежки коврижка,
По копейке каравай;
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Куды хошь его девай!
Хоть собакам разбросай!
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Стала плакать-горевать...
Складу мягкий в коробок,
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Повезу я его в домок.
У попа была свинья,
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Долгогрива госпожа.
Она есть-то не поела,
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Только рыло замарала;
Она рыло замарала,
Леверветы, леверветы, леверветушки мои!

Три недели лежала,
На четвертую пропала.
 Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Стала свинка пропадать,
Стала стряпка горевать:
 Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Куда свинку-то девать?
Положу свинью на дровни,
 Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Повезу я в горы.
По лошадушке стегнула,
 Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Со дровень свинью столкнула.
Стали свинку погребать,
 Леверветы, леверветы, леверветушки мои!
Стали стряпку проклинать:
«Будь ты трои проклята!»
 Леверветы, леверветы, леверветушки мои!

* * *

Растворила я квашеночку
На столбушке,
Три недели квашня кисла —
Не выкисла,
На четвертую-то неделю
Стала хлебушка валять:
На полу валяла,
На печи в углу пекла,
Кочергой оттуль гребла.
Наклала в коробок,
Потащила в городок, —
Никто хлебушки не купит,
Никто даром не берет.
Подошла свинья Аксинья
Да два борова Василья:
Торговать не торговали,
Только рыло замарали.

По задворью баба шла,
В решете она несла
Полтора зерна.
Она по три дня сушила,
По четыре дня толкла.
Она сеяла муку
На полатях на боку,
Растворила — ничего,
Поставила на чело.
Три дня квашня кисла,
Да не выкисла.
На четвертую неделку
Стала пениться.
По пяти дён блины пекла —
Не наелась досыта,
Ко соседушке пошла.
Что соседушка-то скупа —
Не попотчевала.
Тут пришла она домой,
Начала мужа бранить:
«Уж ты, Филя-простофиля,
Филя, дурин сын!
... куричье едал,
Поросячье подбирал».
Привязал он тонку нитку
За соломенку.
Уж как первый раз хлестнул —
Он по полочке попал,
А второй-от раз хлестнул —
Он по лавочке попал;
Уж как в третий раз хлестнул —
Он по ей, младе, попал.
Она с этих-то побоев
В постелюшку слегла:
Семь недель она лежала.
На восьмую-то неделку
Стала сбраживаться.
Села ужинать —
Съела пять калачей,
Девять мяконьких,

Заулок рогулек,
Костер пирогов,
Быка-третьяка,
Овцу-яловицу,
Еще семьдесят утенков,
Девяносто поросенков;
Семь ушатов молока
Пястью выхлебала.
Что скупая-то свекровь
Позавидовала:
«Как тебя, невестушка,
Не рѳзорвало?»

* * *

Приказал мне муж,
Приказал господин:
 «Вари, вари, жена, кашу!
 Вари, вари, жена, кашу!»
Я по хате пляшу, пляшу
И по сеням пляшу, пляшу,
 Будто я варю кашу, кашу,
 Будто я варю кашу, кашу.
А я каши не варила,
Человека одурила.
 Ей-богу, одурила!
 Право слово, одурила!
Приказал мне муж,
Приказал человек:
 «Вари, вари, жена, горох!
 Вари, вари, жена, горох!»
Я по хате: торох, торох,
И по сеням: торох торох —
 Будто я варю горох,
 Будто я варю горох.
Я гороху не варила,
Человека одурила.
 Ей-богу, одурила!
 Право слово, одурила!

Приказал мне муж,
Приказал человек:
«Вари, вари, жена, шуки!
Вари, вари, жена, шуки!»
Я по сеням: чуки, чуки!
И по хате: чуки, чуки!
Будто я варю шуки,
Будто я варю шуки.
А я шуки не варила,
Человека одурила.
Ей-богу, одурила,
Право слово, одурила!

* * *

Как поехал мой муж
Во торг торговать,
Что во торг торговать,
Он овса закупать.
Он купил овса
На три денежки,
Что на три денежки
Да три зернушка.
Я высыплю овес
В неметеную печь;
Я выгребу овес
В бездонное лукошко;
И смею я овес
Ни мукой, ни крупой,
А смею пополам зерно.
Намочу я овес
Что на вчерашней воде;
Я поставлю кисель
Что на печь, на столбе.
Кисни, кисни, кисель,
Ровно сорок недель!
Навалялось в кисель
Тараканов, мышей.
Что кисель мой спарился,
Когда муж преставился.

Во поле березонька стояла,
 Во поле кудрявая стояла.
 Чувель мой чувель, чувель на вель, вель, вель, вель.
 Уж ты чума, моя чума, чума родина моя.
 Некому березы заломати,
 Некому кудрявой защипати.
 Чувель мой чувель, чувель на вель, вель, вель, вель.
 Уж ты чума, моя чума, чума родина моя.
 Пойду я березу заломаю,
 Пойду я кудряву защипаю.
 Чувель мой чувель, чувель на вель, вель, вель, вель.
 Уж ты чума, моя чума, чума родина моя.
 Стань, старый муж, пробудися,
 На тебе лоханку — умойся,
 На тебе онучу — утрися,
 На тебе лопату — помолися.
 Тары-бары-растабары,
 Серы зайцы наскакали,
 И собаки прибежали,
 Красну девушку схватили,
 От старого уводили,
 Во карету посадили,
 Повезли домой.
 Привезли ее в избушку,
 Вся умазана глинушкой,
 Мохом уросла,
 Во сыру землю ушла.
 Посмотрю в эту избушку,
 Тут сидят мои подружки.
 Больно хороши!
 Чувель мой чувель, чувель на вель, вель, вель, вель.
 Уж ты чума, моя чума, чума родина моя.

Широкая борода,
 Не ходи мимо сада,
 Дороженьку не тори,
 Худу славу не клади!

Дороженьку проторил,
Худу славу положил.
Стыд головушке долой,
Как мне будет придти домой,
Сказать матушке родной?
Скажу так, скажу сяк,
Скажу этак, на косяк:
Я во садику гуляла,
Сладки яблочки рвала,
На тарелочку клала,
Дружка жаловала.
Дружок яблос не берет,
Мне ответу не дает.
Уж я топну ногой —
Призадумается,
Уж я топну другой —
Образумится,
А сам с терема долой.
Оставайся! Шут с тобой!

* * *

Чужие мужья добры —
Покупили женам черные бобры;
А мой дурак купил мне коровушку,
Погубил мою головушку.
Коровушку да подой, да подой,
Доеночку да помой, да помой!
В понедельник коровушку искала,
Во вторник коровушку пригнала,
В среду коровушку доила,
В четверг молоко цедила,
В пятницу доеночку помыла,
Во субботу коровушку прогнала.
Надену черевички на босу,
Погоню коровушку, попасу;
Погоню коровушку
Во зелену дубравушку.
Я гнала, приговаривала:
«Медведушка, мой батюшка,

Задери мою коровушку,
Свободи мою головушку!»
Как послушаю, что во лесе ревет,
Знать, медведушка коровушку дерет!
Я послушаю, что во лесе трещит,
Знать, медведушка коровушку ташит!
Спасибо, медведушка-батюшка,
Что задрал мою коровушку,
Свободил мою головушку!
Теперь-то мне попить-погулять,
Когда нечего на баз загонять!

* * *

Как у Ванюшки жена
Работящая была;
Три дня хату не топила,
Полну сору накопила
Под белые лавочки,
Под красны окошечки.
«Пойду я к дядюшке,
 Попрошу лошадушки:
„Родимый мой дядюшка,
Пожалуй лошадушки,
Мне не пашню пахать,
Не дрова с лесу возить, —
Из избы сор вывозить!”»
— «Милая племянница,
У нас так не водится —
С избы сор не возится;
У нас так ведется —
Веничком метется.
Вот шумочек за порог,
А веничек под порог».

* * *

Сходил козел в огород,
Капустку заломал,
Листья завихал,

Я взяла козла за рога,
Повела козла своего на базар.
Взяла козла продала;
Три рубля взяла за козла
И набрала белил, румян.
На ту пору муж домой.
«Где у нас, жена, козел?»
— «Козел на избу зашел,
Козел со избы скочил,
Голову сломил;
Я взяла козла за рога,
Отвела за осек».
— «А что ты, жена, бела?»
— «Я в клетки муки сеяла,
Принапырила лицо».
— «А что, жена, ты ала?»
— «Перед печкой стояла,
Принажарила лицо».

* * *

В понедельник — на могильник;
Во вторник — на кокорник;
В среду — по переды;
В четверг — по коты;
В пятницу — на мельницу;
В субботу — на работу;
В воскресенье — на веселье.

* * *

Ты живешь на горе,
А я на горочке;
Ты сеешь ковуны,
А я сею дыни.
Нехай твой ковуны
Повыбили табуны!

Нехай твои дыни
Поели их свиньи!
Обещался мещанин
Мещаночку взять;
Она ему отказала,
Что не умею жать.
«А сделаю новый серп,
Пошлю ее жать».
— «Я у батюшки не жала,
А у тебя не стану.
Сделай мне холодок,
Я буду сидети.
Как невестки встают,
По початочку прядут,
А я при светочку
Напряду сорочку.
А сороки оснуют,
А вороны выткнут,
Белые лебеди
На воде выбелют».

* * *

Три дня бани не топила,
Три дня бани не мела,
Накопила сору
До верхнего полу,
До красных окошек.
Приехали гости,
Взяли по горсти,
Приехала попадья —
У ней завистливы глаза —
Полну юбку нагребла.
Поеду я к соседу,
Пойду к молодому,
К дядюшке родному:
«Ты, соседик молодой,
Ты, мой дядюшка родной!
Дай ты мне санок
Сору повозиться».

— «Невестка, невестка,
Сноха молодая!
У нас так не водится,
На санях не возится,
У нас так нейдетя, —
Веником метется,
В охапочку берется,
Под гору несется».
Гуси-лебеди летели,
В степи баню становили,
Коростель в бане мост мостил,
Муха банюшку топила,
Гнида щелок щелочила,
Блоха парилася,
Да запарилася,
Об пол вдарилася.
Закричала блохам:
«Вы подайте мне попа,
Да запечного клопа,
Причастить божью рабу,
Черну блоху во гробу!»
Сова ль моя, совка,
Бедная вдовка!
Где ж ты бывала,
Где ж ты живала?
Была я, совка,
Белая псовка,
Во темном лешище,
На старом дубище;
Никто ж то про совку,
Никто про удовку,
Никто не знает,
Никто не спознает.
Спознали про совку,
Спознали про удовку
Все добрые люди,
Все милые други;
Стали сову сватать,
Сватов засылали.
Заслали свата,
Совиноного брата:
«Сова ль моя, совка!

Пойдешь ли ты замуж
За белого луня,
За милого друга?»
— «С чего мне йтити,
С чего не ходити?
Али я кривая?
Али я слепая?
Али я безносая?
Али я безрукая?
Совсем сова бравая,
Зарецкая барыня,
Татьяна Ивановна,
Красная княгиня!»
Стали убирати:
Лапти, ошметки,
Онучи, отопки,
Оборки, веревки;
Сова засмеется,
Хохол затрясется.
Синицы-игрицы
Сидят на полице,
Песни играют,
Сову величают;
Ворона-то свахой,
Галка стряпухой,
Сорока плясухой,
Воробей дружкой.
А ворон-повар
По двору летает,
Кур-то собирает:
«А куры, вы дуры!
Ничего не знаете:
Идите к совице,
К сове-то на свадьбу!»
Как нашу-то совку
Повезли венчати
Ко синему морю,
Ко старому дубу.
Сувстрелись со совкой
Синеньки, маленьки,
Крылушки рябеньки,
Ножки тоненьки,

Ноготки востреньки,
А носики длинные,
А ... глиняны.
Стали сову рвати,
На клоки метати.
Сова сторопилась,
Назад полетела,
В куст головой,
Кверху ногой,
Ногами-то топ, топ!
Глазами-то хлоп, хлоп!
Прилетела ко двору,
Взвалилась на полу,
Расплакалася,
Раскудахталася:
«А лунюшка белый,
Друг ты мой милый!
Что это за люди?
А что за татаре?
Синеньки, маленьки,
Крылушки рябеньки,
Ножки тоненьки,
Ноготки востреньки,
А носики длинные,
А ... -то глиняны?»
— «Сова, ты дурища!
Это люди наши,
Наши крестьяне,
За морем бывали,
Сено косили,
В стоги метали,
Домой прибежали».
У мово-то у тестя
Да и есть, что поесть:
Сорок кадушек
Соленых лягушек,
Сорок амбаров
Сухих тараканов,
Сорок бочонков
Свежих мышонков.

* * *

Теща про зятя пирог пекла.
В этом пироге три осмины муки,
Соли да крупы на четыре рубли,
Лучку да мачку на семь рублей,
Маслица с яичком на восемь рублей;
Этот ли пирог с рублем двадцать стал.
Зять-то сел, у присеста съел.
Теща посéреде похаживает,
Косо на зятя поглядывает:
«Как тебя, зятя, не разорвало?»
Теща-то зятя употчивала,
В четыре дубинки дубовенькие,
В пятую дубинку вязовенькую.
«Дай-ка мне, теща, домой дойти,
Все эти побои на жене взворочу!»

* * *

Было у тещи
Семь зятьев:
Хомка зять,
И Пахомка зять,
И Гришка зять,
И Гаврюшка зять,
И Макарка зять,
И Захарка зять.
Зятюшка Ванюшка
Милей всех зятьев.
И стала теща
Зятьев в гости звать.
Хомка идеть,
И Пахомка идеть,
И Гришка идеть,
И Гаврюшка идеть,
И Макарка идеть,
И Захарка идеть.
«Зятюшка Ванюшка,
Иди поскорей!»

И стала теща
Зятьев за стол сажать.
Хомка сел,
И Пахомка сел,
И Гришка сел,
И Гаврюшка сел,
И Макарка сел,
И Захарка сел.
«Зятюшка Ванюшка,
Поди вот тут сядь!»
Стала теща зятьев
Вином потчевать:
Хомке рюмка,
И Пахомке рюмка,
И Гришке рюмка,
И Гаврюшке рюмка,
И Макарке рюмка,
И Захарке рюмка.
Зятюшке Ванюшке
Рюмочка с винцом.
Стала теща с зятьев
Деньги обирать.
С Хомки — рубь,
И с Пахомки — рубь,
И с Гришки — рубь,
И с Гаврюшки — рубь,
И с Макарки — рубь,
И с Захарки — рубь,
С зятюшки Ванюшки —
Пара серебра.
Стала теща
Зятьев провожать:
И Хомке — в шею,
И Пахомке — в шею,
И Гришке — в шею,
И Гаврюшке — в шею,
И Макарку — в шею,
И Захарку — в шею,
А зятюшку Ванюшку —
За святые волоса.

* * *

Поехал зять к теще
По зеленой роще
На жену просити.
«Здорово ты, зяттик,
Здорово, касатик?»
— «Не совсем здоров я:
Жена меня била,
Больно колотила.
Ничем не тяжелым —
Поленом дубовым».
— «За что же ты, зяттик,
За что же, касатик?»
— «Залез я в погреб,
Поел всю сметану,
Ни мало-маленько —
Двенадцать горшочков».
— «Дочь моя дура,
Мало тебя дула!»
— «Прощай же ты, теща,
Прощай, немилая!»
— «Прощай же ты, зяттик,
Прощай же, сметанник!»

* * *

Теща про зятя пирог пекла,
Меду, муки на четыре рубли,
Сахару, изюма на восемь рублей,
Оценили пирог об двенадцати рублей.
Поставила пирог на дубовенький стол,ок,
Семерым его ись да восьмому грысь,
Зять-то пришел — во присест он пирог съел.
«Как ты, зятюшка, не разорвало,
Как ты, батюшка, не расперло?»
Начал зять тещу в гости звать,
Среди двора встречать — средь широкого,
Со двумя ее вязами со черемуховыми
Со двумя ее стягами со березовыми,

Теща от зятя насилу домой пришла,
Домой пришла да на печь легла.
На печке лежит — сердечко дрожит.
На улице собачки полаивают,
У тещи сердечко подрагивает.
«Посмотрите-ка в окошечко — не зять ли идет.
Не зять ли идет, не побои ль мне несет?
Я со старых побоев спать не могу,
Тяжела-больна лежу,
Тяжела-больна лежу,
Без попа, млада, умру,
Без попа, млада, умру,
Без духовного отца».
— «Подь ты к черту с попом,
Со духовным со отцом».

* * *

Жил я в Польше,
Не было меня больше;
Только пришел я в Русь,
Всякий меня в ус;
Прислал указ из Польши:
Нет его больше,
Другой из Костромы,
Из блудливой стороны.
Создай, господи,
Весну красную,
Народи нам, господи,
Всякого хлеба,
Всякого жита,
Конопли и поскони,
Льну и гороху,
Овса и ячмени;
Рожь-то колосиста,
Пшеница круписта,
Лен головистый,
Горох стручистый,
Овес бронистый,
Ячмень осистый.

Летали галки,
Летали касатки,
Летали стадами,
Садилась рядами
На траву-былинку.
Скажи, летошка,
Скажи, соловей:
Кто на море больше,
Кто на море меньше?
Царь белокрылый,
Царица-крупница,
Старички-гальчики,
Сыч высобровый,
Сычиха-дьячиха,
Журавль долгоногий,
Староста церковный;
Ястреб пестрый
Высоко летает,
Куриц таскает,
По курице на день,
В сутки по две.
Ворона-воровка
Не продаст, не купит,
Чистоту любит.
Сорока-белобока
По дворам летает,
Гнезда примечает,
Яица таскает.
Тут барышник
В Петров пост-говенье
Скотину скупает,
Хвосты залупает,
На двор загоняет.
Волк-костыльник,
А медведь-постыльник
Поехали на скопы
На высокой лошади,
Увидали зайца —
Коротеньки ножки,
Сафьянны сапожки.

Трынды мои, трындушки,
 Любят девки прянички,
 Молодушки — яблочки,
 Стары бабы — речечку.
 Ты хозяин, ты хозяин, господин!
 Прикажи-ка ты, хозяин, поскакать, поплясать;
 Поскакать, поплясать, про все города сказать,
 Про все низовые, перенизовые,
 Уж как с Питера начать,
 До Казани окончатъ.
 Уж как в Питере Нева
 Испромыла нам бока,
 А на Ладоге-канале
 Всем нам головы сломало.
 Уж вы, братцы, господа,
 Поедьте в города!
 Кто поедет на Торжок,
 Тот и сам скоро заржет;
 Кто поедет на Валдай,
 Тот и будет забулдай.
 Уж как Кинешма и Решма
 И кутит и мутит,
 Уж как Согожка-горошица
 Убыточки платить.
 Сибирь-матка велика
 И просторна, широка;
 Много птиц и зверей
 И прочих людей.
 Во реках рыбы довольно,
 И ловить ее привольно —
 Пушкам, ружьям стрельцов
 И бурлаков-молодцов;
 Бурлачонкам воли нет —
 Им большой во всем запрет:
 Запрещали судьи грозны,
 Рассылали в места розны.
 Уж как негде нам, молодцам, погулять,
 Негде вволю увеселять.
 Уж как сыщем таку радость,
 Разгуляем скуку, младость!

Уж как Рыбна-городок —
Тут и пристань хороша;
Как Молога-слобода —
Тут голодна сторона;
Пошехонье-городок —
Тут хорошенький торжок —
Всё на лапти на березовые;
Как Романов-городок —
Всё на лук да на чеснок;
А Ростов-то городок —
Воевода без порток;
А как город Кострома —
Тут гульлива сторона;
Уж как в Тихвине-то тихо —
Все косые паруса;
У Миколы Мологи
Все горбаты попадьи;
А на Устье попадьа
Крашенину пропила;
Уж как Устьевско, Петровско,
Скочок наголо,
А Толга на Волге —
Спас на реке.

* * *

Вареная патока с имбирем,
Варил дядя Симеон;
Тетушка Арина
Кушала, хвалила,
А дядюшка Елизар
И рученьки облизал.
«Ульяна, Ульяна,
Где была?» — «Гуляла,
В городе гуляла,
Холсты продавала».
Навстречу Ульяне
Три покровских хвата:
«Ульяна, Ульяна!
Садись-ка ты в сани,

Пойдем-ка с нами
Во нашу деревню;
У нас во деревне
Много див увидишь:
Куручку в сапожках,
Петушка в сережках,
Утку в юбке,
Козу в сарафане,
Корову в рогоже —
Нет ее дороже;
Купцы приезжали,
Деньги вынимали,
Не покупали».

* * *

За нашей деревней,
За большим селеньем,
Лели, лели.
Тут ехал боярин,
Молодой, богатый,
Холост, неженатый.
Как все ему девушки
Низко поклонилися, —
Одна ему девушка
Низко не кланялася.
Пригрозил боярин
Молодой, богатый.
«Добро же ты, девка,
Добро же ты, красная!
Ты будешь стояти
У моей кровати,
Горючи слезы ронити,
Резвы ноженьки знобити!
Пойди, выйди, девушка,
Выйди за ворота,
Со мной, с молодцом,
Со мной побороться».
— «Не хвались, молодец,
Своею красотою,
Силою большою.

Вот я тебя, молодец,
Сейчас обещешу
При всем я при миру,
При всем при народе,
При большом короде».
Как девушка молодца поборола:
Пуховую шляпушку
Долой сшибала,
Смур кафтанчик на ём
Завалила,
Козловые сапожки
Долой скидала,
Ситцеву рубашечку
На ём разорвала,
Шелковый поясочек
На ём оборвала.
Как красная девка
Парня сожалела:
За правую рученьку
Его подымала,
Пуховую шляпу
Ему надевала,
Смур кафтанчик
На ём отряхала,
Ситцеву рубашечку
На ём зашивала.
«Пойди, выйди, матушка,
Пойди, попеняй-ко!»
— «Уж как тебе, девушка,
Как тебе не стыдно:
При всем-то при миру,
При всем при народе,
В большом короде».

* * *

Две девицы-белолицы
Нову баньку строили,
Да плохо поставили.
Дятел трубку просек,

Таракан дрова таскал,
Мышка банюшку топила,
Крыска щелок щелочила,
Блошка венички мочила,
Гнида мыльца принесла,
Вошка париться пошла.
Не до пару! — вон пошла;
В передбанничке упала,
Руки, ноги изломала,
Шею вывихнула,
Спину выломала,
И до дому не дошла —
Тут сразу померла.
Несут вошь во гробу,
Точно божию рабу, —
В вонючих тряпичках,
В банных затычках.

* * *

Стукнуло, грянуло в лесе:
Комар с дуба свалился,
Упал он на коренище,
Сбил он себе плечище.
Слетались мухи-горюхи,
Славные наши громотухи.
Стали они возглашати,
Что о комаре вспоминати:
«Ах ты, наш светик, комар!
Жаль нам тебя немало.
Как будешь ты умирати,
Где нам тебя погребати?»
— «Схороните меня во поле,
Во зеленой во дуброве, —
Там-то ребята бывают,
Зелено вино распивают,
Туды-сюды зазирают,
Про комара вспоминают:
„Тут-то лежит комарище,
Удалой парень-ребятище“».

Подай, мати, косаря,
Подай, мати, косаря,
Косаря, косаря, косаря,
саря, саря, саря!
Рубить, казнить комара,
Рубить, казнить комара,
Комара, комара, комара,
мара, мара, мара!
Отлетела голова,
Отлетела голова,
Голова, голова, голова,
лова, лова, лова!
За Трухмальные ворота,
За Трухмальные ворота,
Ворота, ворота, ворота,
рота, рота, рота!

* * *

Таракан дрова рубил —
Себе голову срубил,
Комар воду носил —
В тине ноги увязил.
Муха банюшку топила,
Блоха щелок варила,
Вошка парилася,
С полка вдарилася.
Гнида подымала,
Живот надорвала.
Ах ты, жура-журавец,
Разудалый молодец!
На мельницу ездил,
Диковинку видел:
Козел муку мелет,
Коза подсыпает,
Маленьки козлятки
И те не гуляют,
Муку выгребают,
В скрыпочку играют!
А совища из углища
Глазами-то хлоп-хлоп!

Ногами-то топ-топ!
Как и наша попадья
Диковинку родила,
Совсем воробей,
Совсем молодой.
Как поймали воробья
Под погребницею
С красною девицею,
Повели воробья
На боярский двор;
Стали воробья
Разувать, раздевать,
Распоясывать.
«Кнутом меня не секите,
Кругом меня обстригите,
Одну маковку оставьте,
На ноги меня поставьте!»

* * *

Комар к мухе убирался,
В зелену рубашку наряжался,
Полетел наш комар в зеленый лужочек,
Сел, сел наш комар на зеленый дубочек.
Ниотколь взялся ветерочек,
Раскачал, расшатал зелен дубочек.
Упал наш комар на сырую землю,
Разбил себе губы-зубы.
Ниотколь взялись сильны мухи,
Поднимали комара под белы руки,
Понесли комара в море обмывати,
В зеленую рубаху одевати,
Ой, стали его в землю зарывати.
Едет-едет какой-то прохожий:
«Да кого-то хоронят-зарывают,
Не то пан, не то князь, не то помещик?»
— «Да не пан, да не князь, не помещик, —
Это старой мухи полюбовник».

Восколебалось море,
Сыра земля застонала,
Начали сильны ветры дуги,
Что стала муха тонуги.
Завопила громким гласом
Та муха пред смертным часом:
«Ах! как бедно погибаю,
Чем пособити, не знаю».
Сбежались славны матросы,
Все комары долгоносы,
Съехались сильны драгуны
Слепни зреть мушьею фортуны.
Тут налетели татары,
Жуки и знатны бояры,
Тащить муху начали
И друг ко другу кричали:
«Иные пусть добывают,
Другие корабль промышляют».
Пока тащили ту муху,
Преславную воспеваху,
Муха пота залилася
И вечной смерти предалася.
Вытащив, все подхватили
И в свой корабль положили;
Едучи по синему морю,
Спрашивать стали княгиню:
«Скажи, любезная мати,
Где нам тебя подевати?»
Тело бездушно молчало,
А мореплавам на разум вспало:
Нуте в ковчежец положим
И печаль нашу отложим.
И так ее в ковчег положили,
По синю морю пустили,
Потом плакали горько,
Знать, тя видели только.

Как за нашими широкими воротами
 Синее море разливалось,
 Белорыбица встrepехталась;
 Рыболовцы по берегу ходили,
 Белой рыбице говорили:
 «Белорыбица, берегись!
 Уж и хочут тебя, белорыбица, уловить,
 Уж и хочут на мелкие части разрубать,
 На серебряной тарелке раскладывать,
 Во высок терем носить,
 На дубовый стол становить,
 Свет-Марьюшку кормить».

Как за нашими широкими воротами
 Разыгрались ребята молодые,
 Расшутились купцы холостые,
 А свет-Марьюшки подружки говорили:
 «Берегись, свет-Марьюшка!
 Уж и хочет тебя Иван-сударь поцеловать». —
 «Догадалась, подруженьки, догадалась».

Кум пиво варил, сладкий мед становил,
 Кума, кума, кумушка ты моя!
 Душа, душа-ягода ты, кума!
 Сладкий мед становил, куму в гости просил.
 Как кума-то к куму в решете приплыла,
 В решете приплыла, вертенном гребла,
 Вертенном гребла, кичкой парусила.
 Еще чем-то мне кумушку потчевати?
 Да как есть про куму воробей во саду,
 Воробей во саду, да и тот и без заду;
 Разложу я воробья на двенадцать блюд,
 Дужку, голову в пирог загну,
 Я зашейную часть наперед пошлю,
 Самого воробья жарким наряжу:
 Еще кушай-ка, кума, не засаливай уса,
 Не верги, кума, в руках, не носи домой!

Ах, яры, яры, яры!
 Сатана идет с горы
 С рукомойником,
 С уповойником!
 Ах, и муж жену любил,
 Любил, любил,
 Серги-яхонты купил.
 Жена мужа любила,
 В тюрьме место купила:
 «Вот тебе, муженек,
 Угомонный уголок.
 Не толки, друг, не мели,
 Только ручку протяни,
 Христа вспомяни».

* * *

Вы послушайте, ребята,
 Моей сказки небогатой
 От конька-горбунка
 И медведя-плясунка.
 Облоухая свинья
 На дубу гнездо свила,
 Поросята поросят
 Ровным счетом шестьдесят.
 Распустила поросят
 Всё по маленьким сучкам.
 Поросята визжат,
 Полететь они хотят.
 Полетели, полетели
 И на воздухе присели.
 Косолапый медведь,
 С мухи шкуры содрав,
 Полсапожки себе сшил,
 В полсапожках щеголял,
 Оскользнулся и упал,
 В сине море ён попал.
 Сине море всё повыгорело,
 Бела рыба вся повылетела.

А на печке мужик
Осетра-рыбу поймал,
А в пламени другой
Быстру щуку схватил.
Як пошло на чудеса,
И где море — там леса,
Водой палют леса.

* * *

Гуляли девушки за быстрой за рекой,
Добрые молодчики — другою стороною.
Сеяли-сажали они ярый хмель.
Сеяли они, приговаривали:
«Вейся, хмелек, по тычинке вверх!
Без тебя хмелинушка не водится,
Сладкий медок не становится,
Пиво и вино не варится,
Добры молодцы не женятся,
Красны девушки замуж нейдут».
Вздумал Николаша, жениться стал,
Вздумала Параша, замуж пошла.
Теща Акулина зятя в гости звала,
Теща про зятя пирог испекла:
Купила муки на четыре рубли,
Сахару, изюму на восемь рублей,
Стал ей пирог весь двенадцать рублей.
Теща зятюшку потчивает:
«Сядь-кася ты, зятюшка, покушай-ка!»
Думала теща: пятерым пирог не съесть,
А зять-то сел да за присестом съел.
Теща по горенке похаживает,
Нехотя на зятя поглядывает,
Потихоньку зятюшку побранивает:
«Как тебя, зятюшка, не разорвало,
На семь частей не раздернуло?»
Зять услышал, на то теще сказал:
«Лучше разорви тебя, тещу мою,
Тещу мою да вместе с дочерью!
Знала бы ты, теща, не потчевала».

Стал потом зять тещу в гости звать:
«Приходи, мол, теща, на масленицу,
Я тебе, матушка, честь воздам,
Я тебя, матушка, отпочиваю,
В четыре дубины березовые,
Пятый кнут по заказу свит».
Вырвалась теща из зятниных рук,
Бежала домой без оглядки,
Прибегла домой да на печку легла.
Вот погода — стук, стук! — у ворот.
«Батюшки, ребятушки, не зятик ли мой?
Матушка родимая, зять идет!
Зять идет, на похмельице зовет.
Скажите ему: „Со вчерашнего больна,
С пива и с вина-де болит вся спина.
С мягких блинов порасперло бока,
С сладкого меду я вся немогу“».

ХМЕЛЬ

Как-то во городе Казани
Прибыло торгу на базаре.
Хмелюшка по выходу гуляет,
Сам себя Хмель выхваляет:
«Нет меня, Хмелюшки, лучше,
Хмелевой головки веселее:
Свадьбы без Хмеля не играют,
Крестин без Хмеля не бывает,
В доме подерутся, побранятся,
И тут без Хмеля не мирятся.
Только лих мужик он смекает:
Во зеленый сад он гуляет,
Глубокие борозды копает,
Туда меня, Хмеля, зарывает,
Поглубже тычину сажает.
А уж тут-то я, Хмель, догадался,
По тычинушке вверх завивался,
Распустил свои ярые шишки.
Красны девушки шишки сбирали,
Во бочонки меня разливали.

Димитрий Давыдовъ и Птица Царевича, провозима
вѣхъ по реческимъ берегамъ, поймавъ жаръ
Птицу.

Сърокъ волкъ пашинца въ прекрасное
Древяно Елену.

Иванъ Царевичъ ухаживаетъ за тогорицкою
кони съ златою зордучкою.

о Иванѣ Царевичѣ жаръ Птицы и Осформи
колкѣ.

Иванъ Царевичъ ѣдетъ, на сѣромъ волкѣ,
съ жаръ Птицею и прекрасна царица Елена,
на златогорицкою конѣ.

Делавало Центурию М. 15 Ноябрь 1844. Лич. Бюро Министра в. Мисюевъ.

Иванъ Царевичъ похитилъ жемчужныя
руки злата. Разговорившись, у него явилась.

братъ убила ютъ, сдѣлала Елену. Царевичъ
похитилъ жемчужныя руки злата. Разговорившись,
у него явилась Птица златогорицкою конѣ.

Иванъ Царевичъ ухаживаетъ за
кони съ златою зордучкою. Лич. Бюро
Министра в. Мисюевъ.

Во рогожи, кули зашивали,
На базар-то меня развозили,
А уж тут-то я, Хмель, догадался,
В молодецкие головы взбирался,
Не в одном мужике разыгрался.
Я уж сделаю его сатанюю
Да ударю его в тын головою!»

* * *

Уж какая была модненькая,
Уж какая церемонненькая,
Приохочая к обедне ходить,
Приохочая молебны служить...
На ее ли люди зарятся.
Пономарь звонит — мешается,
Дьякон в ризах заплетается,
Поп над книгой усмехается;
Он кадиличком кадит, кадит, кадит,
Всё на милую глядит, глядит, глядит.
Ах, уж ты тонкая, высокая моя,
Расстатистая, ухабистая!
Ах, не ты ли меня высушила,
Ах, не ты ли меня выкрушила,
Порассеяла печаль по очам,
Призаставила шататься по ночам,
Из карманчиков повыгрузила,
Приневолила гостинчики носить,
Пропустила сухоту по животу?

* * *

Уж ты маменька родная,
Для чего ж меня такую родила —
Счастливую, талантливую,
Смешливую, догадливую?
Мне нельзя к обеденке,
Нельзя низко кланяться:

Все дьячки улыбаются,
А попы-то влюбляются.
Полюбил меня молоденький попóк,
Подарил мне в полтора рубля платок.
Мне платок носить хочется,
А попа любить не хочется.
Оттого мне любить не хочется,
Что он по приходу волочится,
Пирогам побирается,
Блинами обжирается.

* * *

Уж как ты, мать, моя маменька,
Госпожа моя сударынька,
Зачем хорошу породила меня,
Хлопотливую, талантливую,
Баловливую, забавливую?
Мне нельзя будет к обедне ходить:
Худо люди богу молятся,
На меня всё дивуются,
На меня да на мою красоту.
Поп-то в ризе заплетается,
Дьякон в книге забывается,
Пономарь звонит — мешается,
Два поповича с ума сошли,
Два приказчика плясать пошли.

* * *

У бабушки у нашей
Супрядка была.
«Что ты, бабушка,
Прясти даси?»
— «Старым-то старушкам
Шерсти кужелёк,
А молодым-то молодушкам
Беленький ленок,

А молодцам-то, прощалыгам,
Конёвый хвост».

«Чего ты нам, бабушка,
Исти даси?»

— «Старым-то старушкам
Кисель по зубам,
А красным-то девицам
Белый пирожок,
А молодцам-то, прощалыгам,
Дуранды кусок».

— «Чего ты нам, бабушка, пить-то даси?»

— «А старым-то старушкам пивушко,
А молодым-то молодушкам наливушка,
А молодцам-то, прощалыгам,
Воды из пруда».

— «А куда ты нас, бабушка, спать повалишь?»

— «А старым-то старушкам на печке уголок,
А молодых-то молодухек в горницу,
А молодцов-то, прощалыг,
К свињям во хлев».

* * *

Две курочки, две курочки горох молотили,
Две пеночки, две пеночки землю наносили.
Козел мелет, козел мелет, козы посыпают,
А маленьки козлётенки на скрипке играют,
А сорока-белобока пошла танцовати,
А журавль, посмокавши, посмокавши,
Пошел с праздником поздравляти.

* * *

Вокруг тихо, вокруг тихо,
Вокруг тихо во Дунае.
Там Иван-сударь гуляет;
Ничего он не гутарит,
Только шапкой он махает,

Сам кудрями потряхает,
Челобитье отсылает.
Марьюшка не ленива —
На Дунай-реку ходила,
Решетом рыбу ловила,
Долотом дрова рубила,
Без огня баню топила,
Без воды рыбу варила,
Без половничка уймала.
Позабыла, не солила,
Не соля, гостя кормила,
Ивана-господина.
Иванушка поклонился,
Марьюшке полюбился;
Марьюшка поклонилась,
Иванушке полюбилась.

* * *

На улице мороз, на печи-то лето.
«Ты зачем сюда пришел?» — «Тебе дела нету!»
Здешни девки-кралечки любят сладки прянички,
Молодицы — сухари, все ребята — водку.
Водку пили, булку ели, гулять захотели.
Я на горочке стоял, да слезы катятся;
Мне жениться велят, да мне не хочется;
Мне невесту дают, да мне не глянется,
Да мною чванится.
«Еще дюж мой-ет муж, выехал за речку;
Я молила, кабы сдох, я поставлю свечку;
Я поставлю свечку сальну, сама пойду в спальню.
В спальне сидит любчик, сизенький голубчик.
Мы совет советали, жеребий метали:
Кому деньги, кому платье, кому красна девка.
Иванушку-щеголюшку красна девушка.
Что сказали про девицу небыль-небылицу;
Что сказали про девицу: я по молодцу тужу».
Не тужи, моя милая, я те не забуду:
«Случай будет ехать в Питер, привезу подарок —
Кумачу, китайки».

— «Кумачу я не хочу, китайки не надо:
Что китаечка не в моду, кумач не на сгоду;
Привези мне, сын отецкий, золото колечко
Ко красну крылечку,
Чтобы юкало колечко, взвеселило бы сердечко».

* * *

1

Жил я у пана
По первое лето,
Выжил я у пана
Курочку за это.
Моя курка-черношейка
По двору ходит,
Цыпляточек водит,
Хохол раздымает,
Пана утешает.
Сам пан любится —
Да что это за курица?
Курица моя
Рябенькая —
Ходит и кричит:
«Кудак-кудак-кудак!»

2

Жил я у пана
По второе лето,
Выжил я у пана
Утушку за это.
Моя утя воду мутя,
Моя курка-черношейка
По двору ходит,
Цыпляточек водит,
Хохол раздымает,
Пана утешает.

3

Жил я у пана
 По третье лето.
 Выжил я у пана
 Гусюшку за это.
 Моя гуся траву куся,
 Моя утя воду мутя,
 Моя курка-черношейка
 По двору ходит,
 Цыпляточек водит,
 Хохол раздымает,
 Пана утешает.

4

Жил я у пана
 Четвертое лето.
 Выжил я у пана
 Индюшку за это.
 Моя индя-шиндя-брындя,
 Моя гуся траву куся,
 Моя утя воду мутя,
 Моя курка-черношейка
 По двору ходит,
 Цыпляточек водит,
 Хохол раздымает,
 Пана утешает.

5

Жил я у пана
 По пятое лето,
 Выжил я у пана
 Козушку за это.
 Моя коза сено возя,
 Моя индя-шиндя-брындя,
 Моя гуся траву куся,
 Моя утя воду мутя,
 Моя курка-черношейка

По двору ходит,
Цыпляточек водит,
Хохол раздымает,
Пана утешает.

6

Жил я у пана
По шестое лето,
Выжил я у пана
Барана за это.
Мой баран — по горам,
Моя коза сено возя,
Моя индя-шиндя-брындя,
Моя гуся траву куся,
Моя утя воду мутя,
Моя курка-черношейка
По двору ходит,
Цыпляточек водит,
Хохол раздымает,
Пана утешает.

7

Жил я у пана
По седьмое лето.
Выжил я у пана
Телушку за это.
Моя теля хвостом меля,
Мой баран — по горам,
Моя коза сено возя,
Моя индя-шиндя-брындя,
Моя гуся траву куся,
Моя утя воду мутя,
Моя курка-черношейка
По двору ходит,
Цыпляточек водит,
Хохол раздымает,
Пана утешает.

Жил я у пана
 По восьмое лето.
 Выжил я у пана
 Быченьку за это.
 Мой бык телю тык,
 Моя теля хвостом меля,
 Мой баран — по горам,
 Моя коза сено возя,
 Моя индя-шиндя-брындя,
 Моя гуся траву куся,
 Моя утя воду мутя,
 Моя курка-черношейка
 По двору ходит,
 Цыпляточек водит,
 Хохол раздымает,
 Пана утешает.

Жил я у пана
 Девятое лето.
 Выжил я у пана
 Волка за это.
 Мой волк быка толк,
 Мой бык телю тык,
 Моя теля хвостом меля,
 Мой баран — по горам,
 Моя коза сено возя,
 Моя индя-шиндя-брындя,
 Моя гуся траву куся,
 Моя утя воду мутя,
 Моя курка-черношейка
 По двору ходит,
 Цыпляточек водит,
 Хохол раздымает,
 Пана утешает.

Жил я у пана
 Десятое лето,
 Выжил я у пана
 Медведя за это.
 Мой медведь стал всех есть,
 Мой волк быка толк,
 Мой бык телю тык,
 Моя теля хвостом меля,
 Моя коза сено возя,
 Мой баран — по горам,
 Моя индя-шиндя-брындя,
 Моя гуся траву куся,
 Моя утя воду мутя,
 Моя курка-черношейка
 По двору ходит,
 Цыпляточек водит,
 Хохол раздымает.
 Сам пан любится:
 Да что это за курица —
 Рябенькая
 Ходит и кричит:
 «Кудак-кудак-кудак!»

* * *

— Заинька, где ты был-побывал,
 Серенький, где ты был-побывал?
 — Был, был, парень мой,
 Был, был, сердце мое!
 Во городе во Ромне,
 Во прекрасной стороне.
 — Заинька, не видал ли ты кого?
 Серенький, не видал ли ты кого?
 — Видел, видел, парень мой,
 Видел, видел, сердце мое!
 Три девушки хороши,
 Лицом белы, пригожи.
 — Заинька, а не знаешь, как зовут,
 Серенький, а не знаешь, как зовут?

— Знаю, знаю, парень мой,
Знаю, знаю, сердце мое!
Ой, одна-то — Катюха,
А другая-то — Маруха,
Третья — Дуня удала,
Всем девушка хороша.
— Заинька, а не звали ли тебя,
Серенький, а не звали ли тебя?
— Звали, звали, парень мой,
Звали, звали, сердце мое!
Что Катюха — из окна,
А Маруха — со крыльца,
А Дуня удала со форточки позвала.
— Заинька, накормили ли тебя,
Серенький, накормили ли тебя?
— Накормили, парень мой,
Накормили, сердце мое!
Что Катюха-то — блинами,
А Маруха — пирогами,
А Дуня удала кашки с маслицем дала.
— Заинька, напоили ли тебя,
Серенький, напоили ли тебя?
— Напоили, парень мой,
Напоили, сердце мое!
Что Катюха-то — кваском,
А Маруха — водицей,
А Дуня удала стакан меду налила.
— Заинька, проводили ли тебя,
Серенький, проводили ли тебя?
— Проводили, парень мой,
Проводили, сердце мое!
Что Катюха — из окна,
А Маруха — со крыльца,
А Дуня удала за форточку провела.
— Заинька, не прибили ли тебя,
Серенький, не прибили ли тебя?
— Били, били, парень мой,
Били, били, сердце мое!
Что Катюха — ухватом,
А Маруха — кочергой,
А Дуня удала за усики подрала.

Козел ты мой, козел,
 Козел мой рогатый,
 Холост, не женатый!
 Девки козла любят,
 Молодушки хвалят,
 По головушке гладят,
 По бородушке хвалят:
 Он по шапочке — полковник,
 По бородушке — причетник,
 Он по платью — гость торговый,
 Шальной, бестолковый.

Тень, тень, потетень,
 Выше города плетень.
 У Спаса бьют,
 У Миколы звонят,
 У старого Егория
 Часы говорят.
 Люди сходятся,
 Богу молятся.
 Марья-царевна
 Коней стерегла.
 — Где твой конь?
 — Миколашка увел.
 — Где Миколашка?
 — В клетку ушел.
 — Где клетка?
 — Вода споняла.
 — Где вода?
 — Быки выпили.
 — Где быки?
 — В гору ушли.
 — Где горы?
 — Черви выточили.
 — Где черви?
 — В вересняк ушли.

— Где вересняк?
— Девки вырубали.
— Где девки?
— По замужьям ушли.
— Где мужья?
— Все примерли.
— Кто хоронял?
— Поп да дьячок,
Да Микола-двучок.

* * *

— Солнышко, солнышко!
Где твои детки?
— Сидят на поветке
В соломенной клетке.
— Что они делут?
— Яйцы катают,
Собакам бросают.
Собаки-то злые:
Попа укусили,
Поп-то свистнул,
Попадья-то крикнула;
Попадья-то за ремень,
Чтобы поп-то не ревел.

* * *

Пегушка пегая
Мимо двора бегала.
Диковинку видели:
Едет барин на козе,
А барыня на баране,
А малые барчата
Словно поросята:
В закоулках хрючат —
Знать, спать не хотят.

* * *

Дон, дон, дон!
Загорелся кошкин дом:
Коза выскочила,
Глаза вытращила,
Подбежала к кабаку,
Нанюхалась табаку.
У этого кабака
Стоит яма глубока.
В этой в яме
Жили три мышки:
Одна мышка померла,
Всем мышкам кума была,
А татары полюбили,
По всему свету возили.

* * *

Иван, болван,
Молоко болтал,
Не выболтал.
Жене отдал.
Жена пышек напекла,
Ему шиш поднесла.

* * *

«Куколка, куколка,
Боярыня куколка!
Зачем вечер не пришла?»
— «Побоялась типуна». —
— «Типун тебе не судья —
Тебе судья владыка». —
Владыкины дети
Сидели на клети,
Горох молотили,
Попа не спросили.
Поп-то с печки,

Сломал себе плечки,
Попадья с кровати,
Сломала полати.

* * *

Посеяли девки лен —
Уродились конопли.
Как в эти конопли
Повадились воробьи.
Я старому воробью
Колом ногу переломлю,
Молодому воробью
Головушку оторву.
Куды же мне деться,
Куды схорониться?
В соломушку сяду,
Сеном затрушуся.
У попа была корова,
Корова-прожора:
Соломушку съела,
Сено подобрала,
Сено подобрала,
Меня оказала.

Как ныне-то куры,
Поют петухами,
Как ныне-то жены
Вольны над мужьями,
Вольны над мужьями,
Секут батожьями:
Лежи ты, муж, тута,
Дожидайся кнута.

* * *

Гурката, гурката!
А Митиньке дремота.
Сон да дрема
Вдоль по улице прошла,

К мому Митеньке зашла,
Под головушки спать легла.
Баюшки-баю,
Баю деточку мою.
Прилетели гулюшки,
Садилась на люлюшку,
Они стали гурковать,
Стали Митеньку качать,
Прибаюкивать:
Спи, Митенька, засни,
Угомон тебя возьми!
Лучше выспишься,
Не куражишься,
Пойдешь в сад — разгуляешься,
Да и с нянюшками,
Да и с мамушками.
Будешь в золоте ходить,
Много серебра носить.
Баю, баюшки-баю,
Баю деточку мою.
У котика, у кота
Была мачеха лиха:
Она била кота
Поперек живота,
А кот с горюшки,
Кот с кручинушки,
Кот на печку пошел,
Горшок каши нашел.
На печи калачи
Как огонь горячи.
Пряники пекутся,
Коту в лапки не даются.

* * *

Как у бабушки козел,
У старой бабы седой.
Тпру-ка, ну-ка, тили ли,
Тилилюшенки мои!
Он на шесточке лежал,
Судомочку лизал.

Отпросился козел,
Отпросился седой
На часок во лесок.
Ах ты, бабушка,
Ты Варварушка,
Отпусти-ка ты козла!
Я поймаю тебе
Волка серенького,
Лису желтенькую,
А волчицу на капот,
А лисицу на салоп.
Как навстречу козлу
Идут семь волков,
Осьмой-от волк,
Подопрелый бок:
Он семь лет говел,
Всё козлятинки хотел.
Испугался козел,
Испугался седой,
Он бородкою трясет,
Точно веничком.
Он ножками стучит,
Словно ступочками.
Ах ты, бабушка,
Ты Варварушка,
Отворяй-ка ворота,
Принимай-ка козла!

* * *

- Мы просу сеяли.
— А мы просу вытопчем.
— А мы топтать не дадим;
А чем ее вы вытопчете?
— Мы коней напустим.
— А мы коней поймаем.
— А чем их вы поймаете?
— Шелковым неводом.
— А мы невод разорвем.
— Мы коней во стойло запрем.

- А мы коней выкупим.
- А чем их вы выкупите?
- Мы сто рублей дадим.
- Нам ста рублей не надо.
- Мы тысячу рублей дадим.
- Нам и тысячи не надо.
- Мы дадим дров костер.
- Нам дров не надо,
- У нас избы стоплены.
- Мы дадим лык пук.
- Нам лык не надо,
- У нас лапти сплетены.
- Мы дадим дедушку.
- Нам дедушки не надо.
- Мы дадим бабушку.
- Нам бабушки не надо.
- Мы дадим молодца.
- Нам молодца не надо.
- Мы дадим денежку.
- Нам денежки не надо.
- Мы дадим девушку.
- Нам девушку надо.
- У нас полку убыло.
- А у нас полку прибыло.

* * *

Ой, барыни!
 По ягодку, по клюкву,
 По хорсшу, по крупну!
 Свежа, подснежна,
 Холодна, подлёдна,
 Володимирска крупна,
 Сама удивительна!
 Губки, бабáшки
 Брали девушки Наташки,
 Девушки брали,
 Голубушки брали,
 Молодушки собирали,
 С кочки на кочку скакали,

Две лапотки посбивали,
Хлебушка по краюшечке съедали,
Набирочки потеряли,
С робятками проиграли,
Весь денечек прогуляли.
Ехала клюква, приехала
Из деревни во Москву,
К Каменному мосту,
Не пешком — на лошадке,
На сивке, на бурке,
На вешней коворке.
Села да на спинку,
Уцепилась за гривку:
Удирай, моя сивка!
Удирай, моя бурка,
Вешняя коворка!
Ко каменным палатам
Бояры, купцы выходили,
Тарелочки выносили.
А мы клюкву поскладали,
Медком поливали,
Сахарочку насыпали:
«Друзья вы, приятели,
Московские обыватели!
Не дайте вы нам разориться,
Дайте вы нам поразжиться.
У меня жена во трактире
Заложена в одном алтыне;
У меня ль жена в кабаке
Да заложена в одном пятаке.
На эти деньги разживуся,
Пошлю жену баню топить».

* * *

Гладенькая лошадушка — шарыгинская;
То высока дуга — щепалинска слуга;
Гречушные блинцы — то и яковлевцы;
А козыльски мужики — настоящи вотяки:
Они белочек ловили, гостей потчевали.

Сурова подоплека — го еловская;
Язык молодят — сентяжковские;
Худенькой халатишка елабужский;
С закалой калачи — мамадышевски.
Кувыкува́кушки—свингорски девки-лапушки.
В Котловке люди ловки,
А в Сентяке люди всяки.
А в Соколке во селе
Тужат девки о себе,
Они тужат, и горюют,
И не знают, как и быть:
В селе некого любить.
Афанасовки ребята
Серебром девок дарят —
Кому рубль, кому два,
Мне полтину серебра.
Что сокольские ребята
Яблок к яблоку набраты:
Все пошили дипломаты;
Распахнулись их полы —
У них вышиты подола.
А пражанские ребята —
Уж как они горбаты!..

АГАФОНУШКА

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи, на дровах,
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по подлавечью,
А и синее море — в лохани вода.
А у белого города, у жорнова,
А была стрельба веретенная,
А и пушки-мушкеты горшечные,
Знамена поставлены помельные,
Востры сабли — кокошники,
А и тяжкие палицы — шемшуры,
А и те шемшуры были тюменских баб.
А и билася-дралася свекры со снохой,

Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге, о яшном мушнике,
А и билися-дралися день до вечера,
Убили оне курицу пропащую.
А и на ту-та на драку — великий бой
Выбежал сильной-могуч богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-та на нем была свиных хвостов,
Бóлестью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды — то пуговки,
Сливные коросты — то петельки.
А втапоры старик на полатех лежал,
Силу-ту смечал, во штаны ...;
А старая баба, умом молода,
Села ..., сама песни поет.
А слепые бегут, спинаючи глядят;
Безголовые бегут, оне песни поют,
Бездырые бегут — ...,
Безносые бегут — понюхивают,
Безрукой втапоры клеть покрал,
А нагому безрукай за пазуху наклал,
Безъязыкого — того на пытку ведут;
А повешены — слушают,
А и резаной — тот в лес убежал.
На ту же на драку — великой бой
Выбегали тут три могучие богатыри:
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны;
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропóрно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит
С репою, со печенкою.
А и среди синя моря Хвалынского
Выростал ли тут крековист дуб,
А на том на сыром дубу крековистом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила,
И детей она свела — сивеньких поросяточок,
Поросяточок полосатеньких.

По дубу они все разбегаются,
А в воду они глядят — притонуть хотят,
В поле глядят — убежать хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,
А и серой волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает:
«Хоть вправо держи, хоть влево, затем
куда хошь».

Они на небо глядят, улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит.
А и черт ли видал, что медведь летал,
Бурую корову в когтях носил.
В ступе-де курица объягнилася,
Под шестком-та корова яиц снесла,
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

АТАМАНСКАЯ СЛАВА

Ой да провожали казаков-молодцов,
Провожали на ту ли на войну турецкую,
Ой да провожали их все атаманушки,
Те ли атаманушки да всё ли они удалые.
Ой да они наказывали честь им беречь,
Честь беречь да вот славу умножить.
Ой да пошли во поход казаченьки,
Во поход-то пошли они дальний.
Ой да атаманы вот пошли по домам,
По домам вот пошли, на печь влезли.
Ой да на печи-то, печи благодать,
Не видать там ни недругов, ни морозов.
Ой да жить бы так атаманам — душу тешить,
Им держать вот свое тело в холе.
Ой да как бы вот она не грянула беда,
Всё та беда, она ими вот нежданная.
Ой да в чистом, в чистом поле объявился,
Объявился он змей, тот ли змей лютей,
Ой да пошли все атаманушки на него,
Все атаманушки змея того ли бить.
Ой да рубили его они всё шашками,
Они из ружей палили, пиками кололи.

Ой да что с ним вот они не делали,
Лежит во поле чистом вот змей невредим.
Ой да так-то они с ним три дня,
Три дня билися да три ноченьки.
Ой да потом к змею они пригляделися,
Атаманушки к нему-то присмотрелися.
Ой да был это вовсе, вовсе не лютый змей,
Не лютый змей, не змей — а вожжи старые.
Ой да на этом-то вот весь бой и кончился;
Весь он бой, всё-то оно сраженьище.
Ой да идут себе домой атаманушки,
Идут вот они, всё похваляются.
Ой да где с нами, с нами, атаманами,
Простым казакам, казакам равняться.
Ой да мы-то, мы — не то что турок,
Не то что турок, змея лютого одолели.
Ой да одолели мы его — змея лютого,
Все того ли змея злого да свирепого.
Ой да себе славы мы умножили,
Чести много себе прибавили.

* * *

Хотите ли, братцы, старину скажу,
Старину скажу, скажу да стародавнюю,
Стародавнюю да небывалую,
Небывалую да неслыханную?
Я хотел сказать, да нечего;
Оглянусь назад, да слушать некому...
По синю морю да мужички орут,
По чисту полю да корабли бежат,
По запольицу они да езки бьют,
Езки бьют да ходят рыб ловить,
Осетров ловят да бородатых,
Сороженек, да они с рожками,
Уклеенок, да все в очелочках.
Сокол идет да пеш-дорогою;
Медведь летит да по поднебесью,
Во когтях да он несет коровушку
Чернопеструю да белохвостую.

Во бору кобыла да белку взлаяла;
В осеку овца да яйцо снесла;
На дубу свинья да гнездо свила,
Гнездо свила да детей вывела,
Малых деточек да поросяточек,
По сучкам сидят да ускочить хотят,
Под верх глядят да улететь хотят.
Ай за славным городом за жорновом
Разыгрался мелин да с хлопотом.
Уж ты, хлопот, хлопот, хлопотушек!
В высоких горах — да на печи в дровах,
На печи в дровах да сидит богатырь;
Он хрен да редечку повыломал,
Белу капусту повырубил,
Пироги да шаньги он полками брал.
Ай сказали блины, что в печи каша есть,
И молочная да наволочная.
Как за славным городом за ступою
Толкут тут бабы, стучают;
И пошла у них стрельба-пальба,
Стрельба-пальба да веретенная,
На выручку да поваренками.
Ай пошел у них рукопашный бой,
Рукопашный бой да издерихами,
Исполделали шпаги да все лучинные;
У них тут пошел да кровопролитный бой...

НЕБЫЛИЦА

(Старина-погудка)

Старина-та сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою;
Ише это, братцы, чудышко нечудноё,
Ише есь-то, братцы, чудышко чудне того:
Что по морю, морю да жорнова несё,
Ише три-то снохи да жорнова делят;
Ише это, братцы, чудышко нечудноё,
Ише есь-то, братцы, чудышко чудне того:
Что по синёму-ту морю как овин несет,
Да овин-то горит да со соломою;

Ише это чудо, братцы, нечудноё,
Ише есь-то, братцы, чудышко чудне того:
По поднёбесью-ту, братцы, как медведь летит
Да коротенькими ножками погудыват,
Да коротеньким хвостём своим поправливат;
Ише это, братцы, чудышко нечудноё.
Да свинья-та в дубу, братцы, гнездо свила;
Ише это, братцы, чудышко нечудноё, —
Да гнездо-то свила да детей принёсла.

* * *

Уж я старого, седого
Захотела просмеять.
 Ай ли, ай ли, ай люли,
 Захотела просмеять.
Вместо парня молодого
Пригласила ночевать.
 Ай ли, ай ли, ай люли,
 Пригласила ночевать.
Раз вечернею порою
Старый с лестницей к окну.
 Ай ли, ай ли, ай люли,
 Старый с лестницей к окну.
Я, млада, не обробела,
Взяла зеркало, свечу.
 Ай ли, ай ли, ай люли,
 Взяла зеркало, свечу.
Взяла зеркало, свечу,
Сама к окошечку качу.
 Ай ли, ай ли, ай люли,
 Сама к окошечку качу.
Старый сам себя увидел,
Прямо с лестницы упал.
 Ай ли, ай ли, ай люли,
 Прямо с лестницы упал.
Вот те, старый черт, насмешка, —
Не влюбляйся в молоду.
 Ай ли, ай ли, ай люли,
 Не влюбляйся в молоду.

Не влюбляйся в молоду
Да на семнадцатом году.
 Ай ли, ай ли, ай люли,
 Да на семнадцатом году.

* * *

Как-то в радуницу раз
На блины вышел приказ.
Заводила я блины,
Три сажени долины.
День мешала, два пекла,
Три вытаскивала.
Вот блины мои, блины,
Да блины масленые.

Мы на кладбище пошли
Да на носилках блин несли,
Через сорок семь могил
Протянулся блин один.
Блин тянулся, не погнулся,
Все могилы провалил.
Вот блины мои, блины,
Да блины масленые.

Мы у этого блина
Да четверть выпили вина.
И мы этими блинами
Всех усопших поминали.
Поминали — выпивали,
Они радовались.
С кладбища отправились —
Все блины оставили.
Оглянулись назад —
Сорок верст блины видать.
Ниша братия сидели,
Сколь хотели, столько ели.
Вот блины мои, блины,
Да блины масленые.

А вот и троица пришла,
Я опять блины пекла,
Я к заутрени пошла
Да блин в решетке понесла.
Раз пятнадцать отдыхала,
Только к вечеру пришла.
Вот блины мои, блины,
Да блины масленые.

Блин на части разломила,
Сорок нищих накормила,
Полблина еще осталось,
Я до осени питалась.
Всё я лето пропиталась, —
Как поправилась!..
Вот блины мои, блины,
Да блины масленые...

Вот покровская суббота.
Заводить блины охота.
Я в кадушке ведер в пять
Завела блины опять.
День мешала, два пекла,
Три вытаскивала.
Вот блины мои, блины,
Да блины масленые.

Вышли пышные блины,
Пол-аршина толщины.
Раскатала, посадила —
А достать-то не могла.
Блин канатом подхватила,
К печи трактор подвели.
Блины с печи потащили,
Затрещали кирпичи.
А старуха заревела —
Где мне спать теперь легчи.
Ты, старуха, не реви,
Да ешь горячие блины.
Вот блины мои, блины,
Да блины масленые.

Накануне рождества
Блины снова завела.
А на масленой недели
Отовсюль блины летели.
Как летели — мы глядели,
А блинов мы не поели.
Вот блины мои, блины,
Блины масленые.

Пост великий прожила,
Блин пасхальный завела.
В нем закальца на три пальца,
Снизу, сверху подожгла.
Печь топила, блин пекла,
Три сажени дров сожгла.
Кулинарка такова —
Целый год блины пекла,
Все хороши выходили —
На последях подвела.
Вот блины мои, блины,
Да блины масленые.

**САТРИЧЕСКИЕ
«ДЕЙСТВА»**

В русском народном поэтическом творчестве одно из видных мест принадлежит группе произведений, связанных особой формой исполнения и ярко окрашенных сатирической тенденцией. В отличие от песен и былин, они почти никогда не исполняются как произведения певческие; в отличие от сказок — никогда не «повествуются». Речь идет о поэтических текстах, частично составивших репертуар народного театра и народных зрелищ, а также о произведениях, близких к ним по художественным особенностям и содержащих явные признаки театрализации.

Элементы драмы, вообще широко распространенные в русском народном творчестве, присутствуют уже в самых древних из дошедших до нас обрядов. Они, например, занимают большое место в свадебном (и отчасти похоронном) обряде. В ряде обрядов, связанных с народным календарем, театрализация также играет большую роль. В праздновании масленицы, например, драматические элементы уже превращаются в сложную сеть представлений, сенок. То же можно сказать о святках. На масленице и в святки появлялись всевозможные кукольные, поводыри медведей, актеры-скоморохи, раешные «деды» и т. д., и т. п. Однако в данном случае нас интересуют не те или иные элементы театрализации, содержащиеся в народном творчестве, а произведения, исполнение которых приобретало совершенно самостоятельное значение и требовало известных артистических навыков. При этом исполнители их были отделены от основной массы зрителей. Все это — так называемые «действия» — понятие, охватывающее многие жанры устно-поэтического народного творчества, а именно: народные пьесы, репертуар кукольного театра, райка, выступления скоморохов, монологи балаганных «дедов», поводырей медведей, канатных плясунов и т. д.

Среди разных жанров «действ» мы находим произведения,

казалось бы не имеющие ничего общего с драматической формой, например некоторые виды сказок. Между тем, поскольку эти сказки были рассчитаны на актерское исполнение, оттенявшее характерные особенности действующих лиц, они составили особую разновидность народного «действия». Не случайно иногда целые диалоги из них переходили в сценическое представление, где роли распределялись уже между разными актерами. Отсюда взаимодействие между такими произведениями, как народная драма о царе Максимильяне и сказка «Не люблю — не слушай», сатирический монолог балаганного «деда» и «Игрище о барине». К числу острых эпизодов пьесы «Царь Максимильян» относится разговор царя и Максимки. Царь спрашивает: «Каков у вас хлеб родится?» Максимка отвечает: «Хорош, царь, ваше благородие. Борозда от борозды будет в день езды, колос от колосу не слышно голосу». Это строки из стихотворной сказки «Не люблю — не слушай». Они попали в народную пьесу, как наиболее острые в социальном отношении; из множества невероятных гиперболических образов и сравнений крестьянское «действие» взяло лишь наиболее значимые.

С. Максимов в «Игрище о барине» обнаружил некоторые стихотворные строки, также связанные с упомянутой выше сказкой. На вопрос барина об урожае староста говорит: «И рожь уродилась такая, что сноп от снопа — столбовая верста, а копна от копны — целый день ходьбы».¹

Для всех разновидностей народных «действ» — от балаганного монолога до развернутой пьесы — характерно применение рашного стиха. Этот стих поразительно ёмок. Не ограниченный размером, ритмом, определенным количеством стоп, держащийся лишь на рифме, он способен включить в себя разговорную речь, цитату из «священного писания», строки из песни и даже рецепт. Но все это отнюдь не значит, что рашный стих народной драмы лишен устоявшихся формул, поэтических приемов и традиций, что возникает он каждый раз как чистая импровизация.

По социально-обличительной направленности «действия» не уступают другим жанрам русского сатирического фольклора. Особенно примечателен в этом отношении репертуар народной драмы. Наиболее распространенной пьесой народного театра является «Царь Максимильян», в некоторых вариантах — трагедия, в иных — мелодрама, но всегда с сильнейшим вторжением сатирических мотивов.

¹ С. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 305.

Происхождение этой драмы окончательно не выяснено. Можно лишь предположить, что народные сатирические монологи и сцены, связанные с некоторыми обрядами, были воссоединены с какой-то не дошедшей до нас мистерией или, вернее, сценами из мистерии. В дальнейшем пьеса вобрала в себя отдельные элементы книжности (имена некоторых действующих лиц), эпизоды кукольного «действия» и т. д. Но, как бы то ни было, справедливо замечание В. Д. Кузьминой о том, что «в народной драме «Царь Максимилиан» образы книжной повести и школьной драмы (царь-язычник и его сын — мученик за христианскую веру) получили новое идейное освещение. Не образ язычника-тирана и кроткий облик мученика противостоят друг другу в народной драме. Тронная речь Максимилиана, полная безудержной похвальбы, бесчеловечная жестокость к сыну, непочтительные перекоры стариков-гробокопателей с царем — все это приобретало в народной драме отчетливую политическую тенденцию обличения царя-деспота».¹

Внешним узлом драмы является конфликт между свирепым царем — язычником и отважным сыном — христианином. Но этот конфликт в большинстве вариантов, записанных в начале XX века, заменен другим, более близким слушателям. Оказывается, сын Адольф ни больше ни меньше как волжский атаман. Соответственно этому его ответы отцу па требования смириться приобретают характер ответов в стиле балаганного «действия».

Царь Максимилиан спрашивает: «Ты видишь на главе моей корону, на груди моей кресты, в руках моих скипетр?» Адольф отвечает: «Да, я вижу на голове ворону, на груди твоей холсты, а в руках твоих скирду». Аналогичные ответы сын дает во второй и в третий раз. Постепенно спор между отцом и сыном заслоняется другими событиями. Появляются священник и дьякон. И трагедия сменяется пародией на церковную службу: выясняется, что оба священнослужителя пропили книги и начинают петь все, что на ум взбредет.

Социальные и атеистические мотивы народной сатиры превратили пьесу о царе Максимилиане в антирелигиозный памфлет. Фигура Аники-воина, также связанная с образом солдата из легенды об обманутой и побежденной смерти, завершает эту линию, показывая отважного человека, вступающего в бой с самой необоримой силой. (В некоторых вариантах «Царя Максимилиана» Аника-воин побеждает смерть.)

¹ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958, стр. 72.

Сатирические мотивы этой пьесы начисто истребляют все остатки чувства благолепия, которое могло появиться у слушателей. Высмеивая церковную службу, и священник и дьякон непрерывно богохульствуют, дьякон подробно пересказывает сказку-небылицу, добавляя к ней строки из балаганных раешников и издевательские замечания по поводу попа.

В дальнейшем сатирический объект меняется: начинается высмеивание бар, а заодно и царя.

Ярко выраженный сатирический характер носит и сцена с доктором, который, в соответствии с балаганной традицией, заявляет о себе:

Здравствуйте, господа,
Вот и я к вам припожаловал сюда!
Я есть лекарь,
Из-под Каменного моста аптекарь,
Болятки вынимаю,
Чиры вставляю...
Ко мне приводят на ногах,
...От меня увозят на дровнях...

В других вариантах большую роль играет старик-гробокопатель, традиционный сатирический образ. Происхождение его также неясно. Можно предположить, что генезис его связан с теми же мистическими представлениями о похоронах, которые породили обряд поминок и т. п. Гробокопатель требует деньги у царя и беспрестанно подшучивает над своим ремеслом.

Вся эта галерея шуточных персонажей — священник и дьякон, доктор и гробокопатель — определяет очень важную особенность, характерную для народного «действия», — элемент наивного реализма, атеизма, безбожия. Все смешное в этих персонажах и их поступках в том, что все они не сомневаются в отсутствии «потустороннего», совершенно не боятся ответственности «на том свете». Мертвое тело для них — просто неодушевленный предмет. Церковная служба — набор малопонятных фраз. Всевозможные чудеса (оживление усопших) — невероятная фантазия.

В этом все они близки к персонажам сатирической сказки. Напомним старика-колдуна, сперва прячущего какой-нибудь предмет, а потом указывающего место его нахождения, ловкую гадалку, узнающую то, что ею же самой подстроено, солдата, уносящего в озеро поповские тела и т. д. и т. п.

Резко звучат антибарские, социальные мотивы в народной пьесе «Лодка» (в других вариантах «Шлюпка»), рассказывающей

о нападении на богатого помещика. Заключительный эпизод ее — диалог между есаулом (посланным атаманом) и помещиком. Есаул спрашивает помещика: «Рад ли ты нам, дорогим гостям?» Помещик отвечает: «Рад... как чертям». Затем появляется сам атаман и «разбойнички» сжигают помещичий дом.

К сожалению, трудно говорить о сатирических мотивах других пьес народного театра. Сценические народные представления с развитым сюжетом, с несколькими участниками-актерами сохранились в небольшом количестве.

Все же в ряде случаев удается более или менее точно установить наличие острых социальных мотивов в пьесах народного театра. П. Н. Берков в своей работе «Русская народная драма XVII—XX веков» писал об «Игрище о барине»: «В некоторых очень немногих вариантах сохранились следы первоначального замысла народной сатиры: жеребец и бык покупаются по цене, значительно более дорогой, чем «удивительные люди»: жеребец и бык оцениваются по сто рублей, а «удивительные люди» — все вместе — за две рюмки водки. Таким образом, в этом эпизоде народ подверг сатирическому обличению продажу крепостных вообще и господскую оценку крепостной души в частности: если «удивительные люди» ценятся дешевле скотины, сколько же стоит простой человек?»¹

В пародийной пьесе «Пахомушка» («досюльной игре-комедии», как называли ее со слов исполнителей записавшие ее собиратели фольклора С. Писарев и С. Сулович) высмеивается церковный обряд бракосочетания. Поп стоит на пне, надевает на венчающихся шайки для молока, кадит спичечным коробком на веревочке и т. д. Пение попа, имитирующее церковное, в сочетании с соответствующим текстом («Поп Макарий ехал на кобыле карой, кобыла его сбесишися. И попа Макария на земле сверзишися...» и т. д.) создает необходимый комический эффект.

Сатирические мотивы занимают большое место в кукольном театре, который, по-видимому, старше народного театра актера. Основной персонаж кукольного «действия» — Петрушка. Этот герой издевается над «доктором-лекарем, с Кузнецкого моста пекарем и аптекарем»; высмеивает немца-предпринимателя; ставит в глупое положение монашенок, офицера и т. д.

Петрушка — совсем особый персонаж. Это, по словам М. Горького, «непобедимый герой народной кукольной комедии, он по-

¹ П. Н. Берков. Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1953, стр. 15.

беждает всех и все: полицию, попов, даже черта и смерть, сам же остается бессмертен. В грубом и наивном образе этом трудовой народ воплотил сам себя и свою веру в то, что в конце концов — именно он преодолет всё и всех». ¹ Петрушка во многом напоминает центральный образ сатирической сказки — Ивана-дурака, который так же беспощадно, зло и остроумно высмеивает, а подчас и уничтожает своих врагов. Враги сказочного героя — это невежественный и самодовольный боярин, жадный и сластолюбивый поп, богачи из мужиков и т. п. Безымянный, как правило, герой сатирической сказки не верит «ни в сон ни в чох». Он способен притвориться даже пришельцем с того света или ангелом.

Ему одинаково чужды религиозные обряды и собственнические инстинкты. Образ его, сохраненный в сотнях сказочных сюжетов, дошел до нас во всей широте.

Иное дело — образ Петрушки. Мы располагаем очень немногими записями, прошедшими к тому же двойной — во время исполнения и во время публикации — отбор. Мы можем лишь предполагать, что Петрушка, близкий сказочному герою в тех эпизодах, где он посрамляет немца (или цыгана), капрала и т. п., был близок ему и в борьбе с другими, более существенными недругами — с баринком и попом. Можем предположить и атеистические черты этого образа. Но хотя людям поколения М. Горького еще удавалось подчас видеть представления такого типа, записи фольклористов не сохранили, не донесли до нас большинства упомянутых сюжетов.

Если в пересказе дошли до нас издевательства Петрушки над «татарским попом», насмешка над солдатской муштрой, драка с квартальным, то остальные мотивы кукольной комедии остались неизвестными. П. Н. Берков справедливо говорит о том, что до нас дошли многочисленные обработки для детей, но лишь немногие из них «относительно правильно передают „подцензурный текст“ некоторых вариантов этой комедии». ²

По-видимому, в свое время театр Петрушки был куда острее социально, нежели об этом можно судить по известным нам материалам. Не случайно ведь за свою сатиру «петрушечники» попадали в тюрьму. ³

¹ М. Горький. О том, как я учился писать. Собрание сочинений, т. 24. М., 1953, стр. 494.

² П. Н. Берков. Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1953, стр. 328.

³ См. В. Ю. Крупянская. Народный театр. Сб. «Русское народное поэтическое творчество». М., 1954, стр. 394.

Поэтика народных «действ» во многом определяется статическим характером их образов. Все герои, появляясь перед зрителем, сразу же представляются и полностью раскрывают свои черты. В дальнейшем никаких новых свойств к их облику не прибавляется. Перед нами с самого начала уже сложившиеся характеры. Не случайно многие реплики таких распространенных персонажей, как лекарь, гробокопатель и прочие, имеют стандартную форму.

Сатирические приемы в народных «действиях» также постоянны. Прежде всего, это противоречие между профессией персонажа и его поведением. Священник и дьякон, например, всячески издеваются над религиозными обрядами и высмеивают собственный сан. Лекарь, вместо того чтобы излечивать людей, отправляет их на тот свет. Зазывала в балагане обещает, что те, кто придет на представление, кое-чего недосчитают в карманах. Гробокопатель, лицо мрачное по своей профессии, непрерывно веселится и т. д. и т. п.

Ощутимы противоречия между подлинной связью явлений и рассказом о них (впрочем, эта черта характерна и для песен-небылиц, а также сказок-небывальщин). П. Богатырев приводит в качестве примера подобного «противоположения» строки из реплики дьякона:

Вижу пенёк,
А в пеньке дырка!
Я в дырку перстом —
Не лезет;
Я — шестом —
Не проходит;
Рассердился, да сам весь и влез.¹

Эта реплика — цитата из самой популярной сказки-небывальщины.²

Очень часто в народных «действиях» применяется игра омонимов. Один из персонажей говорит о полковнике, другой о покойнике; один зовет другого за наградой, второй говорит о том, что ему не надо винограда; один говорит о «дохторе», второй — о дохлом и т. д. На этом построены диалоги стариков, беседы

¹ П. Богатырев. Чешский кукольный и русский народный театр. Берлин — Петербург, 1923, стр. 32.

² Аналогичную мы записали в Новгородской области от М. Карпова. См. «Русская сатирическая сказка». М., 1958, № 80.

музыканта с Петрушкой, разговоры балаганного «деда» с Рыжим и т. п.

Характерны для народных «действ» и прямолинейность обращения к зрителям, расчет на вопрос с места, на реплику и пр. Повторения, широкое применение звукоподражания, упоминание всевозможных физиологических процессов — все это подчинено основным идеям народного театра — идеям социального обличения.

Позднее кукольного театра возникла другая разновидность представлений, также проходивших без актера, — так называемый раек, театр картинок. Раек представлял собой ящик с несколькими окошечками, за которыми перематывалась длинная лента, склеенная из различных картинок. Демонстрация ее сопровождалась чтением стихотворного монолога.

Тексты райка почти не сохранились. Однако представить его репертуар помогают подписи к лубочным картинкам. На их листках, несомненно, обильно цитировались тексты народного театра. Так, все участники кукольной комедии, перечисленные Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо», где описывается балаган кукольника:

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей,
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они... —

известны по многим лубкам вплоть до XIX века.

Тесно связанные в своих текстах с различными сатирическими фольклорными жанрами, а также с сатирической и юмористической рукописной литературой XVII—XVIII веков, лубочные картинки помогают уяснить, как широко был распространен тот или иной сатирический жанр народного поэтического творчества, в частности драматический, и вместе с тем дают отчасти представление о сценическом воплощении наиболее популярных театральных произведений.

Конечно, остается неясным, разыгрывались ли как театральные представления все сатирические сюжетные произведения, напоминающие своими особенностями раешные «действия», но сохранившиеся лишь в виде подписей к лубочным картинкам. Таковы, например, тексты «Голландский лекарь и добрый аптекарь», «Старинная потеха от скуки для смеха...» и т. д. Отдельные намеки на это иногда удается обнаружить в самих подписях к лубкам. Так, по наблюдению И. Е. Забелина, переданному

Д. Ровинским,¹ в тексте «Точильщик часов» есть прямое обращение исполнителя роли мастера к публике, по-видимому свидетельствующее о сценической истории этого произведения.

В лубочных картинках, сохранивших частью тексты райка, высмеивались старики, подыскивающие себе молодых жен, пьяницы-мастеровые, мужья-простофили и т. д. Социальные мотивы в них, особенно в текстах конца XIX века, звучат приглушенно. Это и понятно: ведь все они проходили официальную цензуру.

Показательно, что конкретные социальные мотивы сильнее выражены в таких произведениях, как стихотворные раешные сказки «О Ерше Ершовиче» и «Ворона-Карабута». И это было не случайно: обе сказки нам известны не по лубкам, а в записи.²

Очевидна связь этих сказок с песенными и былинными небывальщинами. Поразительны все эти смешения человеческих функций с образом жизни рыб, птиц, зверей. Но, в отличие от небывальщин, в алогизме сказок о Ерше Ершовиче и неправом суде птиц есть своеобразное развитие образов, развернутый сюжет. Если сеть ассоциаций в фантастике небывальщин очень часто случайна, трудно объяснима, то здесь все ассоциации, все образы подчинены основному заданию: в сказке о Ерше Ершовиче — высмеять и наказать ловкого проходимца, а заодно взяточников и все судейское сословие, в сказке о Вороне-Карабуте, как и в песнях о птицах, — показать в смешном, «пернатом» виде все общественные группы — от царя до сотника.

Иное — в сказках лубочных картинок. Лишь изредка они доносят до нас отрывки народной сатиры, некогда очень острой и актуальной (см., например, «Как мыши kota хоронили», связанной с событиями петровской эпохи), но уже позабытой и утратившей свою остроту, с намеками, понятными лишь читателю и зрителю прошлых лет.

Более свободно тексты лубочных картинок касались зарубежных событий. Это было вообще свойственно райкам, высмеи-

¹ См.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 5. СПб., 1881, стр. 254—255.

² Эти сказки стоят на грани устного сценического монолога и собственно сказки, повествовательного жанра. Правда, здесь следует оговориться: целый ряд сказочников, в том числе Белков, открытый в свое время И. В. Карнауховой, Богатырев, разысканный нами, и многие другие превращают даже обычные сказки в сценарии актерской игры. Но в большинстве своем сказки, и фантастические и сатирические, рассказываются, а не играют. Сказки же рифмованные по манере исполнения примыкают к раешным монологам ярмарочных «дедов».

вающим и папу римского, и Бисмарка, и германские притязания в Балтике и т. д. Заодно мишенью нападков являлись всевозможные заморские нововведения — вплоть до лечения у модных заграничных врачей.

Простейшую форму «действия» с актером представляют раешные монологи балаганных «дедов», бродячих скоморохов, поводырей медведей, ярмарочных зазывал и т. д. К сожалению, по тем же причинам, по которым до нас не дошли многие сатирические произведения песенного жанра, по-видимому, почти не сохранились тексты и этих «действ», очевидно также остро затрагивавших вопросы социального устройства. Лишь в недавнее время могли быть обнародованы тексты вроде следующего монолога скомороха:

А бурый медведь ревмя ревет,
Ревмя ревет, он в избу не идет,
Там сочки его в каталажку запрут.
Там десятки его живьем обдерут,
Там баре его с шерстью сожрут.
Мы медведника полюлюкаем,
А косолапого медведя поназюкаем.
На соцких, десятиках ты, бурый, притопни,
А бар толстопузых дубиной прихлопни.¹

Разумеется, подобный текст мог бы дойти до нас в дореволюционной записи лишь случайно. Но и в дошедших текстах иногда ощутима ирония по поводу барина-простофили, купца толсторожего и т. д. и т. п. Проскальзывают иронические замечания по поводу церковного обряда, очень часты напоминания о собственной нищете (с использованием мотивов небылиц и сказки «Не любо — не слушай») и о награбленном богатстве отечественной знати, которая ездит за границу «денежки мотать».

Все это с оговорками, в очень осторожной, скрытой форме. Другое дело — шуточки по поводу шеголих, скупцов, странностей неизменного Рыжего и т. п.

Более полное представление мы имеем об отдельных частях простейших видов «действ» — стихотворных сказочных зачинах, прибаутках, присказках, фигурирующих в качестве введения к той или иной сказке. Все они безусловно связаны со скоморошьей традицией и представляют собой рифмованные вступления-небываль-

¹ И. Зайцев. Народное творчество Южного Урала. Челябинск 1948, стр. 71.

щины с прекрасно разработанной системой аллитераций. Подобно песенным и былинным сказочным небылицам, они рассказывают о вещах совершенно немислимых, противоречащих элементарной логике. Иногда они звучат как своеобразная пародия на заговор («На острове на Буяне стоит бык кормлёный, В правом боку нож точеный. Приди ножом рожь и говядину ешь, Помакивай и закусывай. . .»); иногда — как детская присказка («Петушок, петушок, золотой гребешок, выйди на у́лку со мной покататься, со мной поваляться»); иногда напоминают сказки-аллегории о птицах, о зверях и т. д.

Некоторые присказки подчас превращались в развернутые произведения, стоящие на грани сказок-небывальщин (см. «Прибаутку-прибасеночку», записанную Н. Е. Ончуковым).

Фантастическая система образов, стремление показать мир вывернутым наизнанку, нарушить привычные функции предметов, гиперболизм образов — все это выражало с одной стороны поиски «берегов кашных, воды молочной», а с другой — стремление показать бессмыслицу существующего порядка вещей, где утверждалось угнетение человека человеком, социальное неравенство, религиозные и классовые догматы. Характерно, что в ряде присказок иногда фигурируют и бары и — чаще — попы.

К балаганным монологам как одной из разновидностей сценических «действ» примыкает своеобразный жанр, входящий в свадебный обряд, — «свадебный указ». Хотя сам по себе он не является разновидностью «действ», так как исполняется только в связи с обрядом, однако со сценическим монологом его сближает не только самый строй речи, но и то, что исполнение «свадебного указа» поручается особому лицу, наделенному способностью импровизировать комический монолог, обращенный к жениху и невесте, насыщать его сатирическими выпадами в адрес гостей, включая и попа, ироническими шутками по поводу приданого жениха и невесты, их красоты и способностей. Исполнитель такого «указа», напоминающий балаганного зазывалу, должен хорошо владеть традиционными приемами сказочной и песенной небылицы, народного сатирического стиля, умело комбинировать устоявшуюся фразеологию и развивать ее, применяя к обстановке именно данной свадьбы.

Текстов таких «указов» записано немного. Однако общий характер этого своеобразного жанра, в котором сосредоточивается комическая сторона свадебной обрядности, из этих записей вырисовывается вполне ясно: веселая шутка соединяется здесь подчас с острой сатирой.

Рифмованный монолог, произносимый в «свадебном указе» перед женихом и невестой, включает и двусмысленные шутки («Своих баб слушать не отпускайте, нынче народ волен, шалит больно...»), и элементы явной небылицы («Первая жена — Варвара выше амбара, молилась да и переломилась, я лыком сшил и три года жил»), и иронический обзор приданого, и шутки по поводу крестьянской бедности вообще, и уж, конечно, остроты над духовным сословием.

Народные «действия» вошли в русскую литературу особенно прочно в годы гражданской войны.

Если в дореволюционной литературе обращение к ним было чрезвычайно редким (Пушкин в «Сказке о попе и работнике его Балде», Мятлев в «Разговоре барина с Афонькой» и некоторые другие), то в советской литературе материал народных «действ» очень широко использовали и Маяковский, и Демьян Бедный, и С. Маршак, и многочисленные авторы всевозможных агитационных монологов и пьес.

В годы Отечественной войны интерес к жанрам сатирических «действ» возродился снова. Достаточно напомнить «Деда Романа» — персонаж из импровизаций агитколлективов и сатирических отделов газет Псковского партизанского края; попытку создать современную народную пьесу «Гдовская новь» и т. д.

I

ЦАРЬ МАКСИМИЯН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Царь Максимиан.	Смерть.
Адольф, его сын.	Скороход-предмаршел.
Друг Адольфа.	Священник.
Богиня, невеста Адольфа.	Дьякон.
Брат богини.	Старик.
Рыцарь Марс.	Портной.
Король Брамбеус.	Доктор.
Черный араб.	
Аника-воин.	

Свита, стража, хор (все участвующие).

Явление 1

Царь Максимиан

(входит и кричит, обращаясь к публике)

Тише, заволския вольница,
По головам пройду,
Поперек перерублю!

(Затем продолжает, обращаясь к своей свите и окружающим)

Происходить я происходил
Все четыре стороны,
Покорить я покорил
Весь земной шар.
Цел ли мой трон?
Цела ли моя шашка, золотая корона?

Сяду я на сем троне,
Приму я золотую корону
И буду я судить верных и неверных,
Подданных и не подданных,
А особенно непокорного сына моего Адольфа.
И буду я судить не вами,
А золотыми крестами,
Да еще нами, господами.
Скороход-Предмаршел,
Явись скоро перед тронном
Грозного царя Максимиана!

Явление 2

Скороход

О великий победитель,
Всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Что так скоро Скорохода своего призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

• Поди сходи и приведи ко мне сына моего
Адольфа.

Скороход

Сейчас схожу и приведу.
(Уходит.)

Явление 3

Адольф

Здорово, родитель,
Дражайший победитель.

(Стоит на коленях.)

Царь Максимиан

Здорово, сын!

А доль ф
Почто так скоро сына своего Адольфа
призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиян
Встань, встань, сын мой,
Где ты по сие время скитался
И так долго прохлаждался?

А доль ф
А я нигде не скитался
И нигде не прохлаждался,
А всё время вниз по матушке по Волге
В легкой лодочке катался,
С красными девушками занимался.

Царь Максимиян
А велика ли у вас лодка была?

А доль ф
Один конец в Костроме, другой в Астрахани.

Царь Максимиян
А много ли людей было на ней?

А доль ф
Три тыщи человек.

Царь Максимиян
А кто у вас атаманом был?

А доль ф
Атаманом был я,
И управляла всем рука моя.

Царь Максимиян
Да разве можно царскому сыну
Атаманом ходить вниз по матушке по Волге,
По широкому раздолью?
Уйди ты от меня,
Не глядели бы глаза мои на тебя.

Адольф

Слушаю, родитель,
Дражайший победитель.

(Уходит.)

Царь Максимиан

Скороход-Предмаршел,
Явись скоро пред троном
Грозного царя Максимиана!

Явление 4

Скороход

О великий победитель,
Всецедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто так скоро Скорохода призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

Поди сходи и приведи ко мне дерзкую Богиню.

Скороход

Сейчас схожу и приставлю к вам дерзкую Богиню.

Явление 5

Скороход

Вот она, ваше царское величество, дерзкая Богиня.

Богиня

О великий повелитель,
Всецедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто так скоро дерзкую Богиню призываешь,
И каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

Поди за сына моего Адольфа замуж.

Богиня

Не пойду я за сына твоего Адольфа замуж.

Царь Максимиан

Поди!

Богиня

Не пойду!

Царь Максимиан

Поди, пока честью просят, а то не честью примусь.

Богиня

Хоть убей, хоть зарежь, растерзай мое белое тело
на мелкие части, и то не пойду.

Царь Максимиан

Почему же?

Богиня

Потому что он мне не покровитель,
Не души моей спаситель,
А он весь чистый разбойник:
Вниз по матушке по Волге катался,
С ... занимался.
Когда он бросит свою веру христианскую,
Возьмет нашу магометанскую,
Тогда я и пойду за него замуж.

Царь Максимиан

Скороход-Предмаршел,
Явись скоро перед троном
Грозного царя Максимиана!

Явление 6

Скороход

О великий повелитель
И всецедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто так скоро Скорохода призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан
Поди сходи и приведи ко мне сына моего Адольфа!

Скороход
Сейчас схожу и приведу.

Явление 7
Скороход
Вот сходил и привел.

Адольф
Здорово, родитель,
Дражайший победитель
(На коленях.)

Царь Максимиан
Здорово, сын.

Адольф
Почто так скоро сына своего Адольфа призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан
Встань, встань, сын мой!

Адольф встает.
Брось ты веру христианскую,
Возьми нашу магометанскую.

Адольф
Не брошу я веры христианской,
Не возьму вашей магометанской.

Царь Максимиан
Ты видишь на голове моей корону,
В руках моих скипетр,
На груди моей кресты?

А до л ь ф

Я вижу на главе твоей корову,
В руках твоих скрипку,
На груди твоей песты.

Ц а р ь М а к с и м и я н

Брось ты веру христианскую,
Возьми нашу магометанскую.

А до л ь ф

Не брошу веры христианской,
Не возьму вашей магометанской:
Я ваши боги
Подверзаю под свои ноги,
В грязи их топчу,
Я и ...-то на них не хочу!

Ц а р ь М а к с и м и я н

Уйди ты прочь от меня,
Не глядели бы глаза мои на тебя.
(Обращаясь в сторону, кричит громко)

Скороход-Предмаршел,
Явись скоро пред троном
Грозного царя Максимиана.

Я в л е н и е 8

С к о р о х о д

О великий повелитель,
Всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто так скоро Скорохода призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и я н

Поди сходи и приведи ко мне короля
Брамбеуса!

С к о р о х о д

Слушаю-с! Сейчас пойду и приведу.

Явление 9

Скороход

Был, сходил и привел, ваше царское высочество!

Король Брамбеус

А вот я справа налево вернусь,
Перед тронем грозного царя Максимиана явлюсь.
Я храбр, неустрашим,
Никем непобедим,
Надо мной орлы вьются,
Над головой моей венцы льются...
О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто так скоро короля Брамбеуса призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

Поди и отведи непокорного сына моего Адольфа
За темные леса,
За зеленые луга,
За высокие горы,
За черное море,
В мертвое поле,
В пустынное место,
Пусть он там одумается,
Как от веры христианской отречься,
А нашим кумирским богам преклоняться.

Король Брамбеус

Сейчас схожу и отведу,
Куда следует на три года посажу
И всем ходить туда закажу.

Царь Максимиан

Скороход-Предмаршел,
Явись скоро пред тронем
Грозного царя Максимиана!

Явление 10

Скороход

О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиян,
Почто так скоро Скорохода призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиян

Поди сходи и приведи ко мне сына моего Адольфа
Из-за темных лесов,
Из-за зеленых лугов,
Из-за высоких гор,
Из-за синих морей,
С мертвого поля,
Из пустынного места, —
Одумался ли он?

Скороход

Сейчас схожу и приведу.

Явление 11

Скороход

Был, сходил и привел.

Адольф

Здорово, мой родитель,
(На коленях)
Дражайший победитель!

Царь Максимиян

Здорово, сын.

Адольф

Почто так скоро сына своего Адольфа призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиян

Встань, встань с коленей, любезный сын мой!
Ну что, одумался ли?

А доль ф

Одумался!

Ц а р ь М а к с и м и я н
О пом н и л с я л и ?

А доль ф

О пом н и л с я !

Ц а р ь М а к с и м и я н
А к а к ?

А доль ф

Д а в с ь т а к ж е !

Ц а р ь М а к с и м и я н
Б р о с ь т ы в е р у х р и с т и а н с к у ю ,
В о з ь м и н а ш у м а г о м е т а н с к у ю !

А доль ф

Н е б р о ш у я в е р ы х р и с т и а н с к о й ,
Н е в о з ь м у в а ш е й м а г о м е т а н с к о й !

Ц а р ь М а к с и м и я н

Т ы в и д и ш ь н а г л а в е м о е й к о р о н у ,
Н а г р у д и м о е й к р е с т ы ,
В р у к а х м о и х с к и п е т р ?

А доль ф

Д а , я в и ж у н а г о л о в е т в о е й в о р о н у ,
Н а г р у д и т в о е й х о л с т ы ,
А в р у к а х т в о и х с к и р д у .

Ц а р ь М а к с и м и я н

Б р о с ь т ы в е р у х р и с т и а н с к у ю ,
В о з ь м и н а ш у м а г о м е т а н с к у ю !

А доль ф

Н е б р о ш у я в е р ы х р и с т и а н с к о й ,
Н е в о з ь м у в а ш е й м а г о м е т а н с к о й !

Ц а р ь М а к с и м и я н

П о в е р ь н а ш и м б о г а м !

Адольф

А я ваши боги
Подверзаю под свои ноги,
В грязь их топчу,
И ... на них хочу.
Им не поклонюсь
И тебе не повинюсь!

Царь Максимиан

Уйди ты прочь от меня,
Не глядели бы глаза мои на тебя!
Скороход-Предмаршел,
Явись скоро пред троном
Грозного царя Максимиана.

Явление 12

Скороход

О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто так скоро Скорохода призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

Поди сходи и приведи ко мне короля Брамбеуса.

Скороход

Пойду, схожу и приведу к тебе короля Брамбеуса.

Явление 13

Скороход

Был, сходил и привел.

Король Брамбеус

А вот я, король Брамбеус,
Никого не боюсь,
Справа налево вернусь,
Пред троном грозного царя Максимиана явлюсь.

Я храбр, неустрашим,
Никем непобедим;
Надо мной орлы выются,
Над головой моей венцы льются...
О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиян,
Почто так скоро короля Брамбеуса
призываешь
И каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиян

Поди сходи и отведи
Непокорного сына моего Адольфа в темницу,
Дай ему хлеба крупичу
Да стакан холодной водицы.
Одним словом, значит, на хлеб да на воду!

ПЕСНЯ
(поет хор)

В темнице несносный
Разбойничек сидел
И ждал себе смерти
От злых палачей... и т. д.

За последнее время поют чаще следующую
песню:¹

Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чем светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать моя, отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой я три года жил.
Коляска к дому подкатилась,
В коляске старшина сидит,
А староста стучит в окошко:
«Готовьте сына своего!»
Крестьянский сын, давно готовый,
В объятых матери лежит;

¹ Ремарка собирателя. — Ред.

«Благослови меня, родная,
Идти в несносную тюрьму!»
Успела мать благословить
И богу душу отдала.

Царь Максимиан

Скороход-Предмаршел,
Явись скоро пред троном
Грозного царя Максимиана!

Явление 14

Скороход

О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто так скоро Скорохода-Предмаршела
призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

Поди сходи в темную темницу,
Оследствуй непокорного моего сына Адольфа
И, ежели жив, приведи его сюда.

Скороход

Сейчас схожу, оследствую и приведу.

Явление 15

Скороход

Был, сходил и привел.

Царь Максимиан

Теперь удались из этого места.

Скороход уходит.

Адольф

(стоя на коленях)

Здорово, родитель,
Дражайший победитель!

Царь Максимиан
Здравствуй, здравствуй, сын мой!

Адольф

Почто так скоро непокорного своего сына
Адольфа призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

Встань, встань, сын мой: не подобает
царскому сыну на коленях стоять.

Адольф встает с колен и медленно подходит к трону.

Ну что, сын мой, одумался ли?

Адольф

Одумался.

Царь Максимиан

Опомнился ли?

Адольф

Опомнился.

Царь Максимиан

Как же?

Адольф

Да всё так же!

Царь Максимиан

Бросишь ли веру христианскую,
Возьмешь ли нашу магометанскую?

Адольф

Не брошу я веры христианской,
Не возьму вашей веры магометанской!

Царь Максимиан

Ты видишь на главе моей корону,
В руках моих скипетр,
На груди моей кресты?

А дольф

Да, я вижу на главе твоей Матрену,
В руках твоих . . .,
На груди твоей . . .!

Царь Максимиан

Брось ты веру христианскую,
Поверь в нашу магометанскую!

А дольф

Не брошу я своей веры христианской,
Не поверю вашей магометанской!

Царь Максимиан

Поверь нашим богам!

А дольф

Как коровьим рогам.
Я ваши боги
Подверзаю под свои ноги,
В грязи их топчу
И . . .-то на них не хочу . . .
Я им не поклоняюсь
И тебе не покоряюсь.

Царь Максимиан

Ах ты, дерзкий, непокорный сын Адольф,
Уйди ты прочь от меня,
Не глядели бы глаза мои на тебя.
Скороход-Предмаршел,
Явись скоро пред троном
Грозного царя Максимиана!

Явление 16

Скороход

О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто своего Скорохода-Предмаршела
призываешь,
Или́ каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиян
Поди сходи и приведи ко мне короля Брамбеуса.

Скороход
Сейчас пойду и приведу.

Явление 17

Скороход
Сходил и привел короля Брамбеуса.

Царь Максимиян
Теперь можешь отправляться к своему месту.

Брамбеус
А вот и я, славный король Брамбеус,
Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимияна явлюсь.
Я храбр, неустрашим,
Никем непобедим,
Надо мной орлы вьются,
Над головой моей венцы льются...
О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиян,
Почто так скоро короля Брамбеуса призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиян
Поди и отведи непокорного моего сына Адольфа
на лобное место и отсеки ему там голову напрочь.
И чтобы безо всякого промедления.

Брамбеус
Вот мой вострый меч шумит,
Хочет голову срубить,
Кровь горячая кипит,
По мечу ручьем бежит.
Жаль, жаль царского сына губить,
Да нельзя царского слова изменить.
Вы сами знаете, господа,
Что царское слово не изменяется никогда.
Готовься к скорой смерти.

А д о л ь ф

Ах ты, дерзкий король Брамбеус,
Дай мне хоть немного по вольному свету пошататься
Да с друзьями распрощаться.

Б р а м б е у с

Не могу царское слово изменять,
Не могу и тебя сокращать;
Прощайся, да поскорее.

А д о л ь ф

Прощай, цветочек алый,
Прощай, весь свет белый,
Прощай, земля сырая,
Прощай ты, мать родная,
Прощай, милашка дорогая,
Прощай, сия обитель,
Прощай, отец-губитель:
Душу погубил,
Сына не пощадил,
Жизни решил!

После этого иногда хор поет песню «Последний нынешний денечек...», если она не пелась ранее.¹

Ц а р ь М а к с и м и я н

(Брамбеусу)

Исполняй свою должность, а не то тебя самого
велю жестокой смерти предать.

Б р а м б е у с

(Адольфу)

Не всё тебе плакать, тосковать,
Пора и скорой смерти предавать;
Ты видишь острый меч —
И голова твоя с плеч.

(Размахивается изо всей силы и срубает у Адольфа голову.)

Адольф падает и лежит все время до 22 явления.

¹ Репарка собирателя. — Ред.

Друг Адольфа

Фу ты, боже мой!
 Что я вижу пред собой?
 Под зеленою раkitой
 Словно друг лежит убитый.
 Всё оружие разбито,
 Голова мечом пробита,
 Из гортани кровь течет,
 Сбоку солнышком печет.
 То ли был не друг,
 То ли был не приятель?
 И того лишился.
 По горам пройдет —
 Горы падают;
 По лесам пройдет —
 Лес трещит;
 На воду взглянет —
 Вода закипит...
 А ты, жестокий изверг, царь Максимиян,
 Не можешь сие тело убрать,
 Честному погребенью предать!

Царь Максимиян

Прочь, прочь, дерзкий Адольфов друг!
 Как ты смеешь меня сием телом
 урекать?
 Я сам себе не дорожу
 И жестокой смерти предать тебя прикажу.

Друг Адольфа

И я сам себе не дорожу, —
 Сейчас жизнь свою прекращу!

*(Вынимает меч, вонзает его себе в грудь
 и падает мертвым рядом с Адольфом.)*

Царь Максимиян

Скорород-Предмаршел,
 Явись скоро пред троном
 Грозного царя Максимияна!

Явление 19

Скороход

О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиян,
Почто своего Скорохода-Предмаршела призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиян

Поди и призови ко мне священника с дьяконом,
да получше.

Скороход

О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиян,
Хорошие-то попы все за обедни ушли, а остались
одни пропитобшки.

Царь Максимиян

Ну, так приведи каких-нибудь запьянцовских,
только поскорее.

Скороход

Сейчас схожу и приведу.

Явление 20

Скороход

Вот, попы первый сорт,
Позавидует в аду сам черт!

Священник

А вот и я,
На что тебе нужно меня?

Царь Максимиян

Отпойте по этим телам благодарственный молебен.

Священник

Разве по телам благодарственный-расставной
молебен поют? Чай, панихиду служить нужно.

Царь Максимиан

Ну, так торжественную панихиду сзакатистым.

Священник

Нам с дьяконом хоть бы маленькую-то
как-нибудь скострячить.

Царь Максимиан

Что хотите пойте,
Только так не стойте,
А не то по шее велю надавать...
Начинайте, что ли, мол!

Священник

Ну, дьякон, начинай.

Дьякон

Начинай ты, а я не отстану.

Священник

(как будто делая возглас: громко и протяжно)

Дьякон, дьякон,
Где табак-от?

Дьякон

У Олены
Да у Матрены,
Раз нюхни,
Другой чихни,
Да и опять туда пихни!

Священник

Дьякон, дьякон,
Где большая-то книга?

Дьякон

А вчера на Сенной-то что пропили?

Священник

Что орешь?! Дай хоть маненьку.

Дьякон

А сегодня-то чем опохмелились?

Священник

(в сторону Дьякона шепотом)

Да тише ты, чертова голова!

(Громко)

А на завтра-то что осталось?

Дьякон

Книга-роздвиг

О два листа,

А середка пуста.

Священник

Ну, валяй наизусть, что знаешь.

Дьякон

Во городе Вавилоне,
На печи, в углу, в соломе,
Старик старухе ноги ломит,
А старуха старика молит;
Старуха старика ругает,

.
.
.

Старуха на старика осердилась,
К барину с жалобой потащилась:
«Батюшка барин,
Твой-то крестьянин
Подол загибает,

.
Барин осердился,
Затопал, расходился... и т. д.

Священник

Чувиль мой, чувиль,

Чувиль-навиль, верь-верь-ю,

Еще чудо, перво-чудо,
Чудо — родина моя!

(Дьякону)

Дьякон, зажаривай акафист!

Дьякон

О преподобная мати Горилка,
Ты произвела нас сквозь огни и воды,
И сквозь все подземельные ходы,
И сквозь медные трубы;
Мы тебя выпивахом,
Скверным словом порицахом,
В грязи по земле валяхомся,
По-матерну ругахомся,
Морды разбивахом,
В чашу попадахом.
Тамо нам ребра сокрушиша,
Но мы паки тебя пища.
О преподобная мати Горилка, радуйся!

Священник

Привели ли вы ко мне и-го-го?
Я бы его о-го-го.
На твое и-го-го
Нашел о-го-го!
Бултых! яко прославися!

Дьякон

Был я в Костроме,
Носили меня черти в суме;
Был я в городе Питере,
Там мне черти весь хребет вытерли;
Был я в городе Москве,
Гоняли меня черти по доске;
Был я в городе Твери,
Там меня по шее оплели;
Был я в городе Париже,
Дали мне три разá пониже;
Был я в городе лесником,
Прогнали меня черти тростником;
Был я в городе Балакире,
Прогнали меня к ... матери,

А мать-то меня не возлюбила,
Да й в голбец посадила,
Запором заложила
И тестом все дыры замазала.
Да я-то был не плох,
Умудрил меня бог!
Стал дыры лизать,
Наскрозь пролизал,
Из голбца вылезал;
Побежал в лес,
Срубил шест
Сажен в шесть
И пошел куда глаза глядят.
Сам иду одной стороной,
А ... — другой.
Вижу пенек,
А в пеньке дырка!
Я в дырку перстом —
Не лезет;
Я — шестом —
Не проходит;
Рассердился, да сам весь и влез.
Влезти — влез,
А вылезти нельзя.
Что мне делать?
Как тут быть?
Чем мне горю подсобить?
Сбегал в деревню за топором,
Пенек надвое расколол —
И вылез.
Иду дале,
Вижу боле:
Стоит церковь брюквенная,
Двери морковные,
А замки репяные.
Я замки обломал,
Да в карман поклал;
На пяты двери растворил,
В церковь входил.
В церкви поп Ефрем
Хлебает хрен.
Я ему в ухо...

Священник

Будет, Дьякон! С миром изыде.

Дьякон

А вот мы с горя крючек свернем
Да табачку курнем,
Разок-другой нюхнем,
За Волгу-матушку махнём,
Разика по три запихнем;
Там все дела разыщем,
.

Священник

Ну, теперь — аминь, да и в кулек!

Уходят.

Царь Максимиян

Скороход-Предмаршел,
Явись скоро пред троном
Грозного царя Максимияна!

Явление 21

Скороход

О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиян,
Почто так скоро Скорохода-Предмаршела
призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиян

Поди сходи и приведи Старика-
землекопателя.

Скороход

Сейчас пойду и приведу.

(Уходит.)

Скороход

Сходил и привел Старика-землекопателя.

Старик

О великий повелитель,
Всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто так скоро Старика-землекопателя призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

Убери ты эти два тела,
Чтобы снизу не тлело,
Сверху не коптело,
Чтобы галки не закакали,
А наши бабы не заплакали,
Чтобы воронье не расклевали,
А наши бабы не ...
Убери, брат, пожалуйста.

Старик

Обрать? — Можно.

Царь Максимиан

Я тебе говорю: убрать!

Старик

Обираю, батюшка, обираю... Вот нашел махорки
осьмушку
Да нюхального на понюшку.

Царь Максимиан

Я тебе говорю: зарывай!

Старик

...Ну сейчас и ... буду.

Царь Максимиан

Я тебе говорю: закапывай!

Старик

Да я и то закакиваю, чего кричишь-то.

Царь Максимиан
Я тебе говорю, старый черт, зарой!

Старик
Зарыть, — так бы давно и баял.

Царь Максимиан
А вот поговори у меня еще, так я тебе и побаю.

Старик
(зарывши мертвых)
А что ты мне за работу-то дашь?

Царь Максимиан
Да что тебе дать-то?
Был у меня тальер,
Да и тот растаял;
Был пятак медный —
И тот отдал бедным,
Больше ничего не осталось.

Старик
Хоть бы ты мне, батюшка, тулупчик сшил.

Царь Максимиан
Вот это еще можно.
Скорород-Предмаршел,
Явись скоро пред троном
Грозного царя Максимиана!

Явление 23

Скорород
О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто скорого Скоророда-Предмаршела
призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан
Позвать сюда швеца — портного мастера!

Скорород
Сейчас приведу Буяковца.

Скороход

Прямо из трахтили приволок!

Портной

А вот я, швец-портной
На чужой покрой,
Кто бы сшил да скроил,
А я бы денежки получил
Да с заволжскими девчонками прокутил.
У меня аршин с вершком,
Кила горшком,
Да покрой мешком.
Что вашей милости прикажете?
Чем вы нас уважите?

Царь Максимиан

Швец-портной,
Отец родной,
Сшей вот этому старику тулуп.

Портной

(Царю Максимиану)

Сейчас изготовим.

(Старику)

Старик, а старик, какой тебе тулуп-от шить?

Старик

Дубленый, батюшка, дубленый.

Портной

Долбленный? — Пора, давно пора...
А воротник-от какой?

Старик

Стоячий, батюшка, стоячий.

Портной

Хорошо, хорошо — прикрою. А карманы-то какие
прикроить?

Старик

А чтобы по две корзины хлеба влезало,
да четверть водки.

Портной

Хорошо, хорошо — и карманы прикрою.

Старик

(обращаясь к царю Максимиану)

Батюшка, я захворал.

Царь Максимиан

Скороход-Предмаршел,
Явись скоро пред троном
Грозного царя Максимиана!

Явление 25

Скороход

О великий повелитель
И всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто ты меня скоро призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

Сейчас же привести сюда самолучшего дохтура!

Скороход

Сейчас схожу и приведу.

Явление 26

Скороход

А вот самолучший дохтур, молодых баб лечить.

Доктор

Здравствуйте, господа,
Вот и я к вам припожаловал сюда!
Я есть лекарь,
Из-под Каменного моста аптекарь,

Болятки вынимаю,
Чири вставляю,
Старых на молодых переделываю:
Крови в жир прибавляю,
Морщины пластырем приправляю.
Есть у меня всякие припасы
Для удалства и украсы:
Кто ни попросит, уважу —
Скипидаром ... смажу.
От всякой дурной причины
Ударю в три дубины,
По недугу придет —
На три сажени кверху махнет.
Ко мне приводят на ногах,
От меня увозят на дровнях —
Стало быть, очень хорошо пользую.

(Обращаясь к Старику)

Старик, что болит?

Старик

Голова!

Доктор

Голова? —

Обрить ее догола,
Пополам разбить,
Череп ... набить —
И будет твоя голова
Совсем здорова!
Старик, что болит?

Старик

Нос!

Доктор

Взять твой нос,
Оторвать и выкинуть на мороз,
И будет здоров твой нос!
Старик, что болит?

Старик

Зубы!

Доктор

Выбить твои зубы,
Оставить одни губы,
Тогда нечему и болеть будет!
Старик, что болит?

Старик

Руки!

Доктор

Отрубить твои руки,
Приставить навозные крюки!
Старик, что болит?

Старик

Ноги!

Доктор

Разложить тебя на пороге,
Всыпать сто или двести,
Так будешь плясать на месте!
Старик, что болит?

Старик

Весь нездоров.

Доктор

От винных паров?
Нужно дать примочки
Из сороковой бочки.

(Обращается к царю Максимиану)

Ваше царское величество,
Здравия желаем,
С похмелья помираем!
Нет ли гривенок шести
Нам со Стариком душу отвести?

Царь Максимиан

Дать им по полтиннику на рыло,
И чтобы духу ихнего здесь не было!

Старик с Доктором, обнявшись и приплясывая, исчезают со сцены.

Черный араб

Здравствуйте, господа,
Я сам из Англии пришел сюда.
За кого вы меня принимаете:
За принца русского
Или за короля французского?
Я не принц русский,
Не король французский,
А я есть Черный араб
И подступил под ваш Антон-град.
Сам из Черной Арабии к вам пришел
И много силы с собой привел.
И пришел я вас спросить:
Что, царь Максимиан здесь живет или нет?

Царь Максимиан

Здесь.

Черный араб

А вот я, Черный араб,
Подступил под ваш Антон-град:
Хочу ваш град Антон сжечь,
А вас всех живыми в плен взять.

Царь Максимиан

Скорород-Предмаршел,
Явись скоро пред троном
Грозного царя Максимиана!

Скорород

О великий повелитель
И всецедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто своего Скоророда-Предмаршела
призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?

Царь Максимиан

Позвать ко мне сюда Анику-воина.

Скороход

Сейчас схожу и позову.

Явление 29

Скороход

Вот сильный и храбрый Аника-воин.

Аника-воин

О великий повелитель,
Всещедрый знаменитель,
Лицегрозный царь Максимиан,
Почто так скоро Анику-воина призываешь,
Или каким делам указ повелеваешь?
Я ли вам не покорялся,
Я ли вашим кумирческим богам не поклонялся?

Царь Максимиан

Нет, нет, храбрый Аника-воин,
Я не по то тебя призываю
И не по тем делам указ повелеваю,
А вот почто: под наш Антон-град
Подступил Черный араб
И хочет наш град сжечь,
А нас всех в плен живьем взять.

Аника-воин

Нет, нет, этого не было, да и не будет!..
Всю землю произойду,
Своей кровью оболую,
А Черного араба зарублю и засеку.
Вот моя могучая рука,
Покатилась с плеч Черного араба голова.

Аника-воин с обнаженным мечом бросается на Черного араба; тот в свою очередь вытаскивает из ножен шашку и начинает защищаться. Происходит схватка. Аника-воин убивает Черного араба.

Аника-воин с гордым видом победителя ходит по сцене, размахивая обнаженным мечом. Навстречу ему, согнувшись в три погибели и опираясь на косу, выходит Смерть, закутанная в белое покрывало. Аника-воин с криком, размахивая саблей, налетает на нее.

Аника-воин

А ты что за старая старица,
За сенная коробица,
За растоптанный сверчок,
За?

Смерть

А я не старая старица,
Не сенная коробица,
Не растоптанный сверчок
Не,
А я Смерть твоя дорогая,
Пришла тебя сей жизни лишить.

Аника-воин

Ах ты, Смерть моя дорогая,
Дай ты мне хоть три года пожить,
Свои грехи замолить.

Смерть

Не дам я тебе не то что трех лет,
А и трех месяцев прожить.

Аника-воин

Ах ты, Смерть моя дорогая,
Дай мне хоть три месяца пожить.

Смерть

Не то что трех месяцев,
Трех недель не дам прожить.

Аника-воин

Ах ты, Смерть моя дорогая,
Дай мне хоть три недельки пожить.

Смерть

Не то что трех недель,
Трех дней не дам прожить.

Аника-воин

Ах ты, Смерть моя дорогая,
Дай мне хоть три часика пожить.

Смерть

Не то что трех часов,
Трех минут не дам прожить.

Аника-воин

Ах ты, Смерть моя дорогая,
Дай мне хоть три минутинки пожить.

Смерть

Не то что трех минут,
Трех секундин не дам прожить...
Я косу несусь, несусь,
Тебе голову снесу.

(Размахивает косой над головой Аники-воина.)

Аника-воин падает мертвый. Смерть уходит.

Явление 31

Приходит Старик-землекопатель и почти буквально повторяет явление 22, но без первой реплики Скорохода.

Явление 32

Богиня

А вот я, дерзкая Богиня,
Все я земли происходила,
Подойдя я к Марцеву полю,
Подымусь я выше лесу стоячего,
Ниже облака ходячего
И почтеннейшему Марцу голову снесу.

Марс

Ах ты, дерзкая Богиня,
Все ты земли происходила

И хочешь под мое Марцево поле подойти,
И хочешь с несчастного Марца голову снести?
Сказывай, кто у тебя есть:
Родной сват, или зять,
Или однокровный брат?

Размахивает шашкой над головой Богини. Та падает перед ним
на колени.

Богиня

Однокровный брат!

Марс

Если есть однокровный брат,
То бы выходил бы в чистое поле
Биться-рубиться,
На острые шашки сходиться.

Явление 33

Брат Богини

Фу ты, боже мой,
Что я вижу пред собой:
Перед каким-то пастухом
Моя милая сестрица стоит на коленях.
Скажи, сестра,
Перед кем ты на коленях стоишь?

Богиня

Перед рыцарем Марцом.

Брат Богини

Встань, встань, моя милая сестрица,
Заступлю тебя и защищу,
А почтенному Марцу голову снесу.

Начинается битва между Марсом и Братом Богини. Хор в это
время поет песню:

Не гора с горой сходилася...

Припев: Да э-ой!

Два удалых добра молодца...

Припев: Да э-ой!

Этой песней и заканчивается представление.

ЦАРЬ МАКСИМИЛЬЯН

<Отрывок из другого варианта пьесы>

Явление 6

Скороход

О вседержитель короны,
Грозный царь Максимильян,
На что так скоро Скорохода призываешь,
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимильян
Приведи сюда доктора!

Скороход

Слушаю приказ,
Исполняю сейчас!

(Уходит.)

Явление 7

Доктор выходит важно и, обращаясь к зрителям, говорит, размахивая руками.

Доктор

Я есть лекарь,
Искусственный аптекарь,
Здоровые места вырезаю,
Чиры, болятки вставляю;
Ко мне приходят на ногах,
А я отправляю на дровнях.
Позвать ко мне Пашку-фершала!

Явление 8

Приходит Пашка-фельдшер, пьяный; он качается, чуть не падает, стараясь держаться прямо, размахивает руками; часто икает и рыгает.

Пашка

(поет)

Дует, дует ветерок
Из трактира в погребок,

Все бутылки шевелятся
И стаканы говорят...

Доктор

Пашка, ты пьян?

Пашка

Я сроду упряма!

Доктор

Где твоя жена?

Пашка

В кабаке заложена!

Доктор

Где твой котелок?

Пашка

В кабак за бочку уволок!

Доктор

Пропиши Старика рецепт!

Пашка

Старик, что болит?

Старик

Пузо.

Доктор

В это пузо
Надо набить тридцать три арбуза —
Вот и заживет твое пузо!

Пашка

Старик, что болит?

Старик

Голова.

Доктор

С этой головы надо череп снять,
Мозгов убавить
Да осиновым поленом раз пять приударить —
И заживет голова.

Пашка

Старик, что болит?

Старик

Спина.

Доктор

В эту спину
Нужно налить три штофа вина —
Вот и заживет твоя спина.

Пашка

Старик, что болит?

Старик

Трубка!

Доктор

В эту трубку
Надо больше крупки —
Вот и заживет твоя трубка.

Пашка

Старик, что болит?

Старик

Ноги!

Доктор

Эти ноги
Нужно отрубить на пороге,
Деревяшки приставить
Да со смертью плясать заставить —
Вот и заживут твои ноги!

Все уходят, приплясывая.

ЛОДКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Атаман, грозного вида, в красной рубашке, черной поддевке, черной шляпе, с ружьем и саблей, с пистолетами за поясом; поддевка и шляпа богато украшены золотой бумагой.

Эсаул, одет почти так же, как и Атаман; украшения из серебряной бумаги.

Разбойники, одеты в красные рубахи, на головах меховые шапки со значками из разноцветной бумаги, за поясом различное оружие.

Неизвестный (он же Безобразов), одет в солдатский мундир, с ружьем в руках и кинжалом за поясом.

Богатый помещик, пожилой, иногда седой; в туфлях, пиджаке или халате, на голове котелок, в руках трубка с длинным чубуком.

Действие происходит на широком раздолье матушки-Волги, на косной лодке; последняя сцена на берегу, в доме Богатого помещика. Ни декораций, ни кулис, ни суфлера, ни вообще каких-либо сценических приспособлений не полагается.

Все участвующие в представлении входят в определенную заранее избу с пением какой-либо песни. Чаще всего исполняется следующая:

Ты дозвожь, дозвожь, хозяин,
В нову горенку войти!
Ой калина! ой малина!
Припев: Черная смородина,
Черная смородина.
В нову горенку войти,
Вдоль по горенке пройти,
Вдоль по горенке пройти,
Слово вымолвити.
У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай вырубим его!

По окончании песни выступает вперед Эсаул и, обращаясь к хозяину, говорит: «Не угодно ли вам, хозяин, представленья посмотреть?» Хозяин обыкновенно отвечает: «Милости просим!», «Добро пожаловать!» или что-нибудь в этом роде.

Все участники представления выходят на середину избы и образуют круг, в середине которого становятся друг против друга Атаман и Эсаул.

Сцена 1

Атаман

(топает ногою и кричит грозно)

Эсаул!

Эсаул

(точно так же топает ногою и кричит в ответ)

Атаман!

Атаман

Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул

Вот я перед тобой,
Как лист перед травой!
Что прикажешь, Атаман?

Атаман

Что-то скучно... Спойте мне любимую мою
песню.

Эсаул

Слушаю, Атаман!

Запевает песню, хор подхватывает. Начало каждой строки запекает
Эсаул.

Ах вы, горы мои, горы,
Горы Воробьевские!
Ничего-то вы, ах да горы,
Не спородили.
Спородили вы только, горы,
Бел-горюч камень.

Из-под камешка бежит
Быстра реченька... и т. д.

Атаман во время пения песни в глубокой задумчивости ходит взад и вперед, со скрещенными на груди руками. По окончании песни останавливается, топает ногою и кричит:

А т а м а н

Эсаул!
Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Э с а у л

Что прикажешь, могучий Атаман?

А т а м а н

Будет нам здесь болтаться,
Поедем вниз по матушке по Волге разгуляться.
Мигоментально сострой мне косную лодку!

Э с а у л

Готова, Атаман:
Гребцы по местам,
Весла по бортам!
Все в полной исправности.

В это время все разбойники садятся на пол, образуя между собою пустое пространство (лодку), в котором расхаживают Атаман и Эсаул.

А т а м а н

(обращаясь к Эсаулу)

Молодец! скоро потрафил!

(Обращаясь к гребцам)

Молись, ребята, богу! Отваливай!

Гребцы снимают шапки и крестятся; затем начинают раскачиваться взад и вперед, хлопая рукою об руку (изображается гребля и плеск <воды от> весел).

Атаман

Эсаул! Спой любимую мою песню!

Эсаул

(вместе со всеми разбойниками поет)

Вниз по матушке по Волге...

Атаман

(перебивая песню)

Эсаул!

Подходи ко мне скорей,

Говори со мной смелей!

Не подойдешь скоро,

Не выговоришь смело —

Велю тебе вкатить сто,

Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул

Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман

Возьми подозрительную трубку,

Поди на атаманскую рубку,

Смотри во все стороны:

Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест?

Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Эсаул берет картонную трубку и осматривает кругом.

Атаман

(кричит)

Зри верней, сказывай скорей!

Эсаул

Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман

Сказывай, что видишь?

Эсаул

Видю: на воде колода!

Атаман

(как бы не расслышав)

Какой там черт — воевода!
Будь их там сто или двести —
Всех их положим вместе!
Я их знаю и не боюсь,
А если разгорюсь,
Еще ближе к ним подберусь.
Эсаул-молодец!
Возьми мою подозрительную трубку,
Поди на атаманскую рубку,
Посмотри на все четыре стороны,
Нет ли где пеньев, кореньев,
Мелких мест?
Чтобы нашей лодке на мель не сесть!
Гляди верней,
Сказывай скорей!

Эсаул снова начинает оглядывать окрестности. В это время издали слышно пение песни:

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут...

Атаман

(сердито топает и кричит)

Кто это в моих заповедных лесах гуляет
И так громко песни распевает?
Взять и привести сюда немедленно!

Эсаул

(выскакивает из лодки, но сейчас же возвращается)

Дерзкий пришлец в ваших заповедных лесах гуляет
И дерзкие песни распевает,
А взять его нельзя,
Грозится убить из ружья!

Атаман

Ты не Эсаул, а баба,
У тебя кишки слабы!
Сколько хошь казаков возьми.
А дерзкого пришельца приведи!

Эсаул берет несколько человек и вместе с ними выскакивает из лодки.

Эсаул с разбойниками возвращаются и приводят с собою
связанного Незнакомца.

Атаман
(грозно)

Кто ты есть таков?

Незнакомец
Фельдфебель Иван Пятаков!

Атаман
Как ты смеешь в моих заповедных лесах гулять
И дерзкие песни распевать?

Незнакомец
Я знать никого не знаю;
Где хочу, там и гуляю
И дерзкие песни распеваю!

Атаман
Расскажи нам, чьего ты роду-племени?

Незнакомец
Роду-племени своего я не знаю,
А по воле недавно гуляю...
Нас было двое — брат и я,
Вскормила, вспоила чужая семья.
Житье было не в сладость,
И взяла нас завидость;
Наскучила горькая доля,
Захотелось погулять по воле.
Взяли мы с братом вострый нож
И пустились на промысел опасный:
Взойдет ли месяц среди небес,
Мы из подполья — в темный лес,
Притаимся и сидим
И на дорогу всё глядим:
Кто ни идет по дороге —
Жид богатый
Или барин брюхатый —
Всех бьем,
Всё себе берем!

А не то в полночь глухую
Заложим тройку удалую,
К харчевне подъезжаем,
Всё даром пьем и подьедаем...
Но недолго молодцы гуляли,
Нас скоро поймали,
И с братом вместе кузнецы сковали,
И стражи отвели в острог.
Я там жил, а брат не мог:
Он скоро захворал
И меня не узнавал,
А всё за какого-то старика признавал.
Брат скоро помер, я его зарыл,
А часового убил.
Сам побежал в дремучий лес,
Под покров небес;
По чащам и трущобам скитался
И к вам попался.
Ежели хочешь, буду служить вам,
Никому спуску не дам!

Атаман
(обращаясь к Эсаулу)

Запиши его! Это будет у нас первый воин.

Эсаул
Слушаю, могучий Атаман!
(Обращаясь к Незнакомцу)
Как тебя зовут?

Незнакомец
Пиши — Безобразов!

Атаман снова приказывает Эсаулу взять подзорную трубку и посмотреть, нет ли какой-нибудь опасности.

Эсаул
(заявляет)
На море чернедь.

Атаман
(как бы не расслышав)
Что за черти?
Это — в горах черви,

В воде — черти,
В лесу — сучки,
В городах — судейские крючки,
Хотят нас изловить
Да по острогам рассадить.
Только я их не боюсь,
А сам поближе к ним подберусь.
Смотри верней,
Сказывай скорей,
А не то велю вкатить разиков сто —
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул
(*посмотрев снова в трубу*)
Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман
А что ты видишь?

Эсаул
Видю на берегу большое село!

Атаман
Вот давно бы так, а то у нас давно брюхо
подвело.

(*Обращаясь к гребцам*)
Приворачивай, ребята!

Все разбойники
(*хором подхватывают и весело поют песню*)

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку... и т. д. до конца.

Лодка пристает к берегу. Атаман приказывает Эсаулу узнать, кто
в этом селе живет.

Эсаул
(*кричит, обращаясь к публике*)
Эй, полупочтенные, кто в этом селе живет?

Кто-нибудь из публики отвечает: «Богатый помещик!»

Атаман
(*посылает Эсаула к Богатому помещику узнать*)

Рад ли он нам,
Дорогим гостям?

Сцена 3

Эсаул

(выходит из лодки и, подойдя к одному из участников представления, спрашивает)

Дома ли хозяин? Кто здесь живет?

Помещик

Богатый помещик.

Эсаул

Тебя-то нам и надо!
Рад ли ты нам,
Дорогим гостям?

Помещик

Рад!

Эсаул

А как рад?

Помещик

Как чертям!

Эсаул

(грозно)

Ка-ак? Повтори!

Помещик

(дрожащим голосом)

Как милым друзьям.

Эсаул

Ну то-то же!

Эсаул возвращается назад и докладывает обо всем Атаману. Атаман велит разбойникам идти в гости к Богатому помещику. Шайка подымается и несколько раз обходит вокруг избы с пением «залихватской» песни: «Эй, усы! Вот усы! Атаманские усы!...» Кончивши песню, шайка подходит к Богатому помещику. Атаманом и Помещиком повторяется почти буквально диалог с Эсаулом.

Атаман

Деньги есть?

Помещик

Нет!

Атаман

Врешь, есть!

Помещик

Тебе говорю — нет!

Атаман

(обращаясь к шайке, кричит)

Эй, молодцы, жги, пали Богатого
помещика!

Происходит свалка, и представление кончается.

ПЕТРУШКА, ОН ЖЕ ВАНЬКА РАТАТУЙ

Явление 1

За сценой, где-то внизу, слышится сперва дребезжащий, громкий крик: «А-о-о-о-у! У! Ха-ха-ха-ха!». Вслед за тем появляется Петрушка. Одет он в красную сорочку, плисовые штаны и лаковые сапоги. На голове дурацкий колпак.

Петрушка (*раскланивается с публикой*). Здравствуйте, господа! Я пришел... Я, Петрушка, мусье, пришел повеселить вас всех: больших и малых, молодых и старых! (*Поет*)

Я Петрушка, Петрушка,
Веселый мальчуган!
Без меры вино пью,
Всегда весел и пою:
Тра-ля-ля! Тра-ля-ля-ля-ля!..
Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Так вот я каков, Петрушка!.. Ах (*ударяет себя по лбу*), забыл! Петрушка-то Петрушка, а прозвище как?.. Рата-туй!.. Слышите? Рата-туй!.. (*Смеется. Садится на барьер и стучит рукою.*) Музыкант!

Явление 2

Музыкант. Что скажешь, Петрушка?
Петрушка. Я тебе новость скажу.
Музыкант. Какую?

Петрушка. Я задумал, брат, жениться. Что за жизнь холостого!.. Все тебя обижают... А вот когда женюсь, приданое возьму... Ой, ой, ой, как заживу!..

Музыкант. А на ком ты, Петрушка, жениться задумал?

Петрушка. На дочери купца. (*Называет фамилию самого богатого в данной местности купца или помещика.*)

Музыкант. А приданого много берешь?

Петрушка. У-у-у!.. Больше, чем сам стою.

Музыкант. Да врешь ты, Петрушка, она за тебя не пойдет, только в изъян введет; последние гроши потратишь, да еще по спине схватишь... Брось!

Петрушка. Ну, брат, врешь! Такого молодца кто не полюбит? (*Охорашивается.*)

Музыкант. Так ты покажи невесту.

Петрушка. Это можно!.. Дело несложно. Сейчас приведу и тебе покажу. (*Скрывается и выводит куклу.*)
Смотри, Музыкант, хороша невеста?

Музыкант. Хороша-то хороша... да курноса.

Петрушка. Ай врешь, музыкант! Да ты посмотри, что за глазки, что за ротик!.. Ручки!! Губки!! Шейка!! Добыть такую сам сумею-ка!.. А пляшет-то!.. Ну-ка сыграй кусочек чего-нибудь!

Музыка играет камаринского. Петрушка с Невестой пляшут.

Музыкант. Всё это хорошо и ладно, да для тебя будет накладно: барышня богата, спесива, ходить пешком ленива... Нужно, брат, лошадь купить...

Петрушка (*озабоченно*). А где ее купишь?

Музыкант. Да у цыган.

Петрушка (*важно*). Ну, так сегодня лошадь приведи!

Музыкант. И сам не барин: сходишь и приведешь.

Петрушка. Так не пойдешь?

Явление 3

Те же и Цыган. Кукла одета по-цыгански и с кнутом за поясом.

Цыган (*кланяясь*). Здравствуй, Петрушка-мусье!

Петрушка. Здравствуй, здравствуй, фараоново

отродье! Что тебе надобно, говори скорее, а то у меня недолго, погоню и по шее.

Цыган. Петрушка-мусье, мне сказали на шоссе, что тебе лошадь нужна.

Петрушка. А, лошадь?! Нужна, нужна, нужна... А хороша ли лошадь?

Цыган. Лошадь хоть куда! Без гривы, без хвоста...

Петрушка (*перебивая*). Что хвост и грива?.. Одно украшеньё... А голова есть?

Цыган. Только и есть что голова одна... Да и ее еще нет... коновалу в починку отдана.

Петрушка. А масти какой?

Цыган. Серая.

Петрушка. А добра-то она?

Цыган. Очень добрая: под гору — бежит-скачет, а на гору ползет-плачет. А если в грязь упадет — сам тщи как знаешь, зато божиться готов, что не трясет: рысью не бегаёт, а шагом еле-еле идет.

Петрушка. Ха-ха-ха! Вот так лошадь! Как раз по мне и по будущей жене. Дамы трусливы, а лошадь без головы, значит, смирная будет. (*Цыгану*) Пойди приведи.

Цыган уходит.

Музыкант!

Музыкант. Что?

Петрушка. Сколько ему за лошадь дать?

Музыкант. Да рублей пятнадцать дай.

Петрушка. Дорого. А вот я с ним поторгуюсь.

Явление 4

Цыган входит, ведя лошадь.

Петрушка. Ну и лошадка!.. Ай, ай, ай!.. Сколько тебе за нее?

Цыган. Двести рублей.

Петрушка. Дороговато... Получи палку-кучерявку да дубинку-горбинку и по шее тебе и в спинку.

Цыган. Прибавь, Петрушка-мусье, детишкам на сало...

Петрушка. Так это тебе мало?.. Ну так подожди; я пойду тебе задаток принесу. (*Уходит, немедленно возвращается с палкой. Подходит к Цыгану сзади и бьет его по голове.*) Вот тебе задаток! Вот тебе задаток!..

Цыган убегает, оставив лошадь.

Явление 5

Те же, без Цыгана.

Петрушка. Послушай, Музыкант, хороша лошадь? Музыкант. Хороша, да стара.

Петрушка. А врешь!.. Я сейчас узнаю, как ее оседлаю. (*Садится на лошадь. Та бьет задом. Петрушка кричит*) Тр! тр!.. пру!.. тпру!.. (*Падает.*) Доктор! Ой, пропал!..

Явление 6

Те же. Входит Доктор. Одет весь в черное, с огромными очками.

Доктор (*к публике*). Я доктор, с Кузнецкого моста пекарь, лекарь и аптекарь. Когда приходят больные господа, я их лечу удачно всегда; живо их что делать научу... Иногда вместо хины мышьяку всучу... Ко мне людей ведут на ногах, а от меня везут на дрогах. А каких принесут на руках, так тех везут на погост на санях...

Петрушка (*жалобно*). Ах, Доктор, не губи меня: пусть от тебя я не поеду ни на дрогах, ни на санях... Меня бы в пролетке отправил и тем от смерти избавил.

Доктор. Ну, говори, где болит, покажи!

Петрушка. Вот тут.

Доктор. Тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше.

Доктор. Тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше.

Доктор. То пониже, то повыше!.. Встань, встань да покажи. (*Берет его за ухо.*)

Петрушка (*вскакивает*). А!.. Гм!.. Благодарю! Я уже здоров.

Доктор. Теперь плати за лечение!

Петрушка. Наше почтение!.. За что?

Доктор. Известно: за лечение.

Петрушка. Хорошо. Я пойду, плату принесу. (*Уходит и возвращается с палкой.*) Я даром не лечусь и с тобою, Доктор, расплачусь по-своему.

Бьет его по голове. Тот бегаёт. Петрушка за ним. Доктор убегает. Петрушка за ним.

Явление 7

Музыка играет вальс. Выходит Немец и пляшет. Входит Петрушка.

Петрушка. Музыкант, что это за птица?

Музыкант. Это француз, Петрушка-мусье.

Петрушка. Что ему тут нужно?

Музыкант. Не знаю. Сам спроси.

Петрушка. А как с ним здороваться?

Музыкант. Скажи: бон жур!

Петрушка (*немцу*). Бон жур!

Немец молча кланяется.

Отчего он молчит?

Музыкант. Это Немец.

Петрушка. Немец!.. Дойч, черт бы тебя побрал! Да как ты сюда попал?

Немец. Я... я... я...

Петрушка. Ты да я, нас с тобой двое... Да ты говори не по-вороньи, а по-ярославски.

Немец. Ва-а-с?

Петрушка. Ква-а-с?.. Какой тут квас?.. Пошел вон от нас, мы не хотим знать вас. (*Выталкивает Немца вон.*) Музыкант! Немец ушел квас пить?

Музыкант. Нет, Петрушка-мусью, он сказал: сейчас наливки принесу.

Петрушка. Это хорошо. А я сяду и песню спою.
(Садится и, хлопая рукой по барьеру, поет)

Чижик-пыжик, где ты был?
За горою водку пил.
Выпил рюмку, выпил две:
Зашумело в голове.

Входит Немец и ударяет Петрушку палкой. Тот хватается за голову: «Ой-ой, ой!.. Что это такое?»

Музыкант. Это тебя комар укусил.

Петрушка. Какой черт «комар укусил»; это вроде оглоблей залепил...

Музыкант. Не стоит внимания. Петрушка, пой песню.

Петрушка (поет).

Чижик-пыжик, где ты был?
За горою водку пил.
Выпил рюмку, выпил две:
Зашумело в голове.

Является Немец и снова бьет его по голове. Петрушка быстро оборачивается и бросается на Немца. Начинается свалка. Петрушка побеждает. Опрокидывает Немца на барьер и его же палкой водит ему по горлу, крича: «Зарежу!» Потом, поворачив лицом вниз, ударяет его головой о барьер, приговаривая: «В зубы!.. в зубы!.. в зубы!..» Потом садится на него верхом и толчется на нем. Немец не шевелится. Петрушка несколько раз прикладывает ухо к груди Немца и окончательно убеждается, что тот не дышит.

Петрушка. Музыкант, а ведь Немец пьян!..

Музыкант. Какое «пьян»! Ты его убил.

Петрушка. Кто его купил? Он сам пришел.

Музыкант. Убил, говорю я.

Петрушка. Убил?! Так прибери!

Музыкант. Ну, нет! Ты убил, ты и прибирай.

Петрушка. Нечего делать, нужно пойти за черничками. (Музыкантам) А вы играйте... камаринского — Немца хороним!! (Уходит.)

Явление 8

Входят две чернички. Берут они убитого Немца и закатывают в холст. Затем кланяются публике и уходят за гробом.

Явление 9

Входит Петрушка.

Музыкант. Что, Петрушка, печален?

Петрушка. Ах, Музыкант, хоронить Немца нечем: денег не хватит.

Музыкант. А ты проси у публики. Может, что и дадут на похороны.

Петрушка. И то правда! Вот тебе тарелочка, возьми да обойди.

Музыкант берет тарелочку и обходит публику за пожертвованиями.

Петрушка (*кланяется и просит*). Пожертвуйте! Пожертвуйте, господа, на похороны Немца-подлеца! Он нечаянно на ярославца Петрушку налетел, за гриб съел и... подавился!..

Музыкант отдает собранное Петрушке.

Ого!.. Да тут еще от похорон на поминки останется!

Чернички вносят гроб. Берут Немца и начинают мерять. В длину гроб оказывается короток, а в ширину узок. Три раза примеряют. Потом задумываются. Потом схватывают Немца, складывают, комкая его, втрое и запихивают в гроб. Одна из монахинь-черничек низко нагибается, чтобы посмотреть, удобно ли помещен усопший. Другая, по рассеянности, не замечает этого, прикрывает крышку гроба, причем защемляет голову своей товарки. Та кричит благим матом, стараясь всеми силами вырваться. Когда ей это наконец удается, затевает драку с рассеянной товаркой. Наконец под звуки камаринского гроб уносят.

Явление 10

Петрушка (*вбегает вприсядку и, весело хлопая в ладошки, кричит*). Музыкант, похоронил шельму Немца!.. Три рубля стоило... А без меня тут никто не приходил?

Музыкант. Приходил офицер, тебя искал.

Петрушка. А на что я ему?

Музыкант. За убийство Немца, говорит, Петрушку в солдаты взять велел.

Петрушка (*плачет*). Ой-ой-ой!.. А ты ему, Музыкант, скажи, что Петрушки дома нет: в Москву за песнями поехал.

Входит Капрал и ударяет Петрушку по голове.

Петрушка (*хватаясь за голову*). Караул!

Капрал. Чего шумишь-кричишь, благородным людям покою не даешь? (*Бьет еще.*)

Петрушка. Караул!! . Полиция!! . Музыкант, что ж ты меня не оборонишь?

Музыкант. Это, Петрушка-мусью, сам Капрал...

Петрушка. А чтоб его черт побрал!.. Да что ему нужно?

Музыкант. Он тебя по-солдатски учить будет.

Петрушка. Ой, ой... ой!! . Что вам нужно?

Капрал. Вот я тебя в солдаты возьму.

Петрушка. Я не гожусь.

Капрал. Почему?

Петрушка. У меня горб.

Капрал. А где он у тебя?

Петрушка. Он там, хата на горе, так он остался в трубе.

Капрал. Ты что чепуху порешь? Вот я тебя приемам учить буду. Будешь человек казенный.

Петрушка. Как же я буду человек скажонный?

Капрал. Так ты шутки шутить?! (*Бьет его.*)

Петрушка (*хватается за голову*). Ой, ой!.. Что мне теперь делать? Пропал я с головой; пропала и моя шапочка с кисточкой! Музыкант, наймись за меня служить.

Музыкант. Сколько дашь?

Петрушка. Две копейки да кулаком по зашейке.

Музыкант. Ну, и сам не барин, отслужишь!

Капрал. Слушай команду!.. Говори: раз!

Петрушка. Слушай команду!.. Говори: раз!

Капрал (*бьет его*). Не переговаривать! Говори: раз!

Петрушка. Раз.

Капрал. Два!

Петрушка. Два!

Капрал. Три!

Петрушка. Сколько?

Капрал. А вот сколько. (*Бьет его.*)

Петрушка. Пошел ты к черту с своей наукой!

Капрал бьет сильнее.

Капрал. Говори: раз!
Петрушка. Раз!
Капрал. Два!
Петрушка. Два!
Капрал. Три!
Петрушка. Четыре!..
Капрал. Раз!.. Два!.. Три!.. (*Каждый раз бьет его.*) Бери ружье!
Петрушка. Разве это ружье?.. Это дубина.
Капрал. Молчать, скотина!.. Напра-во!

Петрушка, размахнув ружьем, бьет Капрала.

Это что такое? (*Бьет его.*)

Петрушка. Это я споткнулся!..

Капрал. Я тебе дам!.. Слушай!.. направо, налево — марш!

Петрушка (*взяв в обе руки ружье, бьет Капрала, приговаривая*). И на-право, и на-лево!.. И на-право... И на-лево... Получай!

Капрал убегает. Петрушка за ним.

Явление 12

Петрушка (*вбегает*). Музыкант, Капрала проводил и концы схоронил. Теперь я человек свободный!.. Ха-ха-ха! Вот так Петрушка!.. (*Гладит себя рукой по голове.*) Невесту добыл, Немца убил, лошадь купил и подлеца Капрала проводил! Теперь песню спою.

Музыкант. Спой, Петрушка!

Петрушка (*поет*).

В огороде собачка гуляла,
Загнула крючком хвостик
И убежала...
Начнем песенку сначала.

Хороша песня, Музыкант?

Музыкант. Хороша.

Петрушка поет ту же песню. В это время является Собака внушительных размеров и хватает Петрушку за рукав.

Петрушка (*кричит*). Пошел!.. Пошел!.. Музыкант, оборони меня!

Музыкант. Это Собака охотничья; она не укусит.

Петрушка (*жметя в угол*). Я боюсь!.. Пошел!.. Пошел!..

Собака уходит.

Постой, Музыкант, я палку возьму. (*Бежит и возвращается с палкой.*) Ну, теперь посмотрим!.. (*Зовет*) Кутю!.. Кутю!.. На!.. кутюк, гав, гав, гав!.. Кутюк!.. гр! гр!..

Вбегает Собака и бросается на Петрушку. Тот бьет ее по голове, но Собака обезоруживает его, вырвав палку. Собака убегает.

Кутюк, кутюк, кутюк, на!..

Является Собака.

Петрушка. Музыкант, она укусит меня?

Музыкант. Нет. Она смиренная.

Петрушка (*подходит осторожно к Собаке и старается ее приласкать*). Кутю, кутю, кутюшечка!.. Собачка, собачка, собачечка!.. Сучечка!.. Сучечка!.. Сучечка! (*Подходит всё ближе.*)

В это время Собака схватывает Петрушку за голову и начинает трепать. Петрушка отчаянно кричит. Собака его уносит за кулисы. Выскакивает другой <персонаж> (кукла, одетая паяцем) и кричит публике.

П а я ц. Кончилось дело. Петрушку Собака съела. Одно кончается — другое начинается. Пожалуйте, заходите, Петрушку посмотрите. А денег, если хотите, так хоть и не несите. И так пустим посмотреть. Не отдадите в кассе, отдадите в балагане!.. Как-нибудь помиримся с вами!.. Господа, господа! Пожалуйте сюда! Пять копеек деньги небольшие, а удовольствия — три роба!.. Заходите, заходите!..

* * *

Вот что, милые друзья,
 Я приехал из Москвы сюда,
 Из гостиного двора,
 Наниматься в повара;
 Только не рябчиков жарить,
 А с рыжим по карманам шарить.
 Вот моя книга-раздвига.
 В этой книге есть много чего,
 Хотя не видно ничего.
 Тут есть диковинная птичка,
 Не снегирь и не синичка,
 Не петух, не воробей,
 Не щегол, не соловей, —
 Тут есть портрет жены моей.
 Вот я про ее расскажу
 И портрет вам покажу.
 От прелести-лести
 Сяду я на этом месте.
 Вы, господа, на меня глядите,
 А от рыжего карманы берегите.

* * *

Задумал я жениться,
 Не было где деньгами разжиться.
 У меня семь бураков медных пятакон,
 Лежат под кокорой,
 Сам не знаю, под которой.

Присваталась ко мне невеста,
Свет-Хавроньюшка любезна.
Красавица какая,
Хромоногая, кривая,
Лепетунья и заика.
Сама ростом невелика,
Лицо узко, как лопата,
А назади-то заплата,
Оборвали ей ребята.
Когда я посватался к ней,
Какая она была шеголиха,
Притом же франтиха.
Зовут ее — Ненила,
Которая юбки не мыла.
Какие у ней ножки,
Чистые, как у кошки.
На руках носит браслеты,
Кушает всегда котлеты.
На шее два фермуара,
Чтобы шляпку не сдувало.
Сарафан у ней — французское пике,
И рожа в муке.
Как задумал жениться,
Мне и ночь не спится.
Мне стало сниться,
Будто я с невестой на бале,
А как проснулся, очутился
В углу в подвале.
С испугу не мог молчать,
Начал караул кричать.
Тут сейчас прибежали,
Меня связали,
Невесте сказали;
Так меня связанного и венчали.
Венчали нас у Флора,
Против гостиного двора,
Где висят три фонаря.
Свадьба была пышная,
Только не было ничего лишнего.
Кареты и коляски не нанимали,
Ни за что денег не давали.
Невесту в телегу вворотили,

А меня, доброго молодца, посадили
К мерину на хвост
И повезли прямо под Тучков мост.
Там была и свадьба.
Гостей-то, гостей было со всех волостей.
Был Герасим, который у нас крыши красил.
Был еще важный франт,
Сапоги в рант,
На высоких каблуках,
И поганое ведро в руках.
Я думал, что придворный повар,
А он был француз Гельдант,
Собачий комендант.
Еще были на свадьбе таракан и паук,
Заморский петух,
Курица и кошка,
Старый пономарь Ермошка,
Лесная лисица
Да старого попа кобылица.
Была на свадьбе чудная мадера,
Нового манера.
Взял я бочку воды
Да полфунта лебеды,
Ломоточек красной свеклы
Утащил у тетки Феклы;
Толокна два стакана в воду,
Чтобы пили слаше меду.
Стакана по два поднести
Да березовым поленом по затылку оплести —
Право, на ногах не устоишь.

* * *

У меня жена красавица.
Под носом румянец, во всю щеку сопля.
Как по Невскому прокатит,
Только грязь из-под ног летит.
Зовут ее Софья,
Которая три года на печке сохла.
С печки-то я ее снял,

Она мне и поклонилась
Да натрое и развалилась.
Что мне делать? Я взял мочалу, сшил,
Да еще три года с нею жил...
Пошел на Сенную,
Купил за грош жену другую,
Да и с кошкой.
Кошка-то в гроше,
Да жена-то в барыше,
Что ни дай, так поест.

* * *

Жена моя солидна,
За три версты видно.
Стройная, высокая,
С неделю ростом и два дни загнувши.
Уж признаться сказать,
Как, бывало, в красный сарафан нарядится
Да на Невский проспект покажется,
Даже извозчики ругаются:
Очень лошади пугаются.
Как поклонится,
Так три фунта грязи отломится.

* * *

Я по Невскому шел,
Четвертака искал,
Да в чужом кармане рубль нашел,
Едва и сам ушел.
Потом иду да подумываю.
Вдруг навернулся купец знакомый,
Да не здоровый,
Только очень толсторожий.
Я спросил: «Дядюшка, в которой стороне
деревня?»
А он мне сказал: «У нас деревни нет, а всё лес».
А я к нему в карман и влез.

Он меня взял да в баню и пригласил.
А я этого дела не раскусил:
Я на даровщинку и сам не свой.
Приходим мы в баню.
Баня-то баня — высокая.
У ворот стоят два часовых в медных шапках.
Как я в баню-то вошел да глазом-то окинул,
То небо и увидел.
Ни полка, ни потолка, только скамейка одна.
Есть полок,
На котором черт орехи толоч.
Вот, голова, привели двоих парильщиков
Да четверых держальщиков.
Как положили меня, дружка, не на лавочку,
А на скамеечку,
Как начали парить,
С обеих сторон гладить.
Вот тут я вертелся, вертелся,
Насилу согрелся.
Не сдержал,
Караул закричал.
Банщик-то добрый, денег не просит,
Охалками веники так и носит.
Как с этой бани сорвался,
У ворот с часовым подрался.

* * *

Разыгрывается лотерея:
Киса старого бородобрея,
В Апраксином рынке в галерее.
Вещи можно видеть на бале,
У огородника в подвале.
В лотерее будут раздавать билеты два еврея.
Будут разыгрываться воловий хвост и два филея.
Чайник без крышки, без дна,
Только ручка одна.
Из чистого белья
Два фунта тряпья;
Одеяло, покрывало,
Двух подушек вовсе не бывало.

Серьги золотые,
У Берта на заводе из меди литые,
Безо всякого подмеса,
Девять пудов весу.
Бурнус вороньего цвету,
Передних половинок совсем нету,
Взади есть мешок,
Кисточки на вершок,
Берестой наставлен,
А зад-то на Невском проспекте
За бутылку пива оставлен.
Французские платки
Да мои старые портки,
Мало ношенные, только были в помойную яму
брошенные.

Каждый день на меня надеваются,
А кто выиграет — назад отбираются.
Двенадцать подсвечников из воловьих хвостов,
Чтобы рыжие не забывали великих постов.
Будет разыгрываться золотая булавка,
А у этой кухарки под носом табачная лавка.
Перина ежового пуха,
Разбивают каждое утро в три обуха.
Шляпка из навозного пуха,
Носить дамам для духа.
Сорок кадушек
Соленых лягушек.
Материя маремор
С Воробьиных гор.
Шкап красного дерева,
И тот в закладе у поверенного.
Красного дерева диван,
На котором околевал дядюшка Иван.
Два ухвата
Да четыре поганных ушата.
Пять коз
Да мусору воз.
Салоп на лисьем меху,
Объели крысы для смеху,
Атласный,
Весь красный,
С бахромой лилового цвету,

Воротника и капишона совсем нету.
Будет разыгрываться великим постом
Под Воскресенским мостом,
Где меня бабушка крестила,
На всю зиму в прорубь опустила.
Лед-то раздался,
Я такой чудак и остался.

* * *

Вижу, голова, я нынче на рождестве — прохожий,
Вот на этого рыжего похожий.
Он меня, голова, и позвал Христа славить,
В чужих домах по стенам шарить.
Мы, голова, и прославили,
Шубу с бобровым воротником сгладили.
Потом, голова, в светло Христово воскресенье
Мне он попался у заутрени.
Священник сказал: «Христос воскрес!»
А он к купцу прямо в карман и влез.
Он, голова, хороший мастеровой:
Кузнец, слесарь, токарь, столяр, а еще плотник,
По чужим карманам лазить охотник.
Еще, голова, литейщик, башмачник, сапожник,
портной.
Только он, голова, за Московской заставой
С вязовой иглой стоял.
Раз, голова, стегнул,
Енотовую шубу сразу и махнул.

* * *

Был я цирюльником на большой Московской дороге.
Кого побрить, постричь, усы поправить,
Молодцом поставить,
А нет, так и совсем без головы оставить.
Кого я ни бривал,
Тот дома никогда не бывал.
Эту цирюльню мне запретили.

Рыжий, помнишь великий пост,
Как теленка тащил за хвост?
Теленок кричит: «Ме!»
А он говорит: «Пойдем на праздник ко мне!»
У кого есть в кармане рублей двести,
У рыжего сердце не на месте.
Признаться сказать, у кого волосы чёрны,
И те на эти дела задорны.
В особенности рыжие да плешивые
Самые люди фальшивые.
Кому лапоть сплесть,
Кому в карман влезть —
И то умеют.
А вишь и русский
Не дает чужому карману трусу.
Как увидит, так и затрясет,
В свой карман понесет.
Вот этот капрал
У меня два хлеба украл.
А вот дикий барин, дрожавши, спотел,
Купаться захотел.
Господа, вам фокус покажу:
Что вы дадите, я в свой карман положу.
Вот что я вам, господа, скажу:
У меня сегодня несчастье случилось —
В пустой корзинке кошка утопилась.
Осталось семеро котят,
На молочко-то, господа, давайте сюда.
А я вот что, господа, скажу:
Пряники да орех
Кидать великий грех.
Лучше отдохните
Да копеек по шести мне махните.

Настает, братцы, великий пост,
Сатана поджигает хвост
И убирается в ад.

А я этому и рад.
Пошел я гулять в Пассаж —
Красоток там целый вояж:
Одни в штанах да в валенках,
Другие просто в тряпках,
От одной пахнет чесноком,
От другой несет вином.
А у моей жены имения не счесть,
Такие часы есть,
Их, чтоб заводить,
Нужно из-под Смольного за Нарвскую заставу
ходить.
А рыжий-то, рыжий, глядите-ка, люд православный,
Так и норовит к кому-нибудь в карман.

* * *

Была у нас с Матреной дочка —
Из себя кругла, как бочка.
Посватался к ней из царева кабака отшельник,
Да и повенчался в чистый понедельник.
Уж и приданое мы ей, братцы, закатили —
Целый месяц тряпки стирали и шили.
Платье мор-мор
С Воробьиных гор,
А салоп соболиного меха —
Что ни ткни рукой, то прореха.
Воротник енот —
Вот что лает у ворот.
На прощанье ее побили
И полным домом наградили.
Дали разные вещи:
Молоток да клещи,
Чайник без дна,
Лишь ручка одна,
Да резиновые калоши
С отдушиной, без подошвы;
Рогатого скота ей — петух да курица
И медной посуды — крест да пуговица.
И за это награждение
Оказала нам дочка угощение:

Сварила суп
Из каменных круп,
А пирог был с такой начинкой,
Что у меня Матрена три дня возилась
с починкой:
Все брюхо себе чинила.
А жареное, братцы, бычьи рога
Да комарина нога.

* * *

(Дед показывает толпе исписанный крупными каракулями список.)

1

Вот, ребята, разыгрывается у меня лотерея:
Хвост да два филея,
Чайник без ручки, без дна,
Только крышка одна, —
Настоящий китайский фарфор,
Был выкинут на двор,
А я подобрал, да так разумею,
Что можно фарфор разыграть в лотерею,
Часы на тринадцати камнях,
Что возят на дровнях.

(Показывает огромные часы и заводит их с треском.)

А чтобы их заводить,
Надо к Обуховскому мосту заходить.
Ну, ребята, покупайте билеты — на сигарки годятся,
А у меня в мошне пяточки зашевелятся.

2

(Показывает портрет уродливой женщины.)

А вот, ребята, смотрите:
Это моей жены портрет,
Только в рамку не вдет.
У меня жена красавица
Увидят собаки — лаются,
А лошади в сторону кидаются.

Зовут ее Ирина,
Пухла, что твоя перина,
Под носом румянец.
А во всю щеку — сопля.

3

(Указывает в толпе на девушку.)

А вон красотка — девка аль молодка —
Стоит, на деда улыбается,
А рыжий-то к карману подбирается.
Знаю я этого детину,
Звал меня в трахтир под машину,
Уговаривал меня и жену мою Маланью
Вступить в их воровскую компанью.
Я сдуру-то тогда не согласился,
А вот теперь спохватился.
Эй, рыжий, подходи ко мне поближе,
Поделись со мной, а я не скажу, что видал,
Как ты в чужой карман залезал.

4

А еще, робята, что я вам скажу:
Гулял по Невскому прищпехту
И ругнулся по «русскому диалехту».
Ан тут как тут передо мной хожалый:
В фартал, говорит, пожалуй!
За что ж? говорю... — А не ругайся!
Вот за то и в часть отправляйся!
Хорошо еще, что у меня в кармане
рупь-целковый случился,
Так я по дороге в фартал откупился.
Так вот, робята, — на Невском прищпехте
Не растабарывайте на «русском диалехте».
Так-то!

5

(Обнимает нарумяненную плясунью.)

А вот, робята, это — Параша,
Только моя, а не ваша.

Хотел было я на ней жениться,
Да вспомнил: при живой жене это не годится.
Всем бы Параша хороша, да больно щеки натирает,
То-то в Питере кирпичу не хватает.

6

А знаете, ребята, я ведь в поварах служил, право!
И вот скажу я вам, например,
Вот послушайте, да не напирайте,
Как готовил я обед на барский манер.
А слюнки потекут — не кулаком, а платком утирайте,
По-барски так полагается,
Что всякая грязь в платок собирается.
Так вот обед:

(Показывает исписанный каракулями лист.)

Это у бар зовется «меню»,
Так и я это прозвище не переменю.
Первое: суп-санте
На холодной воде,
Крупинка за крупинкой
Гоняются с дубинкой.
На второе: пирог —
Начинка из лягушечных ног,
С луком, с перцем
Да с собачьим сердцем.
На третье, значит, сладкое,
Да, сказать по правде, такое гадкое:
Не то желе, не то вроде тарту.
Только меня за него послали к черту
И жалованья дать не пожелали!..
С тех пор я перестал поварничать — невыгодно!

7

Ну, ребята, неча всё торчать у карусели,
Заходите сюда поглазеть, как танцуют мамзели!
Эй вы, парни, девки и молодки,
Идите покататься на лодке!

Наш хозяин с публики
Охоч собирать рублики.
Да и деду бросьте в шапку медяки,
Да не копейки, а пятаки!..
Ну-ка, раскошелитесь!

(Подставляет шапку и ловит в нее деньги, что бросают довольные прибаутками деда слушатели. Дед, собрав деньги, слезает с перил и, удаляясь, кланяется толпе.)

Пока до свиданья!
Вам-то забавно, а у меня в глотке пересохло!
Эх-ма! С кого бы получить,
Чтобы деду глотку промочить.

* * *

А вот, господа, разыгрывается лотерея.
Воловий хвост да два филея!..
Еще разыгрываются часы о двенадцати камнях
Да на трех кирпичах.
Из неметчины привезены на дровнях!
Еще разыгрывается чайник без крышки, без
дна —

Только ручка одна!..
Настоящий китайский фарфор!
Был выкинут на двор,
А я подобрал, да так разумею,
Что можно и фарфор разыграть в лотерею!
Ну, ребята, налетайте —
Мои билеты раскупайте!..
Вам билеты на сигарки сгодятся,
А у меня в мошне рубли зашевелятся!..

* * *

Танцевал я прежде галоп,
Да расшиб себе лоб.
Больше не танцую!..
Да и умаялся, болтая с вами, —
Как Архип осип и как Осип охрип!

Ну, друзья, нечего стоять у карусели —
Заходите внутрь поглядеть, как пляшут мамзели!
Эй вы, парни, девки и молодки,
Спешите к нам покататься на лодке!
А мне бросайте в шапку медяки,
Да, слышь, не копейки, а пятаки!
Ну, вали!.. Стой, стой, не все зараз!

* * *

Подходите, подходите,
Да только карманы берегите
И глаза протрите!..
А вот и я, развеселый потешник,
Известный столичный раешник,
Со своею потешною панорамою:
Картинки верчу-поворачиваю,
Публику обморачиваю,
Себе лягачки заколачиваю!..
А вот, извольте видеть, город Рим,
Дворец Ватикан,
Всем дворцам великан!..
А живет в нем римский папа,
Загрёбистая лапа!..
А вот город Париж,
Как туда приедешь —
Тотчас угоришь!..
Наша именитая знать
Ездит туда денежки мотать:
Туда-то едет с полным золота мешком,
А оттуда возвращается без сапог пешком...
А вот, извольте видеть, город Берлин!..
Живет в нем Бисмарк-господин,
Его политика богата,
Только интригами торовата!..
В неметчине народ грубый,
На всё точит зубы...
Им давно хочется
На Балтийский край броситься,
Да боятся, как бы сдуру

II

ГОЛЛАНДСКИЙ ЛЕКАРЬ И ДОБРЫЙ АПТЕКАРЬ

Голландский лекарь
И добрый аптекарь
Объявил свои науки,
Чтобы старухи
Не были б в старости в скуке, —
Старых старух молодыми переправляти,
А ума их ничем не повреждати.
Я машину совсем изготовил
И весь струмент к ней приготовил.
Со всех стран ко мне приезжайте,
Мою науку прославляйте.
Прочих и на свет пустил,
Только жир и кровь в лекарство употребил.
Хоша я опосле чрез реторты перегоняю,
А остатние в пластырь употребляю,
Старухи уведомились об этой науке,
Что сделали стариков в великой скуке.
Так стариков принуждали,
Чтоб им тележки покупали.
Старики тележки покупали,
Старух с радостию к лекарю отпустили.
Прочих на себе приносят,
Да так в машину бросят.
Одна старуха перед лекарем ободрилась,
Насилу и за палку ухватилась,
Чрез древность свою насилу добрела,
Лекарю письмо подала:
«Вот моих, господин, лет девяноста,

Когда милость твоя будет,
Старость моя по твоей науке убудет».
— «Изрядно, старушонка».
Старуху в машину сажают,
А работники мехами в машине раздувают.
Так стали старуху переправляти,
Чтобы и прежние лета ей не поминати.
Вышед старуха из машины, переменилась,
Как пятнадцати лет очутилась.
Зато его благодарила
И за науку его весьма похвалила.
Может ли кто такую науку знать,
Старых старух молодыми переправлять?
А меня знают
И во всех местах похваляют.

СКАЗКА

**О ТОМ, КАК ПРИКАЗЧИКИ ХОЗЯЕВАМ УГОЖДАЮТ, РУБЛИ ЗА САПОГ
ОПУСКАЮТ, А ГРИВНЫ В ЯЩИКЕ ОСТАВЛЯЮТ, ТЕМ САТАНУ УТЕШАЮТ;
НА ХОЗЯЙСКИЕ ДЕНЬГИ ЛАВКИ ОТКРЫВАЮТ И САМИ УЖЕ ПРИКАЗЧИКОВ
НАНИМАЮТ**

Вот полюбуйтесь,
Приказчикам подивуйтесь,
Он ведь мальчишка;
За прилавком как мышка;
Рукой виляет,
В ящике копает.
Хозяину хочет угодить,
Себе карман понабить.
Черти ему помогают,
Украсть больше заставляют,
Деньгами соблазняют,
Его душу утешают,
Хотят добычу получить,
Его в ад притащить.
Вот уж он им угождает,
Гривны в ящике оставляет,
А девять за сапог опускает.
Видно, что малый смиренный,
Не довольствуется гривной,

Хозяину ее предоставляет,
А себе только девять оставляет,
Расчет верный ведет,
Хоть какой баланс сведет.
Да и нельзя не свести,
Черти под рукой есть.
А хозяин не догадается,
Что он так старается;
Видно, что добрый попался,
Другим делом занялся,
А то бы награду дал,
В шею прогнал.
Теперь, пожалуй, тони,
Уж полны сапоги,
По миру не пойдет,
А сам лавку заведет;
Да так и случилось,
На площади открылась.
Сам уж хозяин стал
И нос задирает.
Хочет богачом быть,
Не знает, как товар сбыть;
Дешевле всех продает,
Да долго ль так проживет?
Вот этого не знаю,
А в уме помышляю —
Чай, скоро в трубу укатит,
Кредиторов удивит.
Картинка уж есть;
Чуть ли не его тесть
Так отличился,
На картинке явился,
Кредиторам кланяется,
Улететь старается.
Будет это с ним аль нет,
Утверждать мне не след.
Я только помышляю,
А будущего не знаю.
Только деньги, так нажитые,
Уж больно удалые,
Как в руку легко попадают,
Так легко и улетают.

Другим, впрочем, удаются,
До старости ведутся.
Может, и с ним это случится,
Коль скоро свалится,
А как долго проживет,
То добра не наживет —
Пойдет топиться
Аль на чердак давиться.

На эту картинку смотрите,
Себя берегите,
Деньги не воруйте,
Нет их — не горюйте.
Сами добывайте,
Честно промышляйте.
Копейка трудовая,
Честно добытая,
Всегда будет прочней,
Чужих тысяч верней;
С ней честь не страдает
И совесть не упрекает,
При ней жить приятно
И умереть отрадно.

**КАК ПОРТНОЙ С ЧЕРТЯМИ РАСПОРЯЖАЛСЯ,
ПО-СВОЙСКИ ДРАЛСЯ, ЗЛАТА ПОЛНУ ИЗБУ ДОВЫЛ
И ЧЕРТЕЙ ВСЕХ УБИЛ**

Раз шел пьяный портной,
Вдоль дорожки столбовой,
Мыслете писал
Да чертей вспоминал.
Вдруг он споткнулся
И на пять чертенят наткнулся.
Черти его окружили,
«Зачем нас звал?» — говорили.
Портной остолбенел,
От страху обомлел,

На чертей глядит,
Ничего не говорит.
Черти около него увиваются,
Аркан накинуть стараются.
Портной видит: дело плохое,
А состояние его хмельное.
Думает, как от чертей освободиться.
Задумал на кулаки пуститься.
В ладони плюнул — ободрился,
Что сила есть расхотелся:
Одного по морде хватил
И на землю его свалил;
Другому по шее дал,
Тот замертво упал;
Третьего в грудь толкнул,
Четвертого по затылку хлыбаснул,
А пятого за волосья взял.
«Что, чертова сила, — сказал, —
Хотели меня оплесть,
На аркане привесть,
А теперь сами попались,
У меня в руках остались.
Ну что бы мне с вами сотворить,
Чем бы мне вас еще наградить?
Вы, кажись, черти-то земляные,
А не то чтоб водяные.
Вот я вам по камешку надену
И брошу всех в морскую пену».
Черт слезами залился,
Упрашивать портного принялся.
Говорит: «Нас не губи,
Что те надо, возьми».
— «Ну, — бает портной, — выкупайся,
Да так постарайся,
Чтобы полную избу золотом мне навалить,
Тогда лишь вас могу отпустить».
Черт на это согласился,
Бежать к деду сатане пустился.
А портной один и остался,
Доколачивать четырех чертей принялся.
Наповал всех убил
И доволен победой был.

Черт от деда прискакал,
«Полна злата изба твоя», — сказал.
Портной его благодарил
Да опять за волосья ухватил.
«Пойдем, — бает, — посмотрю,
За труд тебя угощу и потом к деду отпущу».
Пришел с чертом портной
В свою деревню домой,
К избе притащился, на золото дивился.
Стал черта благодарить
И принялся колотить.
Капут ему задал,
«Вот те в награду, — сказал, —
Пускай дед сатана о вас вспоминает
Да меня, портного, прославляет».

СКАЗКА

О ТОМ, КАК МАСТЕРОВОЙ ЧЕРТА НАДУЛ

Раз мастеровой развеселился,
Сильно на водку напустился.
Пьет-попивает,
Работы забывает,
Так напивается —
Без памяти в грязи валяется.
Деньги проживает,
Сапоги с ног скидает,
В кабаке оставляет.
Черт около него увивается,
Приятно улыбается,
Во всем ему угождает,
Лакейскую должность исправляет:
В кабак двери отворяет,
Из грязи его вынимает.
Мастеровой им повелевает,
Частенько по затылку катает,
А черт только жметя
Да на мастерового смеется,
Денег ему дает.
Мастеровой на них пьет,

По утрам опохмеляется,
А вечером в грязи валяется;
С месяц так наслаждался,
А черту не поддавался,
Черт сильно рассердился,
На мастерового озлился,
На похмелье не дает,
К деду сатане зовет,
Говорит: «Деньги у меня извелись,
Ступай, деду поклонись,
Душу ему отнеси да денег возьми,
И опять с ними попивай, на славу гуляй».
— «Так, так», — сказал мастеровой
И покачал головой.
Думает: «Нет, не оплетешь,
Души моей не возьмешь.
Мастерового не проведешь,
Сам скорей в его когти попадешь.
Мастеровой в огне и море бывал
И отовсюду здрав вылезал!»
— «Нет, ты вот что, чертик аль домовой, —
Сказал ему мастеровой, —
Сам наперво к деду сходи
И у него мне тысяч пять попроси,
Чтоб я на них с круга спился
И сам в ад к нему явился!»
Черт хвостом виляет
И так отвечает:
«Пожалуй, я услужу, у деда денег попрошу.
Но только ты не откажись
И после сам к деду явись.
Ему за деньги поклонись,
Душой своею расплатись».
— «Уж знамо, я благодарю,
И ныне с водки же сгорю!»
Черт с ним тотчас же распростился
И к деду сатане явился.
О всем ему тут рассказал
И тысяч пять у деда взял,
К мастеровому прикатил,
От деда денежки вручил,
Мастеровой благодарил,

В карман деньжонки положил
И живо с чертом распростился,
Да и домой бежать пустился,
А черт его стал догонять,
Хотел свои деньги отнять.
Мастеровой же развернулся,
По-свойски ловко размахнулся
И черта так хватил сплеча,
Что он свалился не крича
И к утру в чувство лишь пришел,
До деда еле он дошел.
Мастеровой же домой явился
И сам хозяйствовать пустился,
Открыл большой он магазин,
Живет теперь, как господин,
А черт его вспоминает
И от лобоев всё хворает.

СКАЗКА,

**КАК СТАРИК БОГАТЫЙ ВЗБЕСИЛСЯ, НА МОЛОДОЙ ДАРЬЕ ЖЕНИЛСЯ. КАК
ДАРЬЯ ИМ МУДРИЛА, СЕБЕ ОБНОВ НАКУПИЛА, БОРОДУ ЕМУ ОПИНАЛА,
СТАРИЕ КОСТИ ПОТРЕПАЛА; И КАК ЕГО ПОХОРОНИЛА, МОЛОДОГО
МУЖА НАЖИЛА**

Жил-был старичок,
Богатый мужичок;
Отроду женат не был,
За монаха в деревне слыл.
Вдруг беда приключилася,
Дарья-девка полюбилася.
Собой красива
И толста на диво.
Старик взбесился,
На Дарье женился.
Приданого не просил,
Его на свои деньги нашил.
Вот как закутил,
Всю деревню удивил.
Сам едва бродит,
А жену молодую нажил.

Дарья его целует,
Словно молодого милует.
Старик так и тает,
Старость забывает.
С месяц Дарья его целовала,
Во всем мужу угождала.
Потом стала беситься,
Захотела рядиться.
На мужа стала кричать,
Его всячески ругать.
Им повелевает,
А муж обнови покупает,
Жене хочет угодить,
Обновами ее прельстить.
Как обнову получает,
Жена мужа целует.
А неделя пройдет,
То опять заорет:
«Давай, — кричит, — другую,
Шубейку шелковую!»
Старик раз отказал,
Зато и пострадал.
Дарья на него напала,
Всю бороду исщипала,
Кости старые потрепала
И всё ж на своем настояла.
Обнову себе купила,
Да и дружка нажила.
Старик видит: нет ласки,
Не в свои сел салазки.
Стал горевать,
Сильно тосковать.
На постель свалился
И со светом простился.
Жена перекрестилась,
Бежать к сундуку пустилась.
Деньги обобрала,
Дружку отдала.
Мужа похоронила,
От любви повыла.
Деревня вся удивилась,
Как она выть ухитрилась.

Шесть недель проплясала
И собираться замуж стала.
С дружкой повенчалася,
С деньгами наслаждалася.
Старого мужа поминала,
Дураком его называла,
Над ним смеялася,
Молодым мужем любовалася.

Старики, смотрите,
Себя берегите,
С ума не сходите,
Старость не смешите.
Прежде не женились,
На невест не льстились;
А теперь уж поздно,
Вам молиться должно.

УРОК МУЖЬЯМ-ПРОСТАКАМ И ЖЕНАМ-ЩЕГОЛИХАМ

Баба мыслит ухитриться,
Чтоб получше нарядиться.
Стала мужу говорить,
Стала ласково просить:
«Ах ты, муж-муженек,
Ты мой ясный соколог,
Продай лошадь и корову
Да купи ты мне обнову».
Бедный муж, хоть и не рад,
Но готов купить наряд.
Продав лошадь и корову
И купил жене обнову.
Сарафан баба надела,
Взяв свирелку, засвистела,
Стала козу забавлять,
С ней коза пошла плясать.
Так всё лето проиграла,
Что зима без дров застала.
«Ну, жена, — сказал мужик, —

Теперь поздно уж тужить,
Скинь ты будничный кафтан,
Нарядись-ка в сарафан,
Безо всякой с тобой брани
Запрягу тебя я в сани.
Вместо лошади сама
Ты в лес свозишь по дрова». —
Он заехал в лес в целик
И наклам воз дров велик.
На гору въезжает, посвистывает
И жнутиком длинным похлыстывает.
Не то ей досадно, что воз велик,
А то ей досадно, что муж-то сидит!
Всплакнувши, сказала:
«Ах, муж-муженек, ты ясный соколик
И милый дружок!
Сжался над бабой, продай ты обнову,
Купи ты белянку нашу корову.
Не забудь же купить вороного коня,
Только лишь в сани не впрягай ты меня».

СПОР БОЛЬШОГО НОСА С СИЛЬНЫМ МОРОЗОМ

Случилось носу теплом похвалиться,
Будто бы имеет смелость с морозом побраниться.
Вдруг пришел сильный мороз,
И выскочил против него красный нос.
Говорил ему: «Я нос красный,
А от мороза пропущен слух напрасный,
Будто он тех знобит,
У кого крепко табаком нос набит.
А я за ним того не подозреваю,
Всегда наружу красен бываю.
Никогда от морозу не хоронюсь,
Но если б он здесь был, то с ним и побранюсь».
И тут мороз поглядел на мой нос косо,
Говорит: «Я в первый раз вижу такого носа,
Если не хочешь меня бояться,
То я могу с тобой смело управляться.

Если ты сам себя не пожалеешь,
Так скоро ты, брат, от меня побелеешь».
Однако ж нос от морозу не струсил,
Но вскоре мороз его за нос укусил,
И пошел из его носу табак.
Бросился нос сейчас в кабак.
И вышедши оттуда, отважился сказать,
Говорит: «Нос, я еще хочу себя показать».
Тут мороз сильней рассердился,
Что нос перед ним возгордился,
И сделал ему такое награждение —
На носу его большое прибавленье.
Вдруг превеликая шишка на носу вскочила,
Едва всю рожу не своротила.
Потом обратился нос в алый цвет,
Что ни у каких индийских петухов такого нет.
Нет, брат, нос перестал с морозом драться,
Стал в тепло укрываться,
И оттого сделался нос гнил
И хозяину стал не мил.
От сего хозяин печаль получил,
А нос гусиным салом лечил.

**ЧЕНУХА ДЛЯ СМЕХУ, НАРОДУ НА ПОТЕХУ.
БАК ЗВЕРИ С ПТИЦАМИ ОХОТНИКА ПОГРЕБАЮТ, НЕДРУГА СВОЕГО
ПРОВОЖАЮТ, НА ОЛЕНЯХ ВЕЗУТ, ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ ОТДАЮТ**

Звери с птицами охотника погребают,
С церемониею провожают.
Два оленя в дровни впряглись,
Тащить покойника взялись,
А мишка вперед пустился,
Книгой раздобылся,
Очки на нос надел
И что-то жалобно запел.
Бобры ему помогают,
По улице-мостовой задувают.
Зайцы за мишкой идут,
Оленей везут.

Гиена за кучера села,
На всех злобно смотрела,
А хитрые лисицы,
Родные сестрицы,
Свечей добыли,
Около гроба светили.
Волки на приступках стояли,
Покойника держали.
За дровнями львы шли,
Водку и закуску несли.
А за ними тигры, кабаны, единороги,
Барсуки, аспиды и носороги,
И много других зверей тащатся,
Позади гроба суетятся.
Все идут с запасом,
Кто с блинами, кто с квасом,
Кто с икрой и колбасой,
Кто с сосисками и ветчиной,
Словом, со всякими припасами,
Невесть с какими белендрясами,
Хотят на славу помянуть,
На могилке врага гульнуть.
Птицы тоже над гробом летят:
На разны голоса кричат.
Были тут гуси и тетерки,
Глухари и перепелки,
Рябчики и утятки,
Бекасы и куропатки —
Все разом собралися,
Проводить врага старалися.
Прыгали, веселились,
Зарыть скорей торопились.
А бедный, верный Барбос
Опустил книзу нос.
На верху дровней поместился,
Плакал, не веселился,
Охал и рыдал,
Слезы платком утирал.
Он хозяина любил,
Оттого по нем и выл.

СТАРИННАЯ ПОТЕХА

ОТ СКУКИ ДЛЯ СМЕХА, НАЙДЕНА У ВРАЛИХИ, МЫШИНОЙ ПОРТНИХИ,
В СТАРОЙ КАМОРЕК В УГЛУ НА ПОЛКЕ, КАК МЫШИ С КРЫСАМИ КОТА
ХОРОНИЛИ, ОТ РАДОСТИ ВЫЛИ, ПЕСНИ РАЗНЫЕ ПОПЕВАЛИ, ПЛЯСКИ
ЗАДАВАЛИ, СЛАСТЯМИ ЗАЕДАЛИ, КОТА ПОМИНАЛИ, КОТ БЫЛ ЗАДОРНЫЙ,
ДЛЯ МЫШЕЙ НЕУГОМОННЫЙ, ИЛИ ЗАБАВЛЯЛСЯ, ДОСЫТА НАВЕДАЛСЯ,
РАЗ ТАК ПОСТАРАЛСЯ, ЧТО СОВСЕМ ОБОЖРАЛСЯ

Вот как мыши с крысами кота хоронят:
От радости все воют,
Песни разные поют,
Кота на дровнях везут.
Плешивая крыса за кучера села,
Сальный огарок ела.
Амбарные крысы кота везут,
Калачи и сайки жуют,
Кота поминают,
На три голоса стонают.
Погребные крысы с боков идут,
Разные сласти несут.
Хромоногая крыса книгу взяла,
Вперед пошла, лорнетку надела
И в книгу смотрела,
Листы перебирает,
Знать, грамоте знает,
Вишь как записчала,
По-заморски читала.
Чуланнные мыши сзади тащатся,
Меж собой веселятся.
Бесхвостая трепака катает,
Себя забавляет.
А толстая старуха
Да молодая пеструха
По улице-мостовой пляшут
И хвостами машут.
Длинноухая на скрилке играет,
Им в такт попадает.
Погребные крысы рядком идут,
Три ушата несут:
Один с жирными щами,
Другой со лещами,
А третий с водкой,
С лимонной настойкой.

Хотят на славу гульнуть,
Кота помянуть.
Кот был задорный,
Для них неугомонный,
По десятку глотал,
А сыт не бывал.
Мыши в подполье смиренно сидели,
Другой раз по неделе не ели.
Наружи хоть добра и много,
Да кот караулил строго,
Морды высунуть не даст.
Раз дом поправлять стали,
В подполье доску проломали,
А кот туда и юркнул,
Да десятков пять шатнул;
Так сильно постарался,
Что совсем обожрался.
В подполье растянулся
И страшно раздулся.
Мыши на него долго смотрели,
А подойти не смели.
Дали знать толстому командиру
И всему мышиному миру.
Командир крыс призвал
И с ними рассуждать стал,
Как бы поверней узнать,
Мертв ли кот, угадать.
Крысы тотчас набежали
И так командиру сказали:
Надо доктора нарядить,
О том у него спросить.
Вот крысе, исцарапанному доктору,
От помоев мокрому,
Приказ написали,
Узнать строго приказали.
Доктор сильно напился,
Смело к коту явился,
За усы кота потеревил,
Раз пять палкой хватил,
Со всех сторон обнюхал
И смерть кота расчухал.
Теперь, говорит, не оживет,

Ни одной из нас не сожрет.
Конец ему настал,
Он навеки мертв стал.
Тут мыши с крысами развеселился,
От радости понапилися.
Поутру опохмелился
Да кота хоронить пустился.

ПОХОРОНЫ КОТА КРЫСАМИ И МЫШАМИ

Жил мурлыка, был мурлыка — кот сибирский,
Рост богатырский,
Сизая шкурка,
Усы как у турка.
За длинный ус его уважали,
За пеньё мурлыкой прозвали.
Мыши и крысы им любовались,
Его сизой шкурке дивовались,
А нередко и в лапы к нему попадались.
Тут терпели они разные муки,
А коту было это от скуки.
Кот был задорный,
Для них неугомонный.
По десятку глотал,
А сыт не бывал.
Ими забавлялся
И досыта наедался.
Он очень мышек любил
И десятки тысяч губил.
Старая крыса и сама в его лапах бывала
И котовы проказы видала;
Кот с нее шкурку сдирал
И под печку пускал
Сказать мышам и мышенятам,
Что кот их любит до страсти
И не желает лучшей сласти.
Вот и мыши своего праздничка дожидаются
И уже смертию кота услаждаются.
Он раз так постарался,
Что совсем обожрался.

Конец ему настал,
Он навеки мертв стал.
Мыши песни поют,
Кота на дровнях везут.
Был кот бешен,
На краже помешан,
Зато и повешен.
Радуйся, наше подполье!

СВАДЬБА МЕДВЕДЯ, МИШКИ КОСОЛАПОГО

Раз косолапый Мишка раскутился,
На Машке косорылой женился.
Пир большой сотворил,
Всех медведей пригласил.
Были у него и музыканты,
И франтихи, и франты,
И попивалы, и объедалы,
И волокиты, и обдувалы.
Музыканты играют,
Невесть что задувают,
Гости пируют,
Иные танцуют,
Другие в любви изъясняются,
Угодить мишкам стараются.
Третьи водку попивают,
Грусть-тоску забывают.
А хозяин на гостей любуется,
С молодой женкой целуется,
За лапки ее берет
И сладки речи ведет.
Гости так попиrowали,
Что четыре дня головы поправляли.
За пир Мишку благодарили
И лет пять про него говорили.

...А нутка, Мишенька Иваныч,
 Родом боярыч,
 Ходи ну похаживай,
 Говори-поговаривай,
 Да не гнись дугой,
 Словно мешок тугой,
 Да ну поворотись,
 Развернись,
 Добрым людям покажись.
 А ну-ка вот ну, как старые старушки,
 Молодые молодушки
 На барщину ходили,
 До дыр пяты сносили.
 А как теща про зятя блины пекла,
 Да угорела,
 Головушка заболела!
 А вот ну, как красные девицы моются,
 Белятся, румянятся,
 В зеркальце глядятся
 Да из-под рученьки женишков выглядывают.
 А вот ну, как малые ребятишки горох воровали,
 Тишком-тайком — где сухо,
 Там брюхом,
 Где мокро, там на коленочках.
 А вот ну, ходи-расходись,
 Во всем народе покажись.
 А ну, как конные драгуны в поход ходили,
 Ружьем метали,
 Артикулы выкидали.
 А вот как с порохом сума,
 Оттянула все плеча.
 А ну-ка вот ну, как муж у жены
 Вино ворует,
 А холостой парень по чужой жене тоскует.
 Ходи не спотыкайся,
 Вперед подавайся,
 Разгуляйся!
 Вались да катись,
 Бока не зашиби, сам себя береги.
 А ну, женка в гости пошла,

С собой гусли взяла,
Мужа прочь прогнала.
А ну вот
Ну, как наши бабенки в баню ходили,
Винцо с собой носили.
На полок забирались,
На спинке валялись,
Веничком махали,
Животики протирали.

* * *

Девки поповы
 По воду ходили,
 Голуба убили,
 На пень посадили.
 Голуб на пну не сидит,
 Хлопоту говорит.
 Хлопота ль ты моя,
 Да иссушила ты меня.
 Да на горке садок
 Зеленешенек стоит.
 Да у Троицы попок
 Молодешенек поет.
 Да и свечки тоненьки,
 Просvirки мякбеньки,
 Кутья сладка,
 Попадья гладка,
 Шея и плечо
 Как гусино яйцо,
 Да и лоб и лицо
 Как зеркальцо.

* * *

Солнышко низехенько,
 Коровушка близехенько,
 Ходи, мати, домой,
 Напеки пирогов.

На печи пецинки,
На горбушке муцинки,
На печи колаци,
Не про вас пецены,
Про боярских людей.
Бояре-те наехали,
Собак навезли.
Собаки-те залаляли,
Попа испугали.
Поп под стол,
Попадья на стол.
Вывели коня
Из заднего хлева,
Под копытом-то бело,
Не подковано.
Садись на коня,
Поезжай на базар,
Купи сарафан
Не долог, не короток,
Не по полу ходить,
Не по лавкам ходить,
Ходить по столу
По серебряному.
Из кокота-то не пить,
Из кокотушки не пить —
Пить из ковша
Из серебряного.

* * *

— Туру-туру, пастушок,
Калиновый батожок,
Ты далеко ли ходил?
— Я до Карповой ходил.
— Ты чего повидал?
— Я царя повидал.
— Что царь дѣла?
— Грамоту пише.
— Что царица дѣла?
— Сына спровожае.

Сеть-ко на бочку,
Отдай свою дочку
За нашего сына.
У моего сына
Трое палаты,
Трое кровати,
Шелком шиты,
Соломой крыты,
Коза не проскочит,
Рогами не проломит.

Коза проскочила,
Рогами проломила.

* * *

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выйди на ўлку
Со мной покататься,
Со мной поваляться.
Есть у меня, крестьянки,
Санки-лубянки,
Горушка-ледянка.
Сядем покатимся,
От ворот в поворот
До крестьянских ворот,
Золото мое колечко
Катать да валять,
Петушку показать.
Я тебе дам золото колечко,
Я тебе дам синь колпачок.

* * *

Сорока-воровка кашу варила-
поваривала.
На порог скакала-поскакивала,
Во все стороны поглядывала:

Не идут ли гости, не съедят ли кашу,
Не уголодят ли Бориса.
Наехали гости, приели кашу,
Оголодили Бориса.
Тому дала мутовку,
Тому колотовку,
Тому каши кусок,
Тому весь горшок.
Ты толстой, короткой,
Тряси бородкой,
Толки да мели,
Решетом воду носи,
Парну баенку топи.
Да Бориса умой,
Да и Лидушку умой.

* * *

Ах ты, бабушка, ку-ку!
Митрофановна, ку-ку!
Бабка, сядь на клюку,
Поезжай на реку,
Ты свари, бабка, уху
Своему старику.
Старик хлебнул,
За семь верст свиснул
На калинов мост.
Калинова невестка
Сына принесла.
Сын Селиван —
Пятьдесят рублей.
Доци Матрена,
Скопí живота.
Скобки-запятки
Серебрённые,
Носки-гвоздки
Позолоченные.
Прилетел дятел,
Сел на ворота,
Спел в полрота:

Где моя кумица,
Моя молодница?
Вечор она не ела,
Не завтракала.
Она утресь встала,
Позавтракала.
Съела три печи хлебов,
Пять печей калачей,
Три тушечки бараньих,
Три яловицы,
Триста гусей,
Пятьдесят лебедей!
Ефимовна за печкой
Квашонку творит.
Зуй на болоте
В доску колотит,
Сова в огороде
Капусту садит.

ПРИБАЛУТКА

Бывал да живал,
На босу ногу топор надевал,
Топорищем подпоясывался,
Кушаком дрова рубил.
Дрова нарубил, по дорожке пошел;
Шел-подошел,
Заблудился,
До избушки добился.
«Избушка, избушка на курьей ножке,
На веретённой пятке,
Повернись к лесу глазами,
Ко мне воротами,
Ко мне тынцом,
Ко мне крыльцом».
Избушка повернулась, зашел в избушку,
Сидит чесна́ квашня,
Женщину месит.
Он был в порках,
У порков гасник,
Он через гасник скочил,

Порог-от и сорвался,
Он на печку забрался,
Да тут и поколел.

ПРИБАКУЛОЧКА-ПРИБАСЕНОЧКА

Зачиналася,
Починачалася
Славная сказка, повесть;
На ту на славу
На печь на...,
Сквозь печку капнуло,
В горшочек лягнуло,
Это яство прело, кипело,
К утру ись поспело.
Прискакали Ермаки,
Сини колпаки,
Прискакали Ермошки,
Синие ножки,
Прилетал куропатёк, сел на древо,
Стал крестьян поматеривать:
«Сукин сын, вазоватенький,
Шароватенький,
Почасту бегаешь,
Помногу ешь,
Потолсту...».
На море на океане,
На острове на Буяне,
Стоит бык кормлёный,
В правом боку нож точеный,
Приди ножом режь
И говядину ешь,
Помакивай и закусывай;
Слушайте-послушайте
И своих жен к нам не спускайте,
Вы будете спускать,
Мы будем подчищать.
Живал-бывал,
На босу ногу топор обувал,
Топорищем подпоясывался,
Кушаком подпирался.

Баба...
Девять кирпич с печи слѣгнула,
Бурлачкѣй горшок пролила,
Бурлаков оголодила,
Бурлаки пошли по иным сторонам,
По иным городам,
По уречищам,
Вышли на матушку на Волгу.
На матушке на Волге жить невозможно,
Берега кашны,
Вода молочна.
«Муха-синюха, где ты живешь?»
— «Живу на водах, на горах,
На пристольных городах.
Там меня ветром не вѣет
И водой не топит.
Залетела я в клетку
И попала в сетку,
Учила вдова,
Учила оса,
Выскочила нагá и босá,
Без пояса».
— «Что ты, муха-синюха, делаешь?»
Шел таракан,
Бил барабан,
Шел сверчок,
Садился на клочок,
Испивал табачок,
Чертов корешок,
Богату богатыню проклинал;
У богатой богатыни
Хлеба и соли много,
Есть не сядит
И с дочерью спать не валит.
Первого пехотного полка
Полковой писарь Петр Петров,
По прозванью Пирогов,
Писал по белой бумаге
Павлиньим пером
И посыпал песчаным песком,
И пошел по городу, по границе,
Поймал птицу,

Птица-перепелица, пела и перепела,
По морю полетела,
Пала и пропала,
Павлинье перо потеряла,
Нечьим стало писать.
Дали мне снежину кобылку,
Соломенну уздилку,
Горохову плетку;
Дали мне синь кафтанчик,
Дали фуражечку, перчаточку,
Кушачок, сапожки, желту чашку,
Красну ложку;
Сел на кобылку и поехал;
Еду — горит у мужика овин или баня;
Я подъехал близко, поставил снежину кобылку,
Снежинá кобылка растаяла,
Соломенну уздилку бычки съели,
Горохову плетку петушки расклевали;
Пошел пешком,
Летит ворон и кричит:
«Кур, синь да хорош»,
А мне послышалось: «Скинь да положи».
Скинул да положил под кокору,
Не знаю, под котору;
Был молодец со всем
И стал ни с чем.

НЕБЫЛИЦА

Бывал да живал,
На босу ногу топор надевал,
Трое лыж за пояс затыкал;
Пошел возле лыка гору драть,
Увидел, озеро на утке сидит;
Высек я три палки,
Первую бросил — недобросил,
Вторую бросил — перебросил,
Третью бросил — попал;
Утка встрепенулась, а озеро полетело
Да на сухой лес село,
Ну и сказке конец.

НЕ ЛЮБО—НЕ СЛУШАЙ

Было три брата. Один безногий удался —
Наперегон с зайцами гонялся.
Второй — косолапый, больно прыток удался.
А третий одно и знал,
Что ворон считал.
Вот собрались три брата в лес
Дрова резать.
Пока безногий за зайцами тонялся,
Косолапый ноги расправлял,
Третий всех ворон пересчитал,
Глядь — и вечер настал. Надо ужин варить.
А огня-то нет!
Вот срубили три брата большую сосну.
Сложили костер.
Вот полез смотреть один из братьев — нет ли
Где огоньку. И увидели впрямь огонек.
Ну, вот и пошел безногий.
Он видит, около огонька сидит старичок.
Он и просит:
— Дедушка, дай огоньку!
Тот говорит:
— А ты меня, старика, потешь чем-нибудь.
Хоть песню спой!
Тот говорит:
— Не умею!
— Ну так спляши!
— Тоже не учился.
— Сказку скажи!
— Тоже не знаю.
— Ну и убирайся с чем пришел!
Так и второй брат пошел, и тоже ни с чем.
Такие же ответы были.
Тогда подошел третий:
— Здорово, дед!
— Здорово, свет!
— Дедушка, дай огоньку!
— А ты старика меня потешь, — говорит. —
Песню спой!
— Не умею.
— Ну так, — говорит, — спляши!

— Тоже не горазд.
— Ну так сказку скажи!
— Ну, — говорит, — это мое дело. Только — уговор:
Не любо — не слушай, а врать не мешай.
А если перебьешь — сто рублей с тебя.
Ну вот, он согласился, старик этот.
А он начал говорить сказку:
«Когда начался свет,
Мне было семь лет.
Батька мой не родился, дед не был женат.
Вот тогда-то
Жили мы богато.
От наготы да босоты
Ломились шести.
Было медной посуды — крест да пуговица.
А рогатой скотины — таракан да жужелица.
А в упряжь — две кошки лысы,
Да один кот-иноход.
Изба была большая: на земле порог
И тут же потолок.
Хоть сидеть нельзя,
Да зато посмотреть хорошо.
А земли было — и глазом не окинешь!
Пол да лавки — сами засевали,
А печь да полати — внаймы сдавали.
Вот засеяли мы на полу ячмень,
А на лавку семян не хватило.
Ну, и вырос наш ячмень высок да густ.
Да завязалась в нем крыса.
Как пошла наша кошка лыса
Ловить крысу — и заблудилась.
И теперь там бродит.
Ну, а ячмень мы сжали, а сложить-то и некуда.
А я хоть меньшей,
Да разумом большой.
Склял скирду на печном столбу.
А бабушка моя — куда была резва —
На печь три года лезла.
Лезла, лезла, скирду нашу в лохань уронила,
Сама надвое переломилась.
Дед завыл.
Я заголосил,

Бабушку мы лычком сшили,
Так она еще десять лет так ходила.
Ну, а ячмень мы из лохани вытащили,
Высушили и обмолотили.
Сварили два пива — одно жидкое,
Другое — как вода.
Выпьешь любого бурак —
Станешь совсем дурак.
Ну, а как гостю поднесешь,
Да за волосы потрясешь,
Да сверху поленом оплетишь — и с ног долой!
Да была у нас еще кобыла сива.
Поехал я в лес дрова рубить.
Еду трусцой — трюх-трюх,
А топор у меня за поясом сзади: тю-тюх.
И отрубил лошади весь зад!
Так на передке я три года катался.
Вот еду раз лесом.
Глядь — на опушке
Задок моей лошади пасется.
Вот я его поймал,
Оборотал,
Березовым прутком сшил.
Ну, и стала березка вверх расти.
Росла, росла и выросла под самые облака.
Надумал я по ней влезть.
Влез на облака, походил, посмотрел — нет ничего!
Надумал я назад спускаться, глядь,
А кобылу-то мою дедушка увел поить.
И не по чему спускаться.
Стал я на облаках проживать,
Голодом голодовать.
Завелися с той худобы у меня блохи немалые.
Стал я блох ловить,
Да шкуры с них сдирать, да веревку вить.
Свил веревку длинную!
Привязал одним концом к облакам и стал спускаться.
На ту беду мне веревки не хватило.
Ну, я сверху срежу, на низ наставлю. И все-таки
веревки не хватает!
Я сижусь —
Не тужу,

По сторонам гляжу.
Смотрю — мужик овес веет,
А половина вверх летит.
Вот я стал полову ловить
Да веревку вить.
Вил, вил...
И мертвую крысу завил.
А она ни с того ни с другого ожила,
Вережку перегрызла.
Ну и полетел я в болото,
По самый рот ушел.
Хотел воды напиться — шеи не нагнуть.
Прибежала лисица, на моей голове гнездо свила,
Семерых лисенят принесла.
Шел мимо волк,
Лисеняток уволок.
Да я ему тут за хвост вцепился.
Вцепился да и крикнул:
«Утю-лю-лю!..»
Волк меня и вытащил из болота.
Вышел я из болота голодный-преголодный.
Смотрю — в дупле жареные перепелята сидят.
Хотел руку просунуть — не лезет!
Влез сам, наелся, растолстел, оттуда никак
не вылезти!

Сбегал домой за топором,
Прорубил дупло пошире — выкарабкался!..
Пошел за сине море, где скот нипочем.
За муху с мушонком
Дают корову с теленком,
За больших оводов —
Больших быков.
Вот я наловил мух да мушат три куля.
Наменял быков да коров три табуна.
Пригнал к синему морю и давай горевать
Как стадо домой гнать?
Вплавь пускать?
Половина перетонет.
Корабли нанять?
Дорого возьмут.
Вот я схватил одну корову за хвост,
Да на ту сторону и швырнул;

Раза два на лету перевернулась!
Так на ту сторону носом уткнулась.
Так перешвырял я все три табуна.
Остался один бык бурый, большущий.
Вот окрутил я хвост вокруг руки,
Собрался с силой, развернулся — да как пустил!
На ту сторону вместе с быком перелетел.
Ну вот, так ненароком
Попал я в самую преисподнюю, где черти живут.
И три года у них всё навоз возил...
И всё на твоём дедушке...»
А старик и говорит:
— Не может быть, чтоб на моем дедушке!
— Может не может, а плати сто рублей.
Не любо — не слушай, а врать не мешай!
Получил он сто рублей, получил огонек.
Пришел к братьям.
Сварили они ужин.
Спать легли.
И теперь еще спят...

ВОРОПА-КАРАБУТА

(О неправом суде птиц)

В некотором царстве,
В некотором государстве
Собирались, солетались
На зеленый на лужок,
Во единый во кружок,
Выбирали себе начальников:
Царя — бела лебедя,
Филина — губернатора,
Журавля — приказчика,
Синка — мелка рассылка,
Воробей — коморка,
Галка — с палкой,
Сорока — сотник.
Вороне-карабуте недостало чина,
Она полетела с этого совета,
Залетела в кабак,

Выпила вина на пятак, —
Стала пьяна и хмельна.
Летела мимо кукушкина дому:
У кукушки дом новый,
Верх шатровый.
Ворона верх сломала,
Двери выставила,
Избу выстудила;
Детей перевязала
Да в голбец побросала.
Опять полетела на сушину,
На самую вершину.
Кукушка домой прилетает,
Свой дом не узнавает:
«У меня весь дом был новый,
Верх шатровый,
А теперь верху нету,
Двери выставлены,
Изба выстужена!»
Дети отвечали:
«Ворона-карабута летела с совета,
Верх сломала,
Двери выставила,
Избу выстудила;
Нас перевязала
Да в голбец побросала!»
Вот сделали розыск:
Послали сороку-сотника,
Галку с палкой,
Воробья-коморку.
Вот летят они искать.
Сидит ворона на сушине,
На самой вершине.
Галка палкой — тар-тарки,
А ворона-карабуга — кар-карки!
Полетела ворона-карабуга
Ко царю — белу лебедю,
К филину-губернатору,
К журавлю-приказчику.
Они судили да рядили,
Да на волю ворону и пустили.
Вот ворона полетела

К молодой вдовой солдатке.
Солдатка-то ткала пестрядь;
На эту пестрядь налетел ястреб.

Ворона-карабута накупила пестряди, на штаны да на рубахи начальникам и раздарила.

Тут ворону обвинили,
Наказанье присудили:
Сделать топорик
Из игольного ушка,
Да нарубить топориком
Три воза сырняка.
Судьи говорят: тар-тарки,
А ворона-карабута: кар-карки!

**СКАЗКА ОБ ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ,
СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ
1729 ГОДА, МЕСЯЦА СЕНТЯБРЯ, 16 ЧИСЛА**

Зародился Ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый хвост,
Слюноватый нос,
Киловатая брюшина,
Лихая образина,
На роже кожа, как елова кора.
Прижилось, прискудалось
Ершишку-плутишку
В своем славном Кубинском озере.
Собрался на ветхих дровнишках
С женою и детишкам,
Поехал в Белозерское озеро,
С Белозерского в Корбозерское,
С Корбозерского в Ростовское.
«Здравствуйте, лещи,
Ростовские жильцы!
Пустите Ерша пообедать
И коня покормить».
Лещи распространились,
Ерша к ночи пустили.

Ерш где ночь ночевал,
Тут и год годовал;
Где две ночевал,
Тут два года годовал;
Сыновей поженил,
А дочерей замуж повыдал.
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота,
Пропасти земные.
Три года лещи
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Белого свету не видали;
С того лещи
С голоду помирали.
Сбиралися лещи в земскую избу
И думали думу заедино,
И написали просьбу.
И подавали Белозер-Палтос-рыбе:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему Ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжился, распоселился
В нашем Ростовском озере
И изогнал нас, лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года мы, лещи,
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали;
С того мы, лещи,
И с голоду помирали.
Есть ли у него на это дело
Книги, отписи и паспорта какие?»
И думали думу заедино

Щука ярославска,
Друга переславска,
Рыба сом — с большим усом:
Кого послать Ерша позвать?
Менька послать —
У него губы толстые,
А зубы редкие,
Речь не умильна,
Говорить с Ершом не сумеет!
Придумала рыба сом
С большим усом:
Послать или нет за Ершом гарьюса;
У гарьюса губки тоненьки,
Платьецо беленько,
Речь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня рассыльным,
Карася пятисотским,
Семь молей, понятых людей.
Взяли Ерша,
Сковали, связали
И на суд представили.
Ерш пред судом стоит
И с повадкой говорит:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему меня на суд повешали?»
— «Ах ты, Ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и расселился
В здешнем Ростовском озере,
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года лещи
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали,
И с того лещи
С голоду помирают.

Есть ли у тебя на это дело
Книги, отписи и паспорта какие?»
— «Матушка Белозер-Палтос-рыба!
В память или нет тебе пришло:
Когда горело наше
Славное Кубинское озеро,
Там была у Ершишки избишка,
В избишке были сенишки,
В сенишках клетешко,
В клетешке ларцышко,
У ларцышка замчишко,
У замчишка ключишко, —
Там-то были и книги, и отписи,
И паспорта, и всё пригорело!
Да не то одно пригорело:
Был у батюшка дворец
На семи верстах,
На семи столбах,
Под полатями бобры,
На полатях ковры —
И то всё пригорело!»
А рыба семга позади стояла
И на Ерша злым голосом кричала:
«Ах ты, Ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лет
Под порогом стоял
И сорок человек
Разбою держал,
И много голов погубил,
И много живота притопил!»
И Ершу стало азартно:
Как с рыбою семгою не отговориться?
«Ах ты, рыба семга, бока твои сальны!
И ты, рыба сельдь, бока твои кислы!
Вас едят господа и бояра,
Меня мелкая чета крестьяна —
Бабы штей наварят
И блинов напекут,
Шти хлебают, похваляют:
Рыба костлява, да уха хороша!»
Тут Ерш с семгой отговорился.

Говорит Белозер-Палтос-рыба:
«Окунь-рассыльный,
Карась-пятисотской,
Семь молей, понятых людей!
Возьмите Ерша».
А Ерш никаких рыб не боится,
Ото всех рыб боронится.
Собрался он, Ершишко-плутишко,
На свои на ветхие дровнишки
С женою и детишками
И поезжает в свое славное
В Кубинское озеро.
Рыба семга хоть на Ерша
Злым голосом кричала,
Только за Ершом вслед подавалась:
«Ах ты, Ершишко-плутишко,
Худая головошко!
Возьми ты меня в свое славное
В Кубинское озеро —
Кубинского озера поглядеть
И Кубинских стáнов посмотреть».
Ерш зла и лиха не помнит,
Рыбу семгу за собой поводит.
Рыба семга, идучи, устала,
В Кубинском устье вздремала
И мужику в сеть попала.
Ерш назад оглянулся,
А сам усмехнулся:
«Слава тебе господи!
Вчера рыба семга
На Ерша злым голосом кричала,
А сегодня мужику в сеть попала».
Ерш семге подивовал,
И сам на утренней зоре вздремал,
Мужику в морду попал.
Пришел Никон,
Заколил прикол;
Пришел Пёрша,
Поставил вершу;
Пришел Богдан,
И Ерша бог дал;
Пришел Вавила,

Поднял Ерша на вила;
Пришел Пимен,
Ерша запынил;
Пришел Обросим,
Ерша бзёмь бросил;
Пришел Антон,
Завертел Ерша в балахон;
Пришел Амос,
Ерша в клеть понес;
Идет Спира,
Около Ерша стырит;
Амос Спиру
Да по рылу:
«Ах ты, Спира!
Над эдакой рыбой стыришь.
У тебя эдака рыба
Ведь в дому не бывала!»
Пришел Вася,
Ерша в клетки слясил;
Пришел Петруша,
Ерша разрушил;
Пришел Савва,
Вынял с Ерша полтора пуда сала;
Пришел Иуда,
Расклат Ерша на четыре блюда;
Пришла Маринга,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришел Антипа,
Ерша стипал;
Пришел Алуца,
Ерша слупал;
Пришел Елизар,
Блюда облизал;
Пришел Влас,
Попучил глаз;
Пришла Ненила
И блюда обмыла!

III

І УКАЗ

1

Прислан указ из Польши,
Нет его больше.
Из Симского леса
От лысого беса.
Хотел сам начесть,
Да провалился на честь.
Ну, так ли, товарищ? (*Спрос указчика.*)
Точно так-с. (*Ответ жениха.*)

2

Вы, господа смотрельщики, двери затворите.
А вы, малые ребята, сопли подотрите,
А вы, дорогие гости, вон не бежите.
Стой, жених, не вертись,
Что читать буду, не сердись.
Слушайте, послушайте, вы, молодые мужики,
Своих баб слушать не отпускайте,
Нынче народ волен,
Шалит больно,
В охапку схватит,
Да и за гать прикатит,
Иль уведет в овин да ладит один.
Ну, так ли, товарищ?
Точно так-с.

У вашего свата
 Голова кудрява и хохлата.
 Рожа — как кринка,
 Нос — как дубинка,
 Вместо рук — два ухвата,
 Вместо ног — клюка да лопата.
 Вашему свату прислано
 Тридцать три штучки с пристани,
 И велели переполоскать
 Да на верхний этаж зубами перетаскать.
 Теперь расскажу про вашего жениха.
 У вашего жениха есть хоромы,
 Летают там одни вороны,
 В полу круглые окошки,
 Лазают одни кошки,
 В первом ряду порог,
 На втором потолок,
 Четыре столба врыто
 И бороной покрыто.
 Ну, так ли, товарищ?
 Точно так-с.

4

У вашего жениха и одежды —
 Куль да рогожа,
 Шапочку и пиджачок
 На время одолжил Осоевский дьячок.
 Да есть пальто лисье,
 И дяди на стене повисло.
 Ну, так ли, товарищ?
 Точно так-с.

5

В нашей деревне приволье:
 И вода и подполье,
 А ваш новобрачный князь купался: рак не рак,
 А не вытащишь никак.

Ну, так ли, товарищ?
Точно так-с.

6

У вашего жениха шесть коров:
Корова бура, корова будет,
Корова есть,
Да корову даст тесь,
Да корова отелится, и будет шесть.
Ну, так ли, товарищ?
Точно так-с.

7

Есть еще телушка,
Доит ее бабушка,
Доит с мосту,
Дает по сту,
Молоко синё,
Хлебать портки скинет.
Как отхлебает,
Так опять надевает.
Ну, так ли, товарищ?
Точно так-с.

8

Да есть еще овца ялова,
Принесла дьявола,
Положили в уголок,
А ее черт и уволок.
У вашего жениха четыре лошади:
Лошадь пега, по заполю бегат,
Лошадь чала,
Головой качала,
Да лошадь булана,
Под хвостом два чулана:
Один — молодым спать,
Другой — курам
Да лошадь савраса,
На ней вся шкура в груди собралася,

В гору-то без хомута,
А с горы-то без кнута.
Ты ее кнутом хлестать,
А она грит: «Слезь!»
Ну, ты ее раз,
А она оглянется и спрашивает: «Много ль вас?»
Ну, так ли, товарищ?
Точно так-с.

9

Теперь расскажу про себя: я был женат три раза:
Первая жена Варвара
Выше амбара,
Молилась
Да и переломилась;
Я лыком сшил
И три года жил.
Вторая жена Ненила,
Долго белья не мыла,
Много вшей накопила,
И такие вши,
Хоть избы мши.
Перва вшичка
Что брусничка,
А вторая — как клубничка,
А третья — как скатится,
Так с соседской собакой драться схватится.
Третья жена была Маланья, у нее была
А я, грешный человек, повалил ее . . . , и пошел
такой смород,
Что у нашего соседа околели свинья и боров.
Ну, так ли, товарищ?
Точно так-с.

10

Теперь расскажу про нашу невесту:
У нашей невесты имения:
Три воза каменьев,
Сундук-веретён,
Камнями пригнетен,

Семь корчат
В берегу торчат.
У нашей невесты четыре рубахи:
Рубаха бориха,
Рубаха брызжиха,
Рубаха пришей рукава
Да рубаха над ... дыра.
Да есть еще четыре юбки:
Юбка драна
Да юбка рвана,
Юбка полосата
Да юбка волосата,
Как съедет ниже пупка,
Так и ходит наша голубка.
Ну, так ли, товарищ?
Точно так-с.

11

Наша невеста какая в работе!
Люди косить,
А она голову мочить,
Люди грести,
А она косу плести;
Люди жать,
А она за межей лежать;
Как ноги сожмет,
Так и полосу сожнет;
Как ноги расставит,
Так и копну поставит.
Наша невеста какая молотить-то!
Люди молотить,
А она за овин пойдет ворошить.
Как ... поведет,
Так всю мякину с гумна сметет.
Наша невеста какая к стряпне-то!
Творит на дрожжах, а вынимает
с горшков крышки.
Верхнюю-то корочку сдери,
А есть-то ложечку бери.
Ну, так ли, товарищ?
Точно так-с.

У нашей невесты есть сундук в красной оковке,
 А отпирается маковкой,
 А ключи-то у вашего жениха подбери.
 У нашей невесты есть перина —
 С первого овина,
 Каждая пушина
 Полтора аршина,
 Да есть одеяло ежово;
 Кто под него ляжет,
 Того всего задавит.
 У нашей невесты есть пальто —
 мех-то лисий, а воротник-то крысий,
 В елочку пушён
 Да на погребѣ сушён,
 Мимо его люди ходят, никто не берет.
 Знать, никому не нужён.
 Ну, так ли, товарищ?
 Точно так-с.

У нашей невесты есть благословленье
 Отца родного после матушки крестной;
 В поле у сосны в серебряной ризе,
 в золотом окладе.
 У евреев в закладе, —
 Нельзя ли его выкупить?
 Жених платит деньги указчику.

Хор девушек
 Запели петушки,
 Запоют и курочки.
 Вылезайте из-за стола,
 Осоевские дурачки.

II УКАЗ

Господи благослови Христос,
Когда так пришлось,
Старика за хвост,
Старуху
За малуху. Правда?
Слушайте, граждане приезжие,
И вы, граждане смотрельщики,
Двери затворите,
А вы, малые ребята, сопли подотрите, правда?
Прислан приказ из пристани,
..... Правда?
Просим вас, сват, все их переполоскать,
На верхний этаж зубами перетаскать. Правда?
Слушай, новображный князь, стой, не вертись,
А то по рылу буду бить, не сердись. Правда?
У вашего новображного князя пинжачок-от
И то дал архангельский дьячок,
Он у него ношен, ношен,
Да и заброшен,
А ваш новображный подхватил,
Да и к нам в Щениково прикатил. Правда?
Еще пальто есть, мех-то лисий, верх-то
драповый,
А воротник-от Правда?
У вашего новображного князя есть хором —
Сорок сажень со двором. Правда?
Три столба врыто,
Бороной покрыто. Правда?
Широкие двери,
Лазают одни звери. Правда?
У вашего новображного князя есть три лошади.
Лошадь савраса,
На ней вся кожа собралась,
..... Правда?
Еще лошадь чала,
Головой качала. Правда?
На нее садиться,
А она ложиться,
Ты ее хлыстать,
..... Правда?

Третья лошадь пега,
По-за дому бегат. Правда?
Еще есть корова с уздою.
У нашей новображной пропал пряжницы моток,
У вашего новображного пуговица от порток. Правда?

У нашей новображной рубах-от:
Рубаха с плеч,
Да рубаха в печь,
Рубаха на ухвате сохнет,
Да рубаха в ушате мокнет,
..... Правда?

Наша-то княгиня лезла через огород,
Нога сорвалась,
Рубаха изорвалась.

Как, новображный князь,
Прикажете сшить или стачать
Или вовсю качать? Правда?

У нашей новображной княгини
Есть сундучок с черной оковкой,
Отпирается красной морковкой. Правда?

У нашей новображной юбок-то, юбок:
Юбка брана,
Да юбка драна,
Да юбка с полосами,
.....

Наша новображна работать горазда,
Люди жать, а она за между сядет ...

Люди молотить,
А она ногами об ... колотить,
Как ... повернят,

Так и ворох кверху вздернят. Правда?

У нашей новображной характер мамкин,
А у мамки очень скверный: как праздник,
Так мужа дразнит,
Залезет на потолок

И кажет свой хохолок. Правда?

Ну, а вы почто пришли, мужичищи,
Седые ваши бородищи,
Вам только перегону напиться
Да на баб Правда?

Ну, а вы почто пришли, бабы,

Вам только чаю напиться
Да под мужиков Правда?
Ну, а вы почто пришли, мальчишки?
Вам только нажраться,
Отец на мать,
А вы голиками разгонять. Правда?
Писано-переписано
После Сидора Денисова,
Писал Макарка
Черным огарком,
Писали на двери,
Сам черт не разбери. Правда?
Ваш новображный как ...,
Так нас всех из-за стола повернет. Правда?
Просили вас — не поворачивай,
А за указ расплачивай. Правда?
Новображный князь, кончился указ,
Двадцать миллиардов с вас. Правда ли, ребята?

III УКАЗ

Будем читать указ
Не про нас,
Не про вас,
Про нашего князя новображного
И про нашу новображную княгиню.
Правда ли, ребята?

Девки поют:

Это правда, это правда,
Это правдочка была,
Это правда, это была,
Я при этом деле был.

Прислан указ из лесу Денисова
От бесу лысого,
Писал Макарка
Черным огарком,
Право писал
Да в воеводы попал.

У нашего новображного князя
Одежды-то, одежды: семь одежек,
Все без застежек,
Пальто-то драповое,
Воротничок-то
У нашего новображного князя посуды-то, посуды-то —
Медный крест да пуговицы,
Рогатой-то скотины: таракан да жужелица.
У нашего новображного князя хоромы-то, хоромы:
Четыре столба врыты
Да бороной покрыты (правда ли?).
У нашего новображного князя
Скотины-то, скотины — корова пестра,
Доят с мосту
Ведей по сту.
Молоко-то синё,
Хлебай, портки-то скиня,
Как отхлебают,
Так опять надевает.
А лошадь-то булана —
Под хвостом-то два чулана,
В один гляди,
В другой — что хошь клади.
А то лошадь гнед,
На ней шерсти нет.
А лошадь саврас,
На ней кожа собралась.
Ты лошадь хлестать,
.....,
Ты на лошадь сел, а она ложится,
Ты бы сесть, а она: «Хозяин, слезь».
У нашей новображной княгини одежи-то, одежи:
Куль да рогожа
И вся ее одежда.
Юбок-то, юбок: юбка рвана
Да юбка драна,
Юбка до пупка,
Так и носит наша голубка.
У нашей новображной княгини рубах-то, рубах:
Две дюжины рубах без подстав и без рукав.
Две дюжины платков
Без середок и без косяков.

Наша новображная княгиня больно стряпать
горазда:

Растворила ничего, подставила на чело,

.....,

Так испечет пирог да ситный.

Наша новображная княгиня жать горазда:

Как ножки сожмет,

Так полосу сожнет,

Как ножки расставит,

Так крестец поставит.

Наша новображная княгиня молотить горазда:

Как ...,

Так весь посад сдернет.

Наша новображная княгиня косить горазда:

Люди косить,

Она на плече косу носить,

Люди грести,

Она косы плести.

Наша новображная княгиня ткать горазда:

Выткала дербенинку —

Покрывать мякотинку.

Наша новображная княгиня больно ленива,

Ни ткать, ни белить,

В портках шевелить.

Филипповские молодцы здесь,

Пожалуйте, жареные есть.

Вот вам аз да буки,

Пожалуйте три рубля в руки.

Жених отдает деньги.

САТИРИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

Если разговор о сатирической песне, былине или народном «действе» обычно идет в прошедшем времени, то среди жанров устно-поэтического творчества есть один, разговор о котором может вестись и во времени настоящем. Это — частушка, или, как ее называют в Ярославской области, «побирушечка», на Енисее — «походячая песня», в Рязанской области — «прибатунька», во многих местностях — «припевка», «мотаня», «плясовая частая» и т. д.

Жанр частушки, по-видимому, сравнительно новый. Во всяком случае, интерес собирателей и исследователей он вызвал лишь после появления статьи Глеба Успенского «Новые народные стишки», где речь шла о современных писателю явлениях жизни деревни и о попытках народной поэзии «откликнуться на разнообразные явления обыденной жизни». «Сочинительство в этом роде... неведомым путем создается неведомыми поэтами, чуть не каждый божий день и непременно в каждой деревне. Собрав эти «частушки» с такою же тщательностью, как собираются статистические сведения о всяких мелких подробностях хозяйства и крестьянском дворе, и разработав их соответственно тем сторонам народной жизни, которых они касаются, мы имели бы точное представление о нравственной жизни народа»,¹ — писал Г. Успенский.

Уже в этой статье ставятся два вопроса, кардинальных для определения значения и места частушки. Это — актуальность частушки и стремление ее откликнуться на самые разнообразные явления народной жизни.

Именно это свойство частушки, создающейся порой и на наших глазах, позволяет нам делать над ней наблюдения, невозможные относительно других жанров фольклора.

¹ Г. Успенский. Новые народные стишки. Собрание сочинений, т. 12. М., 1957, стр. 549.

Бурное развитие этого малого жанра народного творчества связано с эпохой капиталистического развития России. Менялись производственные отношения, менялся быт. Только крутой поворот в жизни заставил крестьян искать среди старых жанров народного творчества те, которые способны в той или иной степени отразить его современную жизнь, мысли и надежды. Возникла потребность в таком жанре, который мог бы быть прикреплен к любой теме и открывал бы широкие возможности для импровизации.

Таким жанром, по-видимому, была русская плясовая песня, лаконичная, избегающая художественных тропов, обильно насыщенная бытовой лексикой. Частушка использовала все эти ее черты, вплоть до ритмических переходов и рифмовки, которая часто применялась в этом жанре. О генетических связях частушки говорят такие, например, тексты:

Пошла бы плясать,
Дома нечего кусать,
Сухари да корки,
На ногах опорки.

или:

Пляши, Матвей,
Не жалея лаптей:
Лапти новы, други дома,
Третья дедушка плетет.

В многочисленных плясовых песнях можно найти строки, очень близкие к частушкам. Вот несколько примеров из сборника А. И. Соболевского:

Мой муж негодяй,
Уехал за речку,
Дай бог, чтобы сдох,
Я поставлю свечку!¹

На улице мороз,
На печи-то лето.
«Ты зачем сюда пришел?»
— «Тебе дела нету».²

¹ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 7. СПб., 1901, № 279.

² Там же, № 280.

Ай ду-ду, ай ду-ду,
Потерял мужик дугу,
За поленицей в углу.¹

Но частушечные ритмы — принадлежность не только плясовых песен. В известной песне «По белой по пороше...» обращают внимание строки: «Не шумят, не гудят, Одни копытца говорят».² В песне «Трынды мои, трындушки...» также есть строки, заставляющие вспомнить современную частушку:

Уж как с Питера начать,
До Казани окончатъ.
Уж как в Питере Нева
Испромыла нам бока.³

В песне «Баба на печи сидела, заплатки крапала...» есть строки: «Что воз-то велик, что заехал в целик»;⁴ песня о сове — пречистой вдове — начинается: «Совонька, совонька, Пречестная вдовонька, Хорошая барыня, Аверья Степановна»;⁵ в детской песенке поется: «Тень, тень потетень, Выше города плетень».⁶

Таких примеров можно было бы привести множество. Все они подтверждают, что частушка не есть нечто совершенно новое, стоящее особняком среди других песенных фольклорных жанров. Частушка родилась из песни; видимо, ближе всего она к плясовой, но в какой-то степени ее элементы были свойственны и другим песням.

Сатирическая частушка связана и с миниатюрными жанрами фольклора, тяготеющими к афоризму и к краткой формуле пословицы и поговорки. Иногда частушки звучат как развернутая пословица:

Я от солнца, от загару
Лицо бело сберегла;
От напрасных разговоров
Сохраниться не могла.

¹ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 7. СПб., 1901, № 294.

² Б. Быстров и Н. Новиков. Ярославский фольклор. Ярославль, 1938, № 75.

³ Там же, № 36.

⁴ С. Минц и Н. Савушкина. Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955, № 64.

⁵ И. Париров. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948, № 32.

⁶ С. Минц и Н. Савушкина. Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955, № 71.

ский утверждал, что сочинителей частушки «назовут по именам» в любой деревне,¹ утверждение это неверно. Еще собиратель начала двадцатых годов А. Виноградов утверждал: «Нами на месте собран огромный материал, до семи тысяч номеров частушек, тем не менее авторов их не представлялось возможным выявить ни одного».²

Не удалось обнаружить авторов частушки и нам во время нашей собирательской работы в первые послевоенные годы.

Н. Колпакова, работающая над записью фольклора в течение многих лет, пишет о своей поездке 1953—1954 гг.: «..Собирать частушки было нетрудно. Сложнее обстоит вопрос с выяснением их авторов. Всего два-три раза за все время работы удалось установить, кем именно была сложена та или иная частушка. В противоположность более крупным разновидностям народного устного художественного творчества, частушка обладает такой подвижностью и легкостью передачи, такой импровизационной быстротой создания, что уловить момент ее возникновения и закрепить определенный текст за определенным автором невозможно: едва возникнув, удачная частушка мгновенно повторяется — с мелкими изменениями, вариациями, переходит из уст в уста, оттачивается, округляется и становится произведением действительно коллективного народного искусства».³

Импровизационный характер частушки, коллективность ее происхождения, массовость бытования и превращает ее в подлинно народное творчество. М. Горький писал: «Я предлагаю молодым литераторам обратить внимание на «частушки» — непрерывное и подлинное «народное» творчество рабочих и крестьян».⁴

Сатирическая частушка — один из значительнейших разделов этого жанра. Если сатира быliny и песни, а в известной степени народного драматического представления нередко маскируется иносказаниями и сложной системой образов, то сатира частушки — вся на виду. В этом она уподобляется сатирической сказке, где лицо народного врага показано со всей неприглядностью. Но сказка неспособна или почти неспособна оперативно откликаться на конкретные события. Ее сатирическая направленность

¹ В. В. Сиповский. История русской словесности, ч. 1, вып. 1. СПб., 1908, стр. 116.

² А. Виноградов. Частушка-эхо. Висъегонск, 1924, стр. 5.

³ Н. П. Колпакова. Волжские частушки. Куйбышев, 1955, стр. 11—12.

⁴ М. Горький. О бойкости. Собрание сочинений, т. 27. М., 1953, стр. 156.

носит, как правило, обобщенный характер. Частушка, называя врага, дает точный адрес.

Частушка в прошлом отразила идеологию разных социальных групп, известны частушки мешанские, кулацкие, хулиганские и пр. Именно такого рода фольклор имел в виду Маяковский, говоря о «ерунде частушек». Но в основном этот жанр фольклора, как и лучшая часть народного творчества вообще, выражал интересы широких кругов беднейшего крестьянства.

Записи дореволюционных фольклористов сохранили не просто антибарские или антипоповские частушки. Они донесли до нас частушки очень четкой политической ориентации. Таковы, например, частушки из сборника В. Симакова (раздел «Злободневные»). В одних частушках речь идет об определенных политических персонажах:

Как Гучков-то молодец,
Богачу родной отец;
До бедняги мужика
Ему нужда не велика.

В других речь идет вообще о богачах:

Богачи вы, богачи,
Аржаная каша,
Покоleyте, богачи,
Будет воля наша.

К сожалению, по тем же причинам, почему не дошли до нас многие сатирические произведения фольклора, не дошли и многие частушки. Не только запись их, но и исполнение иногда было опасно. Писатель К. Кони́чев в своей книге «Частушки, пословицы, загадки» рассказывает, как в годы реакции после первой русской революции «казачьи экспедиции и конная стража, посылаемые в северные деревни, учиняли кровавую расправу над крестьянами — распространителями вольных частушек. Вспоминается такой факт: в селе Устье-Кубинском (Вологодской области) крестьянин на гулянье спел:

Бога нет, царя не надо,
Губернатора убьем,
Платить подати не будем,
Во солдаты не пойдем.

За эти четыре строчки в ту пору могли бы судить и отправить крестьянина на каторгу, но так как у исправника кроме доноса

других улик, очевидно, не было, то казаки «ограничились» тем, что запороли исполнителя частушки нагайками до потери сознания». ¹

Но даже дошедшие до нас тексты говорят об очень сильных оппозиционных, даже более того — революционных настроениях в среде крестьянства. Несмотря на тщательную цензуру, некоторые из них увидели свет. Лучшие дореволюционные сборники частушек — В. Симакова и Е. Елеонской — включили в себя довольно много текстов, появившихся, видимо, в период первой русской революции.

Характерно, что в числе этих сохранившихся текстов есть и такие:

Как по улице я шла,
Прокламацию нашла.
Не пилося, не елося,
Прочитать хотелось. ²

Многие частушки содержат мотивы социального протеста, хотя и смутно осознанного. В них высмеиваются сотские и десятские, вору, купцы, мазурики-старшины. Но некоторые частушки говорят о совершенно определенных настроениях, о появившейся уже осознанной классово-националистической ненависти. Так, в частушке о разгоне Первой государственной думы говорится: «Бедняки-то горевали, Кулаки-то ликовали». В другой, уже более поздней, есть реплика, адресованная попу, вышедшему из алтаря: «Полно, батя долгогривый, Поминать тебе царя».

Значительное место заняли частушки антипоповские и антирелигиозные. Иногда это просто шутки по поводу монаха, который «бросил книги и кресты — за бабой погнался»; чаще ирония по поводу отпущения грехов, веры в рай и ад и т. д., вроде частушки:

Я любила сто попов,
А дьяконов триста,
Что хотите говорите,
Моя душа чиста.

Таких частушек немало. Но, даже предполагая, что их в свое время было несравненно больше, чем сохранилось в записях,

¹ К. Коничев. Частушки, пословицы, загадки. Архангельск, 1954, стр. 10.

² Частушка эта имела ряд вариантов. Один из них приведен К. Коничевым в упомянутой выше работе.

можно утверждать, что количество их все-таки уступало количеству частушек, высмеивающих, иногда остро и резко, недостатки в своей же, народной среде.

Эти частушки тоже отнюдь не изолированы от социальных мотивов, которые проникают в них почти незаметно. Частушка о парне, который просит отца купить ему для гуляния калоши, кончается тем, что отец приносит ему «лаптей десяток, — выбирай, которы хошь». Плясовая («Пошла бы я плясать...») уже во второй строке дает картину крестьянской жизни: «Дома нечего кусать». Стихи о хвастливом парне завершаются строками о том, что калоши и часы — его единственное богатство.

Социальная сатира в частушке, как и в других видах народной сатиры, также не всегда дается обнаженно. И здесь ироническое изображение крестьянского быта внушает нередко серьезные мысли о безысходной бедности, которую не скроешь за внешним «форсом», о силе кулацкой верхушки в деревне, о произволе сельских властей и т. д. Подтекст и в этой группе частушек определяет ее общественное значение.

Это не случайно. Даже самая меткая частушка, уже в силу своего лаконизма, более, чем другие устно-поэтические жанры, ограничена в своих возможностях, в ней нет места для широкой картины. Портрет даже сатирический, карикатурный получается слишком эскизным. Образ подлинного врага далеко не всегда может принять конкретные, зримые черты.

В умении подметить и прочно закрепить в слове черты характера или свойства человека частушка продемонстрировала не меньше, чем поговорка или прозвище, то качество, которое в своей речи перед трудящимися Рязанской области отметил Н. С. Хрущев. Вспоминая всевозможные народные присловия, «эпитеты», которые давались раньше жителям разных областей, он говорил: «Вы не особенно придавайте значение тому, какие эпитеты раньше давали рязанским крестьянам. Я вырос в Донбассе. Там рабочие были и рязанские, и курские, и черниговские, и смоленские, и татары, и мордва. Каждый имел свой эпитет. Мы, куряне, тоже имели свои эпитеты. Это не злая шутка, это сам народ придумал и сочинил эти шутки, чтобы и в горе, а все-таки посмеяться. Сейчас все это прошло. Но если взять Рязань и взять мою Курскую область, то разницы не было: и вас называли лапотниками и нас, курских, тоже».¹

¹ Речь Н. С. Хрущева перед трудящимися Рязанской области. «Правда», 14 февраля 1959 г.

«...Чтобы и в горе, а все-таки посмеяться» — это очень правильное определение цели, ради которой складываются не только насмешливые прозвища, поговорки, но и частушки, иронизирующие над мнимыми недостатками жителей соседних губерний и уездов. Тут и «тверские модницы», которые «по дню хлеба не едят, за политикой следят», и «вологодские девицы, что весенни мошки», достается и «нашим девахам». Шутки эти порой не очень-то добродушны, но вряд ли они кого-нибудь обижали или оскорбляли. Иное дело, когда насмешка перерастала в сатиру на неумеющих работать, на бездельников, глупцов, хвастунов, сплетников, склочников и пр.

Народ никогда не смеялся над высокими человеческими чувствами. В народном творчестве, и в частушке в том числе, ирония никогда не направлена против любви к родине, к семье, к девушке. Никогда не высмеивались мужество и великодушие, справедливость и самопожертвование. Но в сатирическом фольклоре, и прежде всего в частушке, очень сильна линия, которую можно было бы назвать «антисентиментальной». Десятки, сотни частушек высмеивают приторную чувствительность, игру в любовь, неудачного возлюбленного и примитивные «методы ухаживания». Частушка, как и сатирическая песня, утверждает те принципы человеческого общежития, которые так часто нарушались в быту. Здесь и смелая отповедь ядовитым свекровьям и ворчливым тещам, здесь и издевательство над неудачливым «ухажером», здесь, как в капле воды, отражен сложный и противоречивый крестьянский быт. Но частушка не замыкается в этом быту. Она не просто высмеивает его недостатки. В любой, самой резкой, самой острой сатирической частушке проscalьзывают какие-то черты народного положительного идеала.

В песне он дан чаще всего в расплывчатых очертаниях. В частушке всегда ошутимее те черты, которые народ считал для себя нормой. Частушка, например, высмеивает бестолковую девчонку, готовую (в соответствии с гротесковой системой образов) по ошибке вместо парня схватиться за хвост пробегающей телки, но видит перед собой она умную и гордую девушку; в частушке говорится о безобразном парне, которого «срам по улице провесь», а мечталось о красавце и богатыре; во множестве текстов говорится о любви к семерым, о многочисленных любовных изменах и т. д. и т. п., а в подтексте — мечта о подлинной, глубокой любви.

Если бы этого подтекста не было, если бы частушка всерьез, как думали первые наивные ее исследователи, отражала лишь

«нравственный упадок народа», то ничего смешного не содержали бы все многочисленные тексты о «крялях», «дролях», «миленочках», «милашках». Ведь смешное в частушке очень часто зиждется на контрасте основного текста и подтекста, на соединении гротесковых образов в частушечном стихе и традиционной лирической мелодии. Забыв об этой особенности сатирической частушки, мы неизбежно придем к непониманию жанра как такового, ибо в частушке личное, лирическое, интимное очень часто дано в сложном ироническом плане.

Говоря о частушке, нельзя забывать еще одно обстоятельство: как и песня, частушка не декламируется, а поется. И очень часто мелодия договаривает то, чего не сообщал текст. Нам приходилось слышать множество частушек, которые в записи казались чуть ли не сентиментальными; но в исполнении они звучали иронически. Задорная, смешливая мелодия договаривала то, о чем умалчивалось в тексте.

Некоторые частушки (мы привели их минимальное количество) без этого мелодического сопровождения отнюдь не кажутся сатирическими. Так, «и всерьез» и «понарошку» можно толковать частушку:

Ах ты, Настенька-душа,
Нас миленки сушат,
Сушит мой, сушит твой —
Мы ссохнем в шепочку с тобой.

В одном исполнении эта частушка может звучать печально; в другом — как ирония по поводу чувствительных девиц, которые способны иссохнуть от несчастной любви.

Сатирическая частушка, как, впрочем, и большинство лирических частушек, часто строится на контрасте двух первых строк и двух последующих. Несоответствие масштабов обычно является источником смешного, сатирического. Например, одна из частушек начинается такими словами:

С неба звездочка упала
На сарайчик тесовой.

Последующие строки поражают своим несоответствием этим двум первым:

Вся любовь моя пропала
И платочек носовой.

Последняя строка бесконечно далека от первой: падающая звездочка — и похищенный (или утерянный) носовой платок!

Иногда это несоответствие подчеркнуто новым, неожиданным для частушки словом:

Я сошью себе передник,
Бахромой отделаю.
Если милый не полюбит —
Забастовку сделаю.

Некоторые «начальные строки» частушек переходят из одного текста в другой, приобретая в разных контекстах разный смысл. Упомянутая строка «с неба звездочка упала» повторяется и в ярко выраженной сатирической частушке, приведенной выше, и в частушке почти лирической: «С неба звездочка упала На горячее лицо, — До того доцеловалась — Стало губам горячо!»

С группой песен-небылиц, стоящей особняком среди сатирических песен, тесно связаны частушки-небывальщины. Лишь в немногих областях есть специальное название для них — «нескладуши», — так называются частушки, где «всё наоборот».

Гротесковая система частушки часто соединяет реальность с фантазией, банальность с невероятным, быт с мечтой. На грани небывальщины стоит частушка:

Я отчаянный родился
И отчаянным умру;
Когда голову сломают,
Я баранью привяжу.

И уже за этой гранью — частушка:

Возьму острую пилу,
Пойду яблоки копать,
Помоги-ка, ветер-батюшка,
Мешочки подымать.

Тот «алогизм реального», который поражает в песнях-небывальщинах, в сказках типа «Не любо — не слушай», во многих присказках и сатирических былинах, и в частушке получает свое развитие. Здесь происходят также вещи самые невероятные, и невероятность эта тем удивительнее, что связана она с явлениями современного быта. В одной частушке говорится о часах, в которых «тараканы стрелку съели», в другой о быке на «эроплане».

Фантастические образы пронизывают большинство сатирических частушек. Для частушки не в диковинку шут (черт), кото-

рый дерет сапожника за то, что тот дорого берет за свою работу; не в диковинку дролечка, которого ястреб уносит вместо курицы. И поэтому в исполнении частушки-небывальщины («нескладуши» — это те же небывальщины, но, по-видимому, с нарочито опущенной рифмой) не выделяются из всей массы сатирических частушек. Тут и сапоги, сшитые из рубашки, и езда верхом на палочке, и украденный леший, и нос, из которого напилели немало количество дров, и пр. В этих частушках силен протест против устоявшихся, банальных, мешающих жить норм. Доведенный до гротеска, до фантастики, этот протест — не просто уход в мир забавных неожиданностей, это протест против скуки и банальности, это призыв к фантазии и поискам.

В старой сатирической песне небывальщина несет элементы утопии; в ней иногда ощутим социальный протест. В новой частушке — это поиски свежего слова, яркого образа, своеобразные дразнилки, направленные против тех, чье мышление неспособно воспринять сатиру или фантастику. Именно так они звучали в тех местностях, где им довелось их слышать (Заозерье, Новгородской области; Пыталово, Псковской области; Вилково на Дунае и др.).

Выше речь шла в основном о частушках, созданных в дореволюционные годы, или о частушках, время появления которых определить трудно, — они записаны в наше время, но могли появиться и пятьдесят лет назад (речь идет о лирико-сатирических частушках). Но жанр частушки, как уже писалось выше, — жанр живой, развивающийся, активно действующий. И наш обзор частушечных групп был бы далеко не полон без сатирических частушек, созданных уже в наше время.

А. В. Луначарский, говоря о сатире прошлого, определял ее как «победу идейную, при отсутствии победы материальной».¹

К сатире современной это определение приложимо лишь отчасти. Сатира в советских условиях — это чаще всего победа идейная, приходящая вместе с победой материальной. Значительная группа частушек посвящена врагам советского общества, советского государства. В первые послереволюционные годы бытовала частушка, напоминавшая врагам Советской России:

Эх, яблочко,
Куды катишься?
Во чека попадешь,
Не воротишься.

¹ А. В. Луначарский. Джонатан Свифт и его «Сказка о бочке». Статьи о литературе. М., 1957, стр. 538.

Спекулянт и буржуй,
Чего топаешь?
Во чека попадешь —
Пулю слопаешь.

В других частушках высмеивался офицер, который «продает стары валенки»; в третьих — дезертиры, спекулянты, главари кулацких банд и т. п. личности.

Частушка продолжала жить все годы становления и развития нашего государства; она сопровождала все этапы гражданской войны, следила за военными событиями на Дальнем Востоке, отразила основные события борьбы с фашизмом. Роль частушки была велика; нельзя только забывать, что все развитие советской частушки шло в теснейшем контакте с развитием советской поэзии. И народное творчество вбирало в себя очень многое из созданного Маяковским, Асеевым, Демьяном Бедным, Прокофьевым, Лебедевым-Кумачом, Исаковским и другими поэтами. И в ряде областей сатиры профессиональная поэзия теснила (и теснит) частушку.

Другое дело — «местная тематика», т. е. тематика того или иного колхоза, сельсовета, производства. Здесь частушке была дана «зеленая улица». Бездельники, бюрократы, болтуны, грубияны, пьяницы, невежды, самодуры беспощадно высмеивались частушкой. Они назывались своими именами, получали точные адреса:

Председатель блины пек,
Счетовод подмазывал,
Кладовщик об этом знал,
Никому не сказывал.

Но кроме этих частушек в народном творчестве бытуют десятки частушек, отразивших черты новой деревни. Черты эти еще не везде стали привычными, они еще поражают воображение, они еще удивляют. Так, в частушку еще в тридцатые годы вошел самолет (см. «Самолет летит...») и еще раньше трактор (см. «Наше поле каменисто...»). В соответствии с традиционной гиперболизацией образов возникла частушка о радио:

Я по радио влюбился
И по радио женился,
И по радио у нас
Октябрина родилась.

Таковы основные виды русской сатирической частушки. Но как бы ни различались они тематически, все они связаны ритмом, конструкцией, мелодией. Обычно частушка — это четверостишие хорейского размера (чаще всего четырехстопный хорей). Иногда бывают частушки двухстрочные, также хорейские.

Очень важен вопрос о рифмовке в частушке. Наиболее распространена рифмовка первой, второй и четвертой строк при третьей нерифмующейся. Бывает рифмовка парная, реже — перекрестная. Для так называемых «нескладуш» характерны диссонансы в рифмах.

Иногда рифмы бывают полнозвучные:

Деревня моя,
Деревянная,
Погубила ты меня,
Окаянная.

Иногда — ассонансы:

Я любила *кочегара*,
Под машиной *ночевала*.
Кочегар молоденький —
Зовут его Володенькой.

Нередко в частушке встречаются и внутренние рифмы:

Спаси господи, помилуй
Ребят маленьких любить:
Целоваться — нагибаться,
Провожать — в карман сажать.

Богатство частушечных рифм подчас удивительно. Например, в следующей частушке целиком рифмуются четные строки:

Звал милашку под венец
Из Сарануля *купец*.
Чернобровый, нос здоровый,
Исцарапанный *конец*.

В сатирическом частушечном фольклоре не редкость и такие рифмы, как «посидела бы ещё, да ушел в училище», т. е. основанные на местном произношении слов. Впрочем, частушка, в отличие от других жанров фольклора, довольно редко оперирует ди-

алектизмами. Для нее скорее характерны насмешки над отклонением от нормативной речи. А. Виноградов еще в 1924 году приводил частушку с «намеренным цоканьем для усиления юмора»:

Милый мой, часы у вас,
Погляди, который час.
Дорогая, не часы —
Одна цепочка для красы.

Иное дело — неологизмы. Частушка включает их с особой легкостью. Новые понятия, новые слова, как правило, органично, естественно входят в ее текст. Не боится частушка и слов, пожалуй специально придуманных, вроде слова «облюбочки»:

Ты, подруженька моя,
Носи коротки юбочки.
Я любила — ты отбила,
Так люби облюбочки.

Выше не раз упоминалось о связи частушки с другими жанрами устной поэзии; мельком говорилось о связи с поэзией профессиональной. В наше время установить различие между частушкой-импровизацией и частушкой литературной почти невозможно. Радио, эстрада, сборники репертуара для самодеятельности все более стирают грань между частушкой «фольклорной» и частушкой «литературной». Процесс этот начался довольно давно. Еще в числе рабочих корреспонденций, посылаемых в большевистские газеты «Звезда» и «Правда», были произведения, стоящие как раз на грани литературы и устного творчества. Г. Владимирский приводил в качестве примера строки рабочей стихотворной корреспонденции:

Возле реченьки Ижоры
Веселятся ихни жены,
Веселится наш буржуй,
А рабочий — ногти жуй.
Черна сотня что ежи,
У них кинжалы и ножи.¹

¹ Г. Владимирский. Массовая поэзия и фольклор на страницах большевистской печати эпохи «Звезды» и «Правды». Сб. «Советский фольклор», № 7. М.—Л., 1941, стр. 178.

Эти строки близки к многочисленным частушкам, известным по дореволюционным записям. Но в то же время они представляют собой нечто новое, политически цельное.

Таких примеров можно было бы привести большое количество. Не случайна сознательная ориентация на частушечный жанр у таких разных поэтов, как Демьян Бедный и Маяковский, Асеев, Твардовский, Прокофьев и Исаковский. Частушка по-разному преломилась в их творчестве; но как бы то ни было, она прочно вошла в большую советскую литературу. И конечно — частушка сатирическая.

* * *

Меня Питер оконфузил,
Ну и я его срамил;
Из-за Питерской заставы
Босиком домой катил.

* * *

Дума в Питере сидит,
Важно заседает:
Про мужицкие нужды
Ничего не знает.

* * *

Наша Дума модница,
Богачу угодница;
До бедняги мужика
Ей нужда не велика.

* * *

Как Гучков-то молодец,
Богачу родной отец;
До бедняги мужика
Ему нужда не велика.

* * *

Перву Думу разогнали,
Мужики духом упали;
Бедняки-то горевали,
Кулаки-то ликовали.

* * *

Наша хреновская волость,
Старшина мазурик-плут, —
Я немного досадил,
И то под арест посадил.

* * *

Уж как коженский дьячок
Потерял подрясничек,
Кабы голос был не бас,
Он давно бы свиной пас.

* * *

На по́лице — пирожки,
На окошке — каша;
Околеют богачи —
Воля будет наша.

* * *

Матка по миру ходила,
На куски гармонь купила;
Мать играет, сын — поет,
Отца горюшко берет.

* * *

Что Юрково-то деревня
Кривулем да ободом.
Какая дура выйдет замуж,
Насидится голодом.

* * *

Я любила сто попов,
А дьяконов триста.
Что хотите говорите,
Моя душа чиста.

* * *

Соцкие, десяцкие,
Двое понятых
Взяли меня под руки —
И больше никаких!

* * *

Светит месяц, как целковый,
Часты звезды — пятаки;
Выйду замуж за монаха...
Не замолит ли грехи.

* * *

Уж как здешние ребята —
Настоящи молодцы;
Ночь воруют, день торгуют,
Называются купцы.

*

* * *

Пошла бы я плясать,
Дома нечего кусать,
Сухари да корки,
На ногах опорки,
На ногах опорки,
Мякиш на задворке.

* * *

Отворились царски двери,
Вышел поп из алтаря.
Полно, батя долгогривый,
Поминать тебе царя!

* * *

Из Романова-то дому
Вышли все грабители:
Сашка, Машка, Николашка —
Дому разорители.

* * *

На Распутине рубашка,
Вышивала ее Сашка.
На Распутине порточки,
Вышивали царски дочки.

* * *

На Долматовской горе
Там монах спасался;
Бросил книги и кресты —
За бабой погнался...

* * *

Как у нас в церковном храме
Служба каждый день идет:
Сторож свечи зажигает,
Поп «Коробочку» поет.

* * *

Хуторочки, хуторки,
Господа — не мужики:
Небом крыто, ветром сбито...
Христа ради — дайте жита!

* * *

Нам не дороги часы,
Не дороги калоши;
Нам не дороги богаты,
Дороги хороши.

* * *

Тюх, тюх, тюрю-рюх,
Навозила баба мух,
Не про нас, дураков,
Про богатых мужиков.

* * *

Я стояла у ворот;
Мил спросил: «Который год?»
— «Совершенные лета.
Люби, никем не занята!»

* * *

На деревне срубы рубят,
Все меня ребята любят:
Тот тащит, другой тащит,
Только кофточка трещит.

* * *

Нам хотели запретить
Во деревенку ходить;
Запретить не запретили —
Стену каменную сложили;
Стену каменную пробьем —
На свиданьице придем.

* * *

У моей у Любушки
Призасохли губушки.
Призасохли из-за того,
Что не целованы давно.

* * *

Все ребятаушки пришли,
Только нету милого;
Соскочу, схвачу ухват —
Не будет ни единого.

* * *

Не садись, милый, напротив:
От тебя нутро воротит;
Раз поцеловалася —
Целый день плевалася.

* * *

Кавалеры наши модны,
Никуда они не годны, —
По метелке в руки дать
По амбарам крыс гонять!

* * *

У меня миленок есть —
Срам по улице провесть:
Рот большущий до ушей,
Хоть завязочки пришей.

* * *

Какой большой да неуклюжий —
Только веники ломать;
Со своей со толстой рожей
Лезет девок целовать!

* * *

Домой коровушки идут,
Колоколами брякают;
Наши девушки поют,
Как собаки тяфкают.

* * *

Как никольские девицы захотели молока,
Всех коров передоили и уселись под быка:
Что за лешева корова,
Не даешь нам молока!

* * *

Ах как наши-то девахи
Из штанов кроют рубахи,
Из середышка перед...
Никто замуж не берет!

* * *

Как тверские модницы
Сидят с газетам в горнице;
По дню хлеба не едят —
За политикой следят.

* * *

Ярославски девки — бочки,
А ребята — пузыри,
А тверские девки — крали,
А ребята — короли.

* * *

Вологодские девицы —
Что весенни мошки;
Кавалерам девушки
Кланяются в ножки.

* * *

На горе растут грибы,
Под горой — опенки;
Наши девки, ох, толсты,
А тверски, ой, тонки.

* * *

Моя милая красива,
Только ротик маленький:
Две коврижки опажнула,
Чугун с кашей маленький.

* * *

Ах ты, милая моя,
Такая несговорная:
Раз пятнадцать поцелуешь —
Всё ты недовольная.

* * *

Шляпу новую надела
Дунька задом наперед;
Оскандалила подружек,
Насмешила весь народ.

* * *

Попросил я у тятеньки
Резиновых калош;
Он принес лаптей десяток —
Выбирай, которы хошь.

* * *

У вас семейка велика,
Не похлебаешь молока:
Не успеешь ложки взять —
У чашки донышко видать.

* * *

Мил уехал на неделю —
Дура думала навек:
Всю неделю проревела —
Бестолковый человек.

* * *

Жадоба срочно пишет:
Гуляй, кровочка, потише.
Телеграммой на ответ:
Каждую ночку дома нет.

* * *

Деревенские хозяйки
Стали губки надувать;
Мы не робкого десятка —
Стали к черту посылать.

* * *

Ах ты, Настенька-душа,
Нас миленки сушат,
Сушит мой, сушит твой —
Мы ссохнем в щепочку с тобой.

* * *

У подружки есть Павлушка,
У меня есть свет-Иван;
Мне десяточку давала,
Я за сотню не отдам.

* * *

Говорила я подружке:
Постарайся обо мне;
А она и постаралась —
Дружка присвоила себе.

* * *

Подружка в шляпочке гуляет,
Это мне не интерес;
Перед миленьким моим
Она вертится, как бес.

* * *

Я не столько нагуляла,
Сколько начудесила:
Троим голову вскружила,
Семерым повесила.

* * *

У меня любимых-то два —
В том конце и в этом;
Одного люблю зимой,
А другого летом.

* * *

Петербургская дивчина —
Что-те писана картина,
Шляпа — что-те огород,
Первой барыней идет.

* * *

Как во нашем во селеньи
Безобразие идет:
Дьякон ризу пропивает,
Попик песенки поет.

* * *

Кошка, брысь! Кошка, брысь!
На пороге не ложись:
Моя барыня пройдет,
Спотыкнется — упадет.

* * *

Ко мне сватался жених,
Из Мигляева старик;
Борода как помело,
Глазы набок повело.

* * *

Вы купите, девки, водки,
Вы залейте бабам глотки,
Чтоб они не баяли,
Девушек не хаяли.

* * *

Хорошо тому живется,
Кто с молочницей ведется:
Как ни вступишь на порог —
Всё сметана и творог.

* * *

У моей у милочки
Глазки как у рыбочки,
Как у рыбки у ерша;
Моя милка хороша.

* * *

Половицей я хожу,
Другая выгибается;
Нельзя на милую взглянуть —
Сейчас и догадается.

* * *

Сколько ни постился, ни молился,
Во святые не попал;
Сколько ни трудился, ни ломался,
А всё вечно голодал.

* * *

Экий глупенький миленочек!
Завел себе часы;
При часах ходит, форсит,
Сопля дó земли висит!

* * *

Ты, миленок, не форси,
У тя фальшивые часы:
Как не гляж, не погляж,
Завсегда девятый час.

* * *

У миленка моего
На уме дураство:
Завел калоши и часы —
Думает, богатство.

* * *

Ах вы, лапти мои,
Четыре оборки!
Хочу — дома заночую,
Хочу — у Егорки.

* * *

Старикам какая жизнь —
Не паши, не майся,
Со старухой на печи
Только обнимайся.

* * *

Мой муж — новожил,
Мою юбку заложил,
А я маху не дала —
Его трубку продала.

* * *

Моя милка — обормотка,
Не научит на добро:
Дала медную копейку —
Разменяй на серебро.

* * *

Черны брюки на панели,
Бела торба на боку...
«Вы подайте, Христа ради,
Я работать не могу!»

* * *

Мой-то миленький лежит,
Лежит и помирает:
Девятый день десятый хлеб
Насилу убирает.

* * *

Супротивница сердита,
А сама-то какова:
Три недели пришивала
К онной кофте рукава!

* * *

Дорогой, твоёй мамыши
Я порядки видела:
Ложки, плошки вымыла,
Помои — во щи вылила.

* * *

Шла монашка по деревне,
Приглашала в монастырь.
Я монашке отвечала:
«У вас нету холостых!»

* * *

Мы, подруженька, с тобой
Отчаянны головушки.
Попадай ты мне в снохи,
А я к тебе в золовушки.

* * *

Я на бочке сижу,
Бочка катится,
Теперь миленький не любит,
После схватится.

* * *

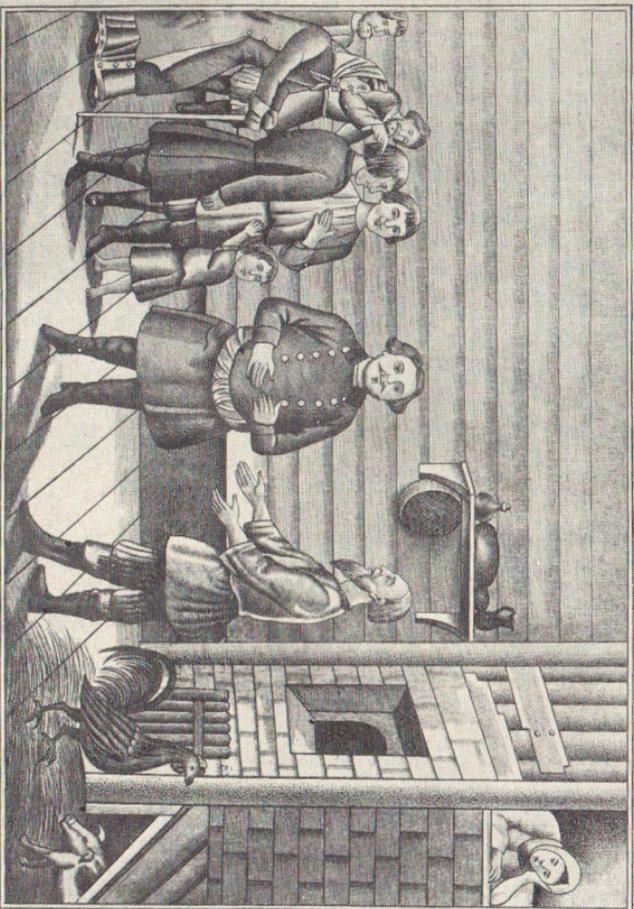
Наливай-ка, мама, чаю,
Полстакана молока;
Не просватывай, мамаша,
За такого дурака.

* * *

Мой-то милый окосел,
К чужой дrolечке подсел.
Я не долго думала,
Подошла и плюнула.

* * *

Тятя с мамой были ловки —
Меня держат на веревке.
На веревке, на гужу —
Перекушу да убежу.

Изображ. Мухоморова 15/1880 год.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОСЛАВНА НАРОДЦІКА.

Місце на карті № 1. В. Мухоморова, який працює в Мухоморі, 18/1880 год.

Проглядає, проживши листопад, дає в Орлівцях сажукувати Реторію, і наказує, оповідає. Денгет вь свои доль, тогда Орлиць его отхадит, ему из прескель лановца и орт дубенить даде, двенгет Армон и колда, припадит, вь удилитис, его поч- шидит. Орлиць спавшадит, чьего прьновт, ди орт, денгет, по орт, сьзакл, олу вь отьит, подкажики свое ньюдо вьтупшо емаа мотъ подкажики дада пидит, ви какт, нежегт, стоншит, какт денжжикит.

* * *

Когда была маленька,
Тогда бранила маменька.
Теперь я стала велика —
Поддай, мамаша, жениха.

* * *

Голубок летел — убился;
Парень в девушку влюбился.
Он влюбился — врезался,
Без ножа зарезался.

* * *

Как в Борисовку идти —
Горы усыпучие;
А борисовски девчонки,
Как ерши, колючие.

* * *

Милая, горячая,
Люблю тебя не для чего;
Сердце — камень у тебя,
Сидишь, не взглянешь на меня.

* * *

Говорила Коленьке:
Не пей вина нисколиньки.
Коля не послушался,
В Николин день накушался.

* * *

Дорогой и дорогая,
Дорогие — оба;
Дорогая дорогого
Довела до гроба.

* * *

Шара-шара-шарочка,
Мы с тобой не парочка:
У ты сива борода,
А я — девчонка молода.

* * *

Я любила кочегара,
Под машиной ночевала.
Кочегар молоденький —
Зовут его Володенькой.

* * *

Я сидела на лужку,
Писала тайности дружку.
Я такие тайности:
Люблю дружка до крайности.

* * *

Мила маменька моя,
Любовь-то не картошка:
Ее не сжаныть в пясточку,
Не выбросишь в окошко.

* * *

Батка рыжий, матка рыжа,
Я женился — рыжу взял.
Вся семейка рыжа стала,
Рыжий поп меня венчал.

* * *

Мимо нашего окошка
Пробежал теленочек,
Ухватилась я за хвост,
Думала — миленочек.

* * *

Уж как нонешний народ —
Не столько правды, сколько врет.
Посидел мальчишка с девушкой —
Сказали, что живет.

* * *

Мой муж — арбуз,
А я его дыня;
Он побил меня вчера,
А я его ныня.

* * *

Мишкина мать
Собралась помирать;
Ей гроб тесать,
А она плясать.

* * *

Нет на свете милей Пети,
Уважительный какой!
Уважает, провожает
Со гуляночки домой.

* * *

Я любила гармониста,
Всем подружкам ненавистна;
Как любить его не стала,
Всем подружкам любя стала.

* * *

У меня милашка Машка
Рукодельная была:
В решето коров доила,
Кочерёжкой пол мела.

* * *

Ночка темная — темна,
Не пойду домой одна,
Дайте провожатого,
Парня неженатого.

* * *

Мой-то миленький хитер,
Я его хитрее,
Он хотел поцеловать,
Я его скорее.

* * *

Из колодца вода льется,
Вода волноватая;
Милой напьется — подерется,
А я виноватая.

* * *

Растороповски ребята
Жизнь веселую ведут,
Попадет бутылка с водкой,
Пробку с горлом оторвут.

* * *

Дубовских же ребят
Издали можно узнать:
Головы мышиные,
А ноги лошадиные.

* * *

Говорили — гуси плыли,
Гуси по мосту ишли;
Наши судьи ошалели,
Писаря с ума сошли.

* * *

Две старухи без зубов
Толковали про любовь:
«Мы с тобою влюблены,
Ты в кисель, а я — в блины».

* * *

Как и наши-то ребята
Словно мокрые телята:
Они поила не пьют,
Со двора долой нейдут.

* * *

Все ребята — как ребята,
А мой милый, как урод,
А мой милый, как урод,
Ловит галок у ворот.

* * *

Фу-ты, фу-ты, у Марфуты
Чулки новые обуты,
Чулки новы, пятки голы,
Сама ходит босиком.

* * *

Ванька, Ванька, ты горюн,
Балалайка ты без струн,
Хоть топорщишься, как еж,
Что ни слово, то соврешь.

* * *

У меня богатство есть,
Только нечего мне есть:
Хлеб повыбил летом град,
От избы пеньки торчат.

* * *

Ох, сделай, батька, забастовку,
Перебей матке горшки,
Чтобы каша не варилась
И не портила крупы.

* * *

Спаси господи, помилуй
Ребят маленьких любить:
Целоваться — нагибаться,
Провожать — в карман сажать.

* * *

Ой, девки, беда,
Куда нам деваться:
По колена борода —
Лезет целоваться.

* * *

На стене висит пальто,
Меня не сватает никто;
Пойду выйду, закричу:
«Караул, замуж хочу!»

* * *

Рассыпался горох
По белому блюду;
Не люби мою жену,
Я твою — не буду.

* * *

Маменька ругается:
Куда платки деваются.
Того не догадается,
Что милый утирается.

* * *

Песня, песня, песенка,
Есть на печку лесенка.
Приходи меня искать —
Я на печке буду спать.

* * *

Мне сказали на вокзале:
Продают парней возами,
Пятачок — пучок,
Гривенник — охапка.

* * *

Боря, Боря, Боренька!
Что наделал Боренька!
У милашки в горенке
Перебил оконенки.

* * *

Потушите эту лампу:
Не светло она горит;
Рассадите эту пару:
На досаду мне сидит.

* * *

У меня башмачки новы,
Новы черные чулки.
Меня лечат от простуды,
Я хвораю от тоски.

* * *

Ты, подруженька моя,
Носи коротки юбочки.
Я любила — ты отбила,
Так люби облюбочки.

* * *

Я косила в девять кос,
Накосила один воз.
Косеночку под елочку,
Сама пошла к милёночку.

* * *

Не ругайте меня дома,
Меня не за что ругать:
Мое дело молодое,
Мне охота погулять.

* * *

Лет семнадцати девчонка
Стала разуму копить:
Не в топлену нову баню
Стала париться ходить.

* * *

Я любила Ванечку
За помады баночку;
Как помада изошла,
Я за Ваню не пошла.

* * *

Как у Дориных ворот
Шут сапожника дерет.
Он за то его дерет,
Что он дорого берет.

* * *

Пляши, Матвей,
Не жалея лаптей:
Лапти новы, други дома,
Третьи дедушка плетет.

* * *

Чай пила я с сухарями,
Уходила с фонарями.
Чай пила, конфеты ела,
Позабыла, с кем сидела.

* * *

Я от солнца, от загару
Лицо бело сберегла;
От напрасных разговоров
Сохраниться не могла.

* * *

Приходи, милый, в субботу,
Я найду тебе работу:
Я буду юбки полоскать,
А ты на берег таскать.

* * *

Я калоши не ношу —
Берегу их к лету;
Вам по совести сказать,
У меня их нету.

* * *

Пароход баржу везет,
Баржа семечки грызет.

* * *

Гром гремит, земля трясется,
Самовар в лаптях несется.

* * *

Шила милому кисет,
Вышла рукавица;
Меня милый похвалил:
Кака мастерица.

* * *

Тише, тише, тише, тише,
У меня четыре Миши;
Кабы пятого нажить,
Я не стала бы тужить.

* * *

Под окошком стоит ива,
Тонкая, гибучая.
У милого есть мамаша,
Как крапива жгучая.

* * *

Меня били, колотили
Два ножа, четыре гири,
Еще восемь кирпичей
Из-за девчонок сволочей.

* * *

Пляши — люблю,
Сарафан куплю,
Золотые проймы,
Поцелую — помни.

* * *

Только стоит тебе, миленький,
По шее надавать:
Проводил меня до домику,
Не мог поцеловать.

* * *

Милый Вася, милый Вася,
Я давно к тебе рвалася,
Приду — рано, приду — поздно,
Ваша маменька сурьзна.

* * *

Я на речке сеял гречку,
Моя гречка не взошла.
Я посватался к милашке,
Она, дура, не пошла.

* * *

Девки пудрятся, белятся,
А белила нипочем.
Одна рыжая девчонка
Натиралась кирпичом.

* * *

Милый мой, скажи мамаше,
Пусть не беспокоится,
Без тебя, мой расхороший,
Женихи находятся.

* * *

С неба звездочка упала
На сарайчик тесовой,
Вся любовь моя пропала
И платочек носовой.

* * *

Я деревней-то иду,
Деревня качается;
Моя милка нездорова,
На печи валяется.

* * *

Деньги есть — веселюсь,
На хорошенькой женюсь;
Денег нету ни гроша —
И корява хороша.

* * *

Меня маменька жалеет,
Отец пуще бережет:
Каждый вечер у калитки
Меня с палкой стережет.

* * *

У меня миленков тридцать,
Я не знаю, куда скрыться;
Пойду брошуся в реку,
Пускай сидят на берегу.

* * *

Шел я вёрхом, шел я низом,
У милашки дом с карнизом;
У милашки огонек,
Она кушает чаек.

* * *

У моей-то гармошки
Залегает один бас;
У моей-то у милашки
Забегает один глаз.

* * *

У мово у милова
Глазки как у идола,
Брови черны, как смола, —
Настоящий сатана!

* * *

Что за разум, что за ум
За одним гоняться двум,
Я теперь буду умна,
Пускай гоняется одна.

* * *

Проводи, милый, подале,
Но чтоб наши не видали,
А как наши поглядят,
Живую девушку съедят.

* * *

Мой-то милый любит трех,
Да меня четверту,
Я по совести сказала:
Убирайся к черту.

* * *

У милого шуба нова,
Голуба фантазия;
Меня гулять-то не пускали,
Я в окошко лазила.

* * *

«Открой, маменька, оконце:
Смерть головушка болит».
— «Врешь ты, подлая девчонка,
За углом милый стоит!»

* * *

Мой миленок не теленок:
Давай целоваться,
Тятыка в риге, мамки нет —
Некого бояться.

* * *

Голова у меня кружится,
Пойду к доктору лечиться;
Доктор спросит, чем больна, —
Семерых люблю одна.

* * *

Девки белятся, румянятся,
Румяна нипочем,
А моя-то расхорошая
Натрется кирпичом.

* * *

Погуляла я до дела —
Полюбила маслодела;
Как ни выйду за порог —
Все сметана да творог!

* * *

Слава богу, ржи немного,
Молотить один овес;
А мой милый что спровадил —
О Петрове дни замерз!

* * *

Уж как наши-то ребята
Простоквашей давятся;
Целоваться не умеют —
Сватать собираются.

* * *

Шел Алешка вдоль окошка,
Проступился в ямочку;
Проступился в ямочку —
Сломал гармонь-тальяночку!

* * *

Базар большой,
Купил поросенка.
Всю дорогу целовал,
Думал, что девчонка.

* * *

— Дорогой, куда поехал?
— Дорогая, в Ленинград.
— Дорогой, и я с тобою.
— Дорогая, очень рад.

* * *

Я ковыль, ковыль косила —
Ковыль ноги заплетат.
Я богатого любила —
Бедный лучше завлекат.

* * *

Гармонь нова, сторублева,
А мехов-то двести.
Я неделю с милкой врозь,
В воскресенье вместе.

* * *

Ты, милашка, не балуй,
При народе не целуй...
Целуй, целуй в улочке,
В темном переулочке.

* * *

Утка сера, утка сера,
До пера вся серая, —
Я любила, ты отбила —
Я бы так не сделала!

* * *

На меня, на молодую
Девята слава во году!
Пусть идет десятая —
Я не виноватая!

* * *

Ох, ох! Не дай бог
С пекарями знаться!
Руки в тесте, нос в муке ---
Лезут целоваться.

* * *

Сегодня щи
И завтра щи;
Приходи, моя милая,
На печи меня ищи.

* * *

Пошла плясать ---
Сапоги дерутся,
Шуба рвана, без кармана ---
Мальчики смеются.

* * *

Уже топну я ногой,
Притопну ногой,
Не бывать тебе, дружок,
Большим надо мной.

* * *

Двух миленков полюбила ---
Ивана да Петра;
За Ивана бранит мама,
За Петра бранит сестра.

* * *

Пляши, моя головушка,
Умерла свекровушка;
Кабы свекра уморить,
Я бы знала, как пожить.

* * *

Я по бережку иду,
Конечно, не по самому;
Не корилась и не буду
Ухажеру старому.

* * *

По заветной тропочке
Износил подметочки,
Только новые купил —
Кто-то милую отбил.

* * *

Мой миленок как теленок,
Только веники жевать:
Проводил меня до дому
И не мог поцеловать.

* * *

А мы с миленьким сидели,
Он молчит, и я молчу.
Я осмелилась, сказала:
«До свиданья, спать хочу!»

* * *

Купи, милый, мне ботинки
На резиновом ходу,
Чтобы наши не слышали,
Когда с улицы приду.

* * *

Сероглазого отвадила
Вино и пиво пить,
Как бы мне его отвадить
Супостаточку любить.

* * *

Через речку есть дощечка
Тонкая, гибучая.
У милого matka бес,
Как крапива жгучая.

* * *

У милого есть сестренка,
Выбирает всё невест.
Выбирает да и спрашивает:
«Котора мало ест?»

* * *

Не кукушечка кукует,
Не соловушка поет,
Мать по дочери горюет —
Лодырь свататься идет.

* * *

Говорил мне дорогой:
«Шибко вечером не пой,
Как услышу голос твой,
Не могу стоять с другой».

* * *

А бессоновски ребята
До чего стали форсить:
Вместо часиков в кармане
Стали луковки носить.

* * *

Приходили меня сватать,
Запросили сапоги,
Еще телку, да корову,
Да муки на пироги.

* * *

Не гордитесь собою,
Модные залеточки.
Мы не бегаем за вами,
Бережем подметочки.

* * *

Вы, ребята, не гордитесь,
Никуда вы не годитесь —
Ни на мыло, ни на мак,
Ни на нюхальный табак.

* * *

Мы с подружкой в лес не ходим,
Без малины чай не пьем.
Губы, брови не наводим,
Без любви не живем.

* * *

Мы с подругой сговорились
Двух товарищей любить.
Они сами догадались,
Стали рядышком ходить.

* * *

Наше поле с вашим рядом,
Наше колосистее.
Наши девушки нарядны,
Ваши пофорсистее.

* * *

В нашем поле ягод боле,
Ягоды спелее.
Нам зареченски девчонки
Кажутся милее.

* * *

Мы с дrolёночком сидели,
Насмешили весь народ:
Целоваться не умели,
Зацепили рот за рот.

* * *

Меня замуж выдавали
На широку улицу,
И приданого давали
Петуха и курицу.

* * *

Раньше я плясал чечетку —
Тогда не было жены,
А теперь качаю люльку,
Ставлю в печку чугуны.

* * *

Если он пошел в задор,
Так и я пойду в задор.
У тебя кривые ноги,
Как осиновый забор.

* * *

Елочка зеленая,
Верхушечка нагнулася.
Хорошему мальчишечке
Растрепа приглянулася.

* * *

Ты носи — тебе идутся —
Сапоги с калошами.
У тебя губы трясутся,
Как у старой лошади.

* * *

Говорят, что боевая, —
Я еще отчаюся.
Говорят, гуляю бойко, —
За себя ручаюся.

* * *

Мы в колхоз козу купили,
Бригадир будет доить.
Председатель захворает —
Молоком будем поить.

* * *

Как шумновские девчонки
Ничего не делают,
Только кудри завивают,
За ребятам бегают.

* * *

Постоим часок,
Да и полчасика,
Я пришла домой
В четыре часика.

* * *

Я пришла домой,
А мать ругается:
До сих пор гулять
Не полагается.

* * *

Кабы рюмочку,
Кабы настоечки,
Кабы Шурочку
Отбить от своечки.

* * *

Мы с миленочком сидели.
Обнимались горячо:
Я ему сломала руку,
Он мне вывернул плечо.

* * *

Не форси, залётина,
У вас рубашка тетина.
А штанишки дядины —
Христа ради дадены.

* * *

Не ругай меня, мамаша,
Что сметану пролила:
У окошка шел Алешка,
Я без памяти была.

* * *

Милый Саша, я не ваша,
Милый Коля, — не твоя.
Дорогой ты мой Сережа,
Вся надежда на тебя.

* * *

Полюбила лысого —
А куда же его деть?
Если зеркала не будет —
Буду в лысину глядеть.

* * *

Я по берегу ходила —
Берег осыпается.
Я беззубого любила —
Лучше — не кусается.

* * *

Только вышла за ворота —
Два подкидыша лежат:
Одному лет сорок восемь,
А другому — пятьдесят.

* * *

Меня милый угостил —
Вниз по лестнице спустил.
Я летела не спеша
Со второго этажа.

* * *

Был миленочек угрюм,
Теперь улыбается:
Зубы вставили ему,
Рот не закрывается.

* * *

Дороги родители,
Войдите в положение:
Любовь не что-нибудь такое —
Сердца заражение.

* * *

Завлеку я, завлеку,
Пусть походит за реку.
За реку да по мосту,
Пущай походит попусту.

* * *

У меня милого нет,
Что же я поделаю?
Возьму пилку и топор,
Пойду в сарае сделаю.

* * *

У подружки два Ванюшки,
У меня ни одного.
Поклонюсь подружке в ножки,
Даст Ванюшку одного.

* * *

Ой, девушки, караул!
Мой миленок утонул —
Не в реке, не в озере —
На задворках, в озиме!

* * *

Кум-то шел стороной,
Кума улицею;
Кум-то пел петухом,
Кума курицею.

* * *

Я, мальчишко, был удал,
Ко чертями в ад попал;
Был с чертом не в ладу,
Ему выдрал бороду.

* * *

Возьму острую пилу,
Пойду яблоки копать,
Помоги-ка, ветер-батюшка,
Мешочки подымать.

* * *

Сапоги сшил из рубашки,
А рубашку из сапог,
Дом поставил из опилок, —
Вышел славненький домок.

* * *

Как верхом на палочке
Ехал зять к кухарочке,
Подпирался кулаком,
Лошадь правил голиком.

* * *

Накануне рождества
Было много воровства:
Девки лешего украли,
Дьявол трубку потерял.

* * *

Мой миленочек сфорсил,
Под лавочку в угол сел,
Пойло выпил, крошки съел,
Лоханку на уши надел.

* * *

Моя милая красива,
Только носик короток;
Восемь курочек усядется,
Девятый петушок.

* * *

Меня маменька рожала —
Мать-земелюшка дрожала.
Я от маменьки родился —
Сорок сажень откатился.

* * *

Не завидуйте, подружки,
Что мой милый едет на телушке;
А мой миленок на быке,
И тальяночка в руке.

* * *

Я у милого из носу
Напилила много тесу,
Девяносто горбушин,
Да остался нос с аршин.

* * *

Как у наших у ворот
Стояла береза;
Я березу обняла
Да Сережей назвала.

* * *

Офанасьевски девчонки
Захотели молока.
Они сели под корову,
А попали под быка.

* * *

Я попову дочку
Посажу на бочку,
С бочки на кадку,
Пойду плясать в присядку.

* * *

Запрягу я кошку в дрожки,
А котенка в гарантас;
Повезу свою милую
В город Вятку напоказ.

* * *

Дайте ножик, дайте вилку,
Я нарежу свою милку.
Дайте ножик повострее,
Я нарежу поскорее.

* * *

У меня милашка есть —
Срам по улице провесть:
Лошади пугаются,
Кучера ругаются;
Черноброва, как корова,
Круглолица, как свинья.

* * *

Стояла я у озера —
Галоши приморозила.
Часты дождички пошли —
Галоши сами отошли.

* * *

На стене часы висели,
Тараканы стрелку съели.
Клопы гири оторвали,
И часы ходить не стали.

* * *

У меня скотины много:
Два ягненка во дворе, —
Одного собаки съели,
А другой — не знаю где.

* * *

Слава богу, понемногу
Стал я разживаться:
Продал дом, купил ворота,
Стану запирается.

* * *

Баба борозду пахала,
Гусь сломал себе ногу.
Летит бык на эроплане —
Я щекоток не боюсь.

* * *

Вы послушайте, девчата,
Нескладушу буду петь,
На дубу свинья кладется,
В бане парится медведь.

* * *

Сидит заяц на заборе —
Не женатый, холостой,
Опоясавши осокой,
К осени жеребится.

* * *

А сегодня, как всегда,
Нескладуша новая,
Упала бабушка с рассадника,
Похожа на ружье.

* * *

Спекулянтам жизнь такая,
Он не пашет и не жнет,
Если соли не хватает,
В Москву яйца несет.

* * *

Яблочко,
Да на завалинке,
Продает офицер
Стары валенки.

* * *

Меткость зрения в себе
Ванька развивает,
Он на дальнем расстоянии
Стекла выбивает.

* * *

Я по радио влюбился
И по радио женился,
И по радио у нас
Октябрина родилась.

* * *

Сидит лодырь у окна
Полдесятого утра.
Пионеры у двора
Кричат: «Лодырь, спать пора!»

* * *

Лодыри да лодыри,
Спали вы до одури.
А делили каравай —
Так кричали все: «Давай!»

* * *

Мой миленок чисто жнет,
Аккуратно вяжет:
Полтора снопа нажнет —
Под телегу ляжет.

* * *

Мне миленок изменил —
С подружкой спознался.
Ну какой он комсомолец?! —
В церкви обвенчался.

* * *

Эх, Қолчак «удалой»,
Шпоры ясные!
Удирай поскорей —
Едут красные.

* * *

Мы германца не боимся,
К туркам в плен не попадем.
Мы возьмем винтовки в руки
И буржуев бить пойдем.

* * *

Партизаны удалые,
Где коней вы путали?
Колчаковцам позадали —
Только пятки стукали.

* * *

Эх, шпоры мои,
Шпоры гнутые!
Мы разбили Колчака,
Как и Дутова.

* * *

У меня миленка нет —
Заявляю в сельсовет.
В сельсовете разберут —
Мне фартового дадут.

* * *

Я миленочку сказала:
«Обними меня, родной».
А миленок отвечает:
«Я сегодня выходной».

* * *

Поговорка у народа,
Что в семье не без урода.
Кто ж у нас такой урод,
Что в работе отстаёт?

* * *

○ Бригадир у нас хороший,
Он всегда с улыбочкой.
Кому надо лошадей —
Приходи с бутылочкой.

* * *

Отчего машина встала?
Не работает мотор:
Под штурвалом спит штурвальный,
Под мотором — комбайнер.

* * *

○ Я звоню по телефону:
«Дайте срочно мне райком».
А на станции заснули.
Добегу скорей пешком!

* * *

Мы культурно стали жить,
Провели нам радио,
По три дня оно молчит
Всей деревне на диво.

* * *

○ То-то парень утомился,
До заката не присел:
В поле милочка работала,
А он стоял, глядел.

* * *

○ Я хорошая работница,
Работы не боюсь:
Если правый бок устанет —
Я на левый повернусь.

* * *

Про колхоз «Сигнал» идут
Некрасивы речи:
Корнеплоды полют тут
Языком да с печи.

* * *

Очень ясная погода,
Замечательный денек!
Пчелы мед с полей таскают
Председателю в чаек.

* * *

Хорошо тому живется,
Бригадир кому родня:
Поработает немного,
Пишет боле трудодня.

* * *

Бригадирова жена —
Богова коровушка,
На работу не выходит
До заката солнышка.

* * *

○ Бригадирова жена
В шубу нарядилася,
Только вышла за калитку —
Сразу простудилася.

* * *

○ Председатель блины пек,
Счетовод подмазывал,
Кладовщик об этом знал,
Никому не сказывал.

* * *

○ Как Макарка-бригадир
К нам в частушки угодил.
А потому он угодил —
Часто с поля уходил.

* * *

○ Агроном сидит в конторе,
Нос в чернильницу клоня,
Сорок галок на заборе
Насчитал он за три дня.

Как в Подгорском-то колхозе
Лошадь лестницу грызет,
А корова с ридикулем
К председателю идет.

* * *

Как у наших у ребят
Голова из трех частей:
Вентилятор, карбюратор
И коробка скоростей.

* * *

Твой миленок учится,
Не знаю, что получится:
Или летчик в облака,
Или шофер на быка.

* * *

Бригадир, бригадир,
Коротенькие ножки,
Скоро снегу нападёт —
Не выкопать картошки.

* * *

Я на печке сижу,
Нитки сматываю.
Каждый день трудодень
Зарабатываю.

* * *

У меня на сарафане
Косолапы петухи.
Я сама не косолапа,
Косолапы женихи.

* * *

Сидит Гитлер на заборе,
Просит кружку молока,
А колхозник отвечает:
«Не доил еще быка».

* * *

Сидит Гитлер на заборе,
Плетет лапти языком,
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является первым собранием сатирических стихотворных произведений русского фольклора. В книгу включены наиболее значительные в художественном и историческом отношении тексты сатирических песен, былин, «действ» и частушек (в основном в записях от середины XIX века по настоящее время).

Варианты некоторых произведений приведены в основном тексте лишь в тех случаях, когда они существенно отличаются друг от друга и имеют самостоятельную художественную ценность.

Весь материал сгруппирован по жанрам в трех разделах: «Сатирические песни и былины», «Сатирические „действия“» и «Сатирические частушки».

В основу композиции первого и третьего разделов положен тематический принцип. Так, в одном месте собраны антицерковные и антимонастырские песни и былины, песни о Дуне-тонкопрахе и т. д. В последнем разделе материал сгруппирован в такой последовательности: вначале публикуются дореволюционные частушки, направленные против социального гнета, затем сатирические и юмористические частушки разных периодов на любовные и бытовые темы и наконец частушки, созданные в советский период, осмеивающие врагов социалистической родины, подшучивающие над недостатками в народной среде. Второй раздел расчленен на три части. В первую включены произведения, составлявшие репертуар народного театра (народная драма, тексты кукольного «действия» и райка). Вторая часть раздела, объединяющая подписи к лубочным картинкам, а также раешные сказки и присказки, дополняет наше представление о народных «действиях». Третью часть составляют «свадебные указы»: это — в полном смысле слова — приложение ко всему второму разделу. Из множества подписей к лубочным картинкам в настоящем издании представлены преимущественно позднейшие, никогда не включавшиеся в книги по истории литературы XVII—XVIII вв. и более тесно, на наш взгляд, связанные с устно-поэтической традицией.

Тексты всех произведений публикуются по наиболее авторитетным научным сборникам и специальным собраниям. Ссылкой на источник текста начинается каждое примечание. Некоторые записи публикуются впервые. Перепечатки указываются лишь в тех случаях, когда первая публикация имеется в издании, являющемся библиографической редкостью.

Собиратели народного творчества, в зависимости от поставленных перед ними задач, отнюдь не в одинаковой степени сохраняли

особенности речи устно-поэтических произведений, поэтому в настоящем сборнике некоторые тексты разнятся по языку: в одних он ближе к литературному, в других более насыщен диалектизмами и архаизмами. В отдельных случаях литературность языка произведений устно-поэтического творчества является отражением грамотности и начитанности их исполнителей.

Орфография в настоящем издании приближена к современной в той мере, в какой она не затрагивает стилистических особенностей народной речи и звукового облика текста. В тех случаях, когда те или иные фонетические особенности в пределах одного произведения не имеют устойчивого характера, они были унифицированы. Слова, неудобные в печати, обозначены тремя точками.

Список условных сокращений дан к каждому разделу примечаний.

САТИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И БЫЛИНЫ

Условные сокращения

- Андреев — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, под редакцией М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, тт. 1—3. Л., 1936—1940.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. 3. М. — Л., 1951.
- ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. 1. М., 1904.
- Громов — Народное творчество Дона. Редакция текстов, вступительная статья и комментарии П. Т. Громова, кн. 1. Ростов-на-Дону, 1952.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, под редакцией М. Н. Сперанского, вып. 2, часть 2 (Песни необрядовые). М., 1929.
- Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов, под редакцией Д. С. Лихачева. М. — Л., 1958.
- Марков — Беломорские былины, записанные А. Марковым, с предисловием В. Ф. Миллера. СПб., 1901.
- Милиц — Сказки и песни Вологодской области. Составители С. М. Милиц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.
- Париков — И. Г. Париков. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948.
- Рыбникова — М. А. Рыбникова. Загадки. М. — Л., 1931.
- Садовников — Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Садовников. СПб., 1875.
- Сидельников — Волжский фольклор. Составили В. М. Сидельников и В. Ю. Крупянская. С предисловием и под редакцией Ю. М. Соколова, М., 1937.

Соболевский — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 7. СПб., 1898.

Чулков — Сочинения М. Д. Чулкова, т. 1. Собрание разных песен (части 1, 2, 3 с прибавлением 1770—1773 гг.). СПб., 1913.

Шейн — П. В. Шейн. Русские народные песни, ч. 1. М., 1870.

Шейн (Великорус) — П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 1. СПб., 1898.

«Как у нас в сельце Поливанове...». Шейн (Великорус), № 965. К песне у П. В. Шейна дано примечание, сообщающее, что настоящий текст был записан по приказу императрицы Анны Иоанновны, о чем она писала С. А. Салтыкову 30 июня 1739 г. За этой песней был послан специальный человек, записавший ее.

«Как за барами житье было привольное...». Н. Бродский. Крепостное право в народной поэзии. Сб. «Великая реформа», т. 4. СПб., 1911, стр. 18. Бродский обнаружил эту песню в «судном деле» о побегах крепостных Саратовской губернии в середине XIX в. Вариант этой песни, записанный М. Н. Голубевым (в селе Никольском, Мелекесского района, Куйбышевской области), хотя и сокращенный, еще более резок:

Вы укройте, леса, нас, станишников,
 Напой, река, беглых каторжников,
 А ты, степь ли, степь наша ровная,
 Ты неси коней глаже скатерти...
 Мы задумали дело правое,
 Дело правое, думу честную:
 Мы царицу, шлюху поганую,
 Призадумали с трону спихивать...
 Мы дворян-господ на веревочки,
 Мы дьяков да ярыг на ошейнички,
 Мы заводчиков на березоньки,
 А честных крестьян на волю вольную.

(см.: Сидельников, № 38—39; здесь эта песня отнесена к эпохе Пугачева, стр. 196). *Слега* — жердь.

«Вы, бродяги, вы, бродяги...». Киреевский, № 1799. Песня о трагической судьбе беглых солдат, отчасти примыкающая к сатирическим.

«Как и нынешняя весна...». Киреевский, № 1976. Записана П. В. Киреевским в слободке Киреевке, Орловского уезда. В песне пародируются масленичные обряды. *Приход* — местность, которую обслуживает данная церковь.

«Старики наши старые!..». Шейн, № 39. Записана от солдатки в Елифановском уезде, Тульской губернии. Ироническая похвала «сытой» жизни крепостной челяди.

«За горами, за долами..». Киреевский, № 1945. Записана в Орле. Песня, вероятно, связана с творчеством городского населения.

«Серый кот кубовастый..». Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 3. СПб., 1867, стр. 337. Сатира на приказных-подьячих. В текст песни введены строки из пьесы «Царь Максимилиан»: «Здравствуйте, господа сенаторы!» и т. д. Далее — цитата из небылицы «Не любо — не слушай..». *Кубовастый* — толстый, раздутый в боках. *Возгревастый* — замаранный. *Орут* — здесь: пашут.

«Богатую взять — будут попрекать..». Шейн (Великорус), № 604. Сообщена Н. А. Александровым (Вятская губерния). Судя по упоминанию «фабричной» девушки, песня сравнительно поздняя.

Из монастыря Боголюбова старец Игренища. Кирша Данилов, № 46. Столкновение с *десятильниковыми* — сборщиками десятины (налога с монастырей) — и посрамление их свидетельствует о возникновении (или, возможно, переделке) песни в среде младшего духовенства. *Комчатый* — шелковый.

Чурилья-игуменя. Кирша Данилов, № 56. Песня иронически рисует монастырский быт. Как и другие сатирические произведения из этого сборника, песня, возможно, восходит к традиции свадебных песнопений (см.: В. Чернышев. Предисловие к сб. «Русская баллада», Л., 1936, стр. 12). Возможно, отсюда ее фрагментарность, нагромождение образов. *Благовещение* — христианский праздник (7 апреля н. ст.); в этот день, по евангельской легенде, архангел Гавриил предсказал Марии рождение сына Христа. *Галицы* — галки. *Крылос* — клирос, место в церкви, где стоят певчие. *Четью петь*. Четьи-минеи — произведения церковной литературы, повествующие о жизни святых (по порядку месяцев и дней внутри каждого месяца). *Сором* — срам. *Тонцы* — игры, пляски.

«За святыми воротами черничка гуляла..». Иван Прач. Собрание русских народных песен с их голосами, ч. 1. СПб., 1790, стр. 115. В. М. Беляев относит эту песню к песням «протеста против монашества» (см. его вступительную статью к кн. «Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач». М., 1955, стр. 15). *Камилавка* — высокий цилиндрический (с расширением кверху) головной убор православных священников, который жаловался в качестве знака отличия.

«В одной келье монах бедный спасается...». М. И. Семевский. Торопец (1016—1863). «Записки Русского географического общества», 1864, кн. 2, № 81.

«Что во Киеве во монастыре...». Соболевский, № 335. Взята из рукописного сборника XVIII в., № 138 (рукопись — в ГПБ, О. XIV, 44).

«Как пошел наш чернец погуляти...». «Воронежские губернские ведомости», 1851, № 18. Перепечатка — Соболевский, № 341.

«Вкруг я келейки хожу...». А. Я. Кокосов. Круговые игры и песни в селе Ушаковском. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. 2. СПб., 1869, стр. 414. Записана в Щедринском уезде, Пермской губернии.

«Как под грушицею под кудрявою...». И. Е. Пальчинов. Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке, Мензелинского уезда, Уфимской губернии. СПб., 1888, № 29.

«Стрилецким ребятам...». Киреевский, № 1909. Записана в Козловском уезде, Рязанской губернии. В основе песни пространственный фольклорный мотив проникновения в монастырь парня в женском платье. *Тын* — забор.

Попы — тараканы черные. Публикуется впервые. Записана Б. С. Лащиным от К. А. Земцова (75 лет) на хуторе Фортлидском, Хоперского района, Сталинградской области, в 1952 г. По характеристике собирателя, Земцов — любитель шуточных, потешных песен, участник постановки народной драмы «Ермак», где исполнял комическую роль старика-гробокопателя.

«Братья вы, братья!...». Киреевский, № 1973. Записана П. В. Киреевским от «Никитушки» (имя певца) в Орловском уезде, в Киреевской слободке, где собиратель жил с января 1837 г. Песня, судя по рифмовке, поздняя, связана со сказками-небылицами и приговорами о попах. *Поп толоконный лоб*. Этот образ использован в пушкинской «Сказке о попе и о работнике его Балде». *Редьшны* — из редьки. *Репьшны* — из репы.

«Шел солдат с походу...». «Песни и сказки Воронежской области». Воронеж, 1940, стр. 108.

Усы, удалы молодцы. Кирша Данилов, № 64. Песня в сатирической форме рассказывает о нападении «усов» — разбойников — на богатого крестьянина. Песне свойственны черты небылиц (см. описание еды «усов»), смешных присказок (с характерными рифмами: Афанас — за нас; Агафон — поди вон), сатирической сказки (образ дурака на печи). Все это переводит изображе-

ние конфликта в иронический план. *Щепетко* — нарядно. *Комчатый* — см. стр. 416.

«А х, усы, усы проявились на Руси...». Киреевский, № 2513. Записана С. П. Шевыревым в селе Даниловке, Петровского уезда, Саратовской губернии.

«Эй, усы, усы проявились на Руси...». Чулков, № 199. В этом варианте песни особенно подчеркнуто, что объект нападения — «богат мужик». *Пестрядинный* — из пестряди, грубой бумажной ткани пестрой окраски. *Азям* — кафтан. *Шумаркайте* — сговаривайтесь потихоньку. *Ендова* — сосуд для вина.

Кто Травника не слышал. Кирша Данилов, № 65. В. Чернышев считал, что эта песня — история волокиты, пострадавшего от некоего мужа и от официального суда (см. примечания к сб. «Русская баллада». Л., 1936, стр. 466). Можно, однако, предположить, что в песне о Травнике в причудливой форме речь идет о беглом крестьянине, побывавшем в тюрьме. Подобные иносказания — явление обычное в народной поэзии (см. былинку «Птицы и звери» или стихотворную сказку «Ворона-карабута»). Б. Н. Путилов в примечаниях к сборнику Кирши Данилова пишет, что «образы, подобные Травнику, с характерным отождествлением в них черт человека и птицы, выросли в фольклоре из непосредственной языковой практики путем «раскрашивания» метафоры, имевшей хождение в обыденной народной речи (зерном этой метафоры могло явиться хотя бы применение глагола «летает» к непоседливому человеку)» (Кирша Данилов, стр. 559). *Зуй болотиник* — кулик. *Шелудяк* — имеющий на коже струпья. *Столочил* — вытоптал.

«Протекло теплое море...». Киреевский, № 2813. Изображение сословного государства под видом государства зверей, птиц, рыб, грибов и проч. — один из распространенных приемов устно-поэтической сатиры, известный с глубокой древности. Старейший вариант этой песни известен по записи Ричарда Джемса 1618—1619 гг. Б. А. Ларин воспроизвел его в своей книге «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618—1619» (Л., 1959, стр. 200):

Гуси — крестьяне,
Стучики — попы,
Лебеди — дворяни,
Жэравли — розбойники,
Тетери — <г>лухманы,
Вши — попадьи,
Рыба слохат <слопат?>,
Рыба сглотит
Мяса не ест,
Выгонит назад... .

В комментариях приводится еще «скоморошья пародия», также, видимо, связанная с приведенным текстом (см. там же, стр. 314). Оба отрывка, опубликованные Б. А. Лариным, свидетельствуют о том, что социальные мотивы уже звучали в самых старых вариантах песни. Некоторые образы былины были использованы А. Н. Островским в прологе к «Снегурочке». Другой вариант песни, под названием «Птицы», существенно отличается от приведенного нами, см.: «Этнографическое обозрение», кн. 83, 1909, стр. 181. Третий вариант, под названием «Птицы и звери», см. в «Онежских былинах, записанных А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. 1, изд. 2-е, СПб., 1894, № 62.

«Совонька, Совонька...». Парилов, № 32. Записана от П. С. Серякова (колхозника 84 лет) в 1943 г. Составитель сообщает, что Серяков в недалеком прошлом был песенником, известным за пределами своего района. К моменту записи он уже был очень дряхл и свои песни, главным образом любовные и шуточные, пересказывал. Песни эти часто представляют собой контаминацию старых текстов (Парилов, стр. 221). *Лунь* — хищная птица.

«Отчего у нас зима становилася?..». Печ. по рукописи Архива Всесоюзного географического общества, фонд XXXV, № 12. Былина записана самим сказителем И. А. Касьяновым из Космозера, Онежской губернии, в начале 1872 г. Под воздействием властей и, может быть, зажиточных крестьян былина в живом бытовании постепенно утрачивала свой обличительный характер, — это отметил еще П. Н. Рыбников в 1861 г. в письме к П. А. Бесонову. Говоря о том, что полного варианта он «не слышал нигде», Рыбников так объясняет этот факт: «Многие стихи утратили первоначальный вид и резкость характеристики по вполне понятным причинам. Насмешливое отношение к предмету только пронизывает кое-где и совершенно ясно лишь в следующих стихах:

Ястреб на море — стряпчий:
С богатого двора берет по куренку,
С вдовы-сироты берет по два и по три:
То есть великая в нем неправда».

(Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 3, изд. 2-е, 1910, стр. 314—315; курсив автора). О Касьянове и его рукописи см.: В. Бахтин. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга. «Русский фольклор», т. 2. М.—Л., 1957, стр. 230. Вариант Касьянова является одним из лучших и наиболее полных. Как выяснил В. С. Бахтин, собиравший Ф. Истомин и Т. Дютш, записавшие от Касьянова эту былинку в 1890-е годы, при опубликовании ее в сб. «Песни русского народа» исключили из текста все социально острые места. *Погост* — место около церкви и кладбище. *Чёботы* — башмаки. *Бажёна* — любимая, *Калашник* — пекарь.

Челобитье птиц. Шейн (Великорус), № 985. Записана Н. Ивановичим в Кадниковском уезде, Вологодской губернии. Объединяет жанровые признаки песни и стихотворной сказки (ср. Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914, № 89). *Суслон* — несколько снопов, поставленных в поле для просушки колосьями вверх и покрытых сверху снопом. *Зорит* — разоряет.

«Во лесе, во лесе...». Киреевский, № 1974. Записана П. В. Киреевским от «Никитушки» в Киреевской слободке Орловского уезда. Песня пародийного характера, близка к былинам типа «Птицы и звери», к сказкам-небылицам (развитием сюжета) и детским дразнилкам («Сорок кадушек Соленых лягушек, Сорок амбаров Сухих тараканов»). *Лунищи* — луни, хищные птицы.

Спор птиц и суд орла. Шейн (Великорус), № 986. Записана Брагиным (учеником реального училища) в Козельском уезде, Калужской губернии. Сатира на привилегированные сословия. *Журав* — журавль. *Горбд* — здесь: огород.

Ловля филина. Григорьев, № 161. Записана от Улиты Дмитриевны (53 лет) в Архангельской губернии. Начала в варианте Улиты Дмитриевны нет. В другом варианте — более сжато — былина начинается с совета:

Собиралися ребятушки во единое собраньице,
Заодно ли думу думали, да заодно совет советовали.
«Да уж мы как же, ребятушки, да будем филина ловить?»

(Григорьев, № 154). *Пожня* — покос, луг. *Наволок* — пойма, луг. *Трепестался* — бился, содрогался.

Старина о большом быке. Гильфердинг, № 303. Записана от Е. Я. Завала (крестьянина-коновала, старообрядца) в Кенозере. По словам Гильфердинга, Зазал — «мастер рассказывать сказки и шуточные повестушки» (Гильфердинг, стр. 526). В отличие от других вариантов былины (Гильфердинг, № 297, Шейн, № 20), здесь дана развернутая характеристика всех действующих лиц, участвовавших в злоключениях бычьей кожи, бычьего мяса и потрохов. *Вязивце* — веревка. *Клепки* — ножи.

«Ерема из Белева...». Киреевский, № 1975. Записана П. В. Киреевским в Киреевской слободке Орловского уезда. В записи пометка: «Никитушки». Песня — сатира на глупцов-неудачников, иногда переходящая в небыльщину (особенно в варианте Соболевского № 23: «Ерема без рук, а Фома без губ...»). В большинстве вариантов песни подчеркнута социальная направленность сатиры: в первом тексте Соболевского Ерема и Фома — купцы, «торговые люди»; во втором они поначалу помещики: «у Еремы деревня, у Фомы село»; в третьем — они торговые люди, в четвертом (взятом из лубочной картинки — см.: Д. Ровинский. Русские народные

картинки, кн. 1. СПб., 1900, стр. 426) есть лишь намек на их материальную устроенность: «ладно живали, вместе сладко едали»; то же в пятом варианте; в шестом: «они ладно живали, хорошо хаживали»; в седьмом: «они сладко ели» и т. д. и т. п. Лишь в очень немногих вариантах Ерема и Фома просто глупцы и неудачники, отсюда и их бедность (Соболевский, № 11). В некоторых вариантах Ерема и Фома — шуты, музыканты, гусельники или домристы (впрочем, упоминание о том, что один из них играет на гуслях, а второй на домре, есть почти во всех вариантах песни). В шестом варианте Соболевского Ерема и Фома из музыкантов — «торбанистов с торбанами». *Вязиница* — веревка. *Шлычек* — женский головной убор, повязка.

Ерема да Хома. Публикуется впервые. Записана В. С. Бахтиным и Д. М. Молдавским от А. И. Вавиловой в хуторе Каменка. Пыталовского района, Псковской области, 21 июля 1946 г. Вавилова — известная в районе песенница, знаток многих песен и сказок.

«Жардодон, жардодон!». Шейн (Великорус), № 960. Сообщена Л. П. Майковым. Примыкает к песням (и сказкам) о дураках, делающих все невпопад. *Пора* — подпора.

«Побежал наш дурында...». Шейн (Великорус), № 966. Записана П. В. Шейном в окрестностях Твери в 1859 г. Примыкает к песням-сказкам о дураках. См. нашу статью и комментарии в кн.: «Русская сатирическая сказка». Л.—М., 1955. По сравнению с вариантом Кириши Данилова (№ 58) отсутствует эпизод с чертями:

Нашел он, дурень,
 Две избы пусты,
 В третьей людей нет.
 Заглянет в подполье —
 В подполье черти
 Востроголовы,
 Глаза что часы,
 Усы что вилы,
 Руки что грабли,
 В карты играют,
 Костью бросают,
 Деньги считают,
 Груды переводят.
 Он им молвил:
 «Бог вам в помощь,
 Добрым людям!»
 А черти не любят,
 Схватили дурня,
 Зачали бити,
 Зачали давити,
 Едва его, дурня,
 Жива отпустили.

Кроме того, в тексте нет концовки, имеющейся в ряде других вариантов; у Кирши Данилова она особенно характерна:

Наехали на дурня
Солдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити.
Тут ему, дурню,
Голову сломили
И под кокору бросили.
Тут ему; дурню,
И смерть случилась.

Важно указание, что дурень — не крестьянский сын (его поучают: «Ты бы молвил крестьянским детям...»).

«Лень моя, лень, лень ленивая!..». Игровая песня Щигровского уезда, Курской губернии. Во время игры один из участников, изображающий лень, сидит на полу, к нему по очереди садятся девочки, которых он называет невестами (см. Шейн. Велико-рус, стр. 51). 12-й стих пропущен в записи. В центре песни абстрактный персонаж — лень, напоминающий таких аллегорических героев, как Судьба, Горе-Злосчастье и др.

Сергей хорош. Кирша Данилов, № 7. *Повесть* — помещене над хлевом. *Яловица* — неягнвившаяся овца. *Могорец* — могарыч.

Про гостя Терентища. Кирша Данилов, № 2. Сатирическая былина, в основе которой, вероятно, лежит сказочный сюжет (см.: Андреев, № 1361, 1). Место действия — Новгород. Герои — представители купеческого класса, что придает всей былине социальный оттенок. Этим и объясняется позиция рассказчика, — все симпатии его не на стороне молодых любовников или обманутого мужа, а на стороне ловких скоморохов. В варианте из сборника Григорьева (№ 4) социальный момент снят — все действие переносится в план обычной шутовской песни о супружеской неверности. *Тын* — забор. *Вальящетыя* — точеные, резные. *Верей* — столбы, на которых навешиваются створки ворот. *Подворотина* — *рыбий зуб* — т. е. отделанная резьбой из моржовой кости. *Гридня* — помещение в княжеском доме, где князь проводил время с дружинниками. *Матица* — балка, опора потолка. *Валженная* — таволжная, т. е. из таволги (порода дерева). *Муравленая* — глазированная. *Золовые* — возвышение, устраиваемое на кровати для головы. *Шлык* — см. стр. 421. *Камка* — шелковая цветная ткань с узорами. *Баберековый* — из шелковой ткани, гладкой или с золотыми и серебряными узорами.

«Ой, черема зеленая...». Соболевский, № 254.

«Что со вечера погода, со полуночи метель...». Записана В. С. Бахтиным и Д. М. Молдавским 21 июля 1946 г. от А. И. Вавиловой в хуторе Каменка, Пыталовского района, Псковской области, в числе ряда других песен и сказок (главным образом легендарных и бывальщин). *Касно* — стыдно.

«По белой по пороше...». «Ярославские губернские ведомости», 1892, № 31. Перепечатка — Соболевский, № 177. Записана В. Орловым. В ряде вариантов песни муж находит любовника, в одних он великодушно просит накормить-напоить любовника и отпустить его; в других — просто стыдит жену.

«У стара мужа жена...». Киреевский, № 2364. Записана в Симбирском уезде.

«На горе, горе...». Киреевский, № 1831. Записана в Рязани. Интересна «параллельным» развитием мотива возрастного неравенства: старик уговаривает выйти за него молодую девушку, старуха стремится выйти за молодого парня. *Сыта* — медовый взвар на воде или подслащенная медом вода.

«На улице срамота...». Шейн (Великорус), № 636. Сообщено Г. Н. Потаниным. Самарская губерния. Плясовая песня.

«Уж вы, бабы, уж вы, бабы...». Киреевский, № 2016. Записана П. Якушкиным и А. Костровым в Малоархангельском уезде, Орловской губернии.

Плясовая. Киреевский, № 2557. Записана А. С. Пушкиным не ранее 1830 г. в селе М. Болдино, Нижегородской губернии. М. К. Азадовский пишет, что собирательская деятельность Пушкина была «чрезвычайно интенсивна... К середине 30-х годов у него составилось небольшое, но довольно разнообразное собрание сделанных им записей. Он записал (в подробных конспектах, с сохранением многих подлинных выражений) ряд сказок от Арины Родионовны; в Михайловском же записал несколько исторических песен (в том числе песню об Аракчееве), большое количество лирических и свадебных песен... причем в свадебных песнях он тщательно отмечал приуроченность каждой песни к тому или иному моменту обряда. В 1826 г. Пушкин совместно с С. А. Соболевым задумывает издать сборник народных песен. Этот замысел еще не освещен с достаточной полнотой в литературе, и о нем можно судить только по некоторым намекам и скудным упоминаниям в письмах и мемуарах того времени. На основании имеющегося материала можно думать, что задача издания рисовалась по-разному тому и другому: Соболевский больше интересовался изданием образцового песенника, Пушкин же думал о научном издании и очень серьезно готовился к этой задаче; так, в частности, он занимался сличением и упорядочением вариантов напечатанных ранее песенных текстов. Киреевский, вплотную уже приступивший к собиранию песен, предлагал

даже (в 1832 г.) передать Пушкину свои записи; в дальнейшем, однако, Пушкин не осуществил своего намерения и сам передал все свои материалы Киреевскому (так же как и Соболевский), обещая написать к его изданию предисловие; обещание осталось неисполненным, но план этого предисловия вместе с планом издания сохранился в бумагах поэта и показывает, как широко смотрел Пушкин на задачи издания и изучения». (М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 249—251).

«На палате, при лопате...». Шейн, № 175. В текст хороводной песни включена перефразированная загадка: «Две кумушки кланяются, а вместе не сходятся», или: «Два стоят, не сойдутся — два лежат, не сойдутся» (Садовников, №№ 85—86), или: «Два братца не сойдутся, пояском подпоясаны одним» (Рыбникова, № 163).

«Всю куделюшку припряла...». Минц, № 59. Записана в 1920-х годах А. Вецрумб в Грязовецком уезде, Вологодской губернии. Распространенный песенный сюжет — любовник впотьмах входит в избу.

«На речке на Дунае...». Киреевский, № 1833. Записана в Рязанской губернии.

«У Спаса к обедне звонят...». Кирша Данилов, № 62. *Приход* — местность, которую обслуживает данная церковь. *Кокешник* — женский головной убор. *Чёботы* — см. стр. 419. *Камка* — см. стр. 422.

«Да и что ж это за горе, за беда!...». Киреевский, № 2002. Записана в Малоархангельском уезде, Орловской губернии, в 1843 г. Песня пародирует лирические песни о жестокой свекрови.

«Расколись, сырой дуб...». Киреевский, № 2001. Записана в Малоархангельском уезде, Орловской губернии, в 1843 г. Плясовая песня.

«Гуляй, гуляй, голова...». «Воскресный досуг», 1867, № 243, стр. 282. Записана в Курской губернии. Перепечатка — Соболевский, № 95.

«Выду на улицу...». Киреевский, № 1829. Записана в Рязанской губернии.

«Обещался дворянин...». «Владимирские губернские ведомости», 1860 № 26. Записана в Судогодском уезде, Владимирской губернии. Перепечатка — Соболевский, № 114. Другой вариант песни («Обещался мещанин...») см.: «Живая старина», СПб., 1892, вып. 2, стр. 165.

Нелюбая жена. Шейн (Великорус), № 867. Записана П. В. Шейном в деревне Урусовке, Раненбургского уезда, Рязанской губернии. *Журливая* — ворчливая.

«Да посеяли девки лен, лен...». Киреевский, № 2036. Записана в селе Успенском, Малоархангельского уезда, Орловской губернии.

«Ой быль моя, быль...». Киреевский, № 2050. Записана там же, где и предыдущая. *Колотовка* — ворчливая женщина.

«Мужик пашенку пахал...». Киреевский, № 2045. Записана там же, где и две предыдущие песни.

«Пошел козел в огород...». Ф. Лаговский. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний (собранные и положенные на ноты). Вып. 1. Череповец, 1877, № 97. Записана в Галичском уезде, Костромской губернии.

«Баба на печи сидела...». Минц, № 64. Записана А. А. Шустиновым от Чернышева в Кадниковском уезде, Вологодской губернии. *Кокошник* — см. стр. 424. *Камчатный* — узорчатый, от камки (см. стр. 422). *Целик* — лес, где еще не производились порубки.

«На печке сижу...». Шейн (Великорус), № 948. Записана П. В. Шейном от А. Шлонина в селе Парское, Шуйского уезда, Владимирской губернии, в 1874 г. *Опушка* — меховая обшивка по краям одежды.

«Ой на печечке сидела...». Громов, № 3. Записана от А. Я. Калининой в хуторе Лебяжьем Ростовской области.

«Уж ты, тетушка Арина...». Киреевский, № 2333. Записана П. И. Перевлеским в селе Заикино, Мценского уезда, Орловской губернии, в августе 1836 г. *Кудель* — волокно для пряжи.

«Вздумалось Кате в гости в деревеньку...». Минц, № 66. Записана М. Б. Едемским от А. М. Коптяевой в Тотемском уезде, Вологодской губернии, в 1924 г. *Кросна* — ткацкий станок.

«Мой муженька, работяшенька...». Сидельников, № 59. Записана Р. М. Акульшиным в Богатовском районе, Куйбышевской области.

«Пошла Дуня под тачок...». Киреевский, № 2176. Записана П. И. Якушиным в селе Круглое, Малоархангельского уезда, Орловской губернии. *Чумак* — торговец рыбой и солью.

«Наша Дуня не точет, не прядет...». Киреевский, № 2763. Известны многие варианты этой песни. Тон их разнообразен: от иронически-почтительного (вся работа героини дана в гиперболических очертаниях — все у нее мощное, огромное, массивное) до откровенной насмешки над глупой и неумелой работницей («Пришла к нам Дуня, пришла к нам дура; пива напилась...»; см.: Соболевский, № 19). Образ Дуни-тонкопряхи использован в стихах Александра Прокофьева:

Пора витийствовать, неряхи,
Чтоб в слове выступала соль.
Довольно Дуне-тонкопряхе
Ходить по городу босой.

(А. Прокофьев. Дорога через мост. Л., 1933, стр. 71). *Кросна* — см. стр. 425. *Навой* — вал в ткацком станке, на который навивают основу. *Во лузя* — в луга.

«Пошла наша Дуня на рынок гуляти...». Шейн (Великорус), № 935. Записана С. И. Рачинским в Вельском уезде Смоленской губернии. К песне дано примечание: «Поется на посиделках бабе, которая дремлет за работой». *Кудель* — см. стр. 425. *Берды* — гребень ткацкого станка.

«Пошла наша Дуня По торгу гулять...». Шейн (Великорус), № 936. Записана П. В. Шейном в Новоторжском уезде, Тверской губернии в 1860 г. *Красеньцы* — кросна, см. стр. 425. *Бердецку искала*, т. е. искала берды (см. выше). *Еде* — ехал. *Напарье* (напалье) — бурав.

«Дунька ли ты, Дуняша...». Шейн (Великорус), № 937. Из рукописного сборника Н. А. Александрова (Вятская губерния). *Завертка* — палка с веревкой, деталь прялки. *Стенка* — «часть основы в тканье холста мерою в 10 аршин» (объяснение П. В. Шейна). *Навой* — см. выше.

«Пошла наша Дуня В рыночек гуляти...». Шейн (Великорус), № 938. Записана в Вологодской губернии. *Бёрдачка искати*, т. е. искать берды — см. выше. *Портно* — грубый узкий холст. *Напалье* — см. выше.

«Пряла наша Дуня...». В. М. Орлов. Крестьянские песни, записанные в Тамбовской губернии. СПб., 1890, стр. 17. *Буравль* — инструмент для высверливания отверстий.

«Замешала Марьюшка квашенку...». В. Шошонко. Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Пермь, 1882, стр. 253.

«Растворила я квашеночку...». Шейн (Великорус), № 928. Записано П. В. Шейном от «дворовой» в Новоторжском

уезде, Тверской губернии. Образ неумелой хозяйки близок к образу неудачливой жены из сатирических сказок: «Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки. Захотелось к празднику гостей зазвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался.

— Жена! — говорит он своей бабе. — Муки-то я украл, да боюсь — узнают! Спросят: отколь ты взял такую белую муку?

— Не кручинься, мой кормилец! Я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржанных!» (Афанасьев, № 511).

«По задворью баба шла...». Шейн (Великорус), № 929. Записана Н. А. Иваницким в селе Лопатино, Кадниковского уезда, Вологодской губернии. *Бык-третьяк* — трехлетний бык. *Яловица* — см. стр. 422.

«Приказал мне муж...». Шейн (Великорус), № 947. Записана А. И. Томилиным в Тимском уезде, Курской губернии.

«Как поехал мой муж...». М. И. Семевский. Торопец (1016—1863). «Записки Русского географического общества», 1864, кн. 2, № 154.

«Во поле березонька стояла...». Минц, № 63. Записана М. Б. Едемским от А. М. Коптяевой в Тотемском уезде, Вологодской губернии в 1924 г. Сюжет увоза от старого, нелюбимого мужа соединен с звукоподражательным припевом, усиливающим впечатление мнимой иррациональности и алогичности описываемого.

«Широкая борода...». Шейн, № 1 (стр. 245). Записано А. Шумилиным в Тульской губернии. Плясовая песня. *Торить* — протапывать.

«Чужие мужья добры...». «Русская беседа», 1860, кн. 4, стр. 120. Перепечатка — Соболевский, № 137. Записана в Курской губернии. *Баз* — двор.

«Как у Ванюшки жена...». М. И. Семевский. Торопец (1016—1863). «Записки Русского географического общества», 1864, кн. 2, № 28.

«Сходил козел в огород...». «Календарь Вятской губернии», 1894, стр. 363. Записана в Вятской губернии. *Завихал* — развеял (?).

«В понедельник — на могильник...». «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. 1, 1867, стр. 667. Записана в Пермской губернии.

«Ты живешь на горе...». Киреевский, № 1687. Песня с явным свидетельством связи с украинским фольклором и украинской речью. *Кавуны* — арбузы.

«Три дня бани не топила...». Киреевский, № 2843. Песня о ленивой жене, контаминированная с вариантом былины «Птицы». *Лунь* — см. стр. 419. *Сувстрелись* — встретились.

«Теща про зятя пирог пекла. В этом пироге гри осьмины муки...». Киреевский, № 2838.

«Было у тещи...». Шейн (Великорус), № 922. Записана П. В. Шейном в Данковском уезде, Рязанской губернии.

«Поехал зять к теще...». Шейн (Великорус), № 921. Записана П. В. Шейном в Данковском уезде, Рязанской губернии.

«Теща про зятя пирог пекла, Меду, муки на четыре рубли...». Париков, № 36. Записана от П. С. Серякова в 1943 г. (см. примечание к песне «Совонька, совонька...», стр. 419). В отличие от старых вариантов песни вариант Серякова завершается резким выпадом против «духовного отца».

«Жил я в Польше...». Киреевский, № 2707. Сатирическая песня, очевидно связанная генетически с жанрами сказки-небыльщины, былины-пародии и раешным стихом. Вторая часть песни (о птицах) связана с сюжетом былины «Птицы и звери»; последующая — с небыльщинами и пародиями (см. песню «Комар к мухе убирался...»). Заключительная часть напоминает пародию на описание битвы из былины «Агафонушка». Первые строки песни («Жил я в Польше, не было меня больше...») — типичный раешник. Его, между прочим, использовал в одном из Окон РОСТА В. В. Маяковский. См. Окна РОСТА, № 838 (январь 1921 г.): «1. Белогвардейские заграничные газеты пишут: РСФСР замышляет нападение против Литвы, Эстонии, Венгрии, Германии, Америки, Англии, Франции, Польши.

2. Ладно!

Врите больше!

3. Помните, если белогвардейщина изловчается в такой лжи, она сама нападение готовит.

4. Товарищ,

не ослабевая винтовку держи!». Подробнее об этом см.: Дм. Молдавский. Маяковский и фольклор. Сб. «Советская поэзия и народное творчество». Л., 1955. *Поскони* — стебли конопли. *Петров пост* — пост перед христианским летним праздником — днем апостолов Петра и Павла (29 июня).

«Трынды мои трындушки...». «Ярославские губернские ведомости». 1853, № 33. Собиратель Шестернин предполагает, что песня сложена сельскими портными-отходниками. Составители сборника «Ярославский фольклор» (Ярославль, 1938) Б. Н. Быстрова и Н. Б. Новикова считают, что эта песня — бурлацкая. Можно пред-

положить, что она вобрала в себя бродячие присловия и прибаутки о разных городах и местностях России, а также о населении этих городов и местностей. Упоминание многочисленных торговых центров допетровской Руси, а также стрельцов могло бы свидетельствовать о том, что песня появилась не позднее конца XVII века, но упоминание о Питере говорит, что настоящий вариант — более поздний. *Крашенина* — грубый крашеный крестьянский холст с навивным узором.

«Вареная патока с имбирем...». Киреевский, № 2660. Некоторые строки совпадают с текстом распространенной рифмованной сказки (Афанасьев, № 79):

Пришла Марина,
Ерша помыла...
Пришел Елизар,
Блюда облизал и т. д.

«За нашей деревней...». Шейн (Великорус), № 365. Записана в Енифакиевском уезде, Тульской губернии. *Корогод* — хоровод.

«Две девицы-белолицы...». Шейн (Великорус), № 1001. Сообщена Г. И. Потаниным, слышавшим песню в Самарской губернии. Песня — в заключительной части — пародирует похоронный обряд.

«Стукнуло, грянуло в лесе...». Шейн (Великорус), № 1000. Записана в Самарской губернии. В песне ошутимы черты пародии, высмеивающей псевдогеронческую балладу. *Зазирают* — поглядывают.

«Собирался комарик жениться...». Шейн (Великорус), № 999. Записана А. Шумилиным в Тульской губернии. *Сымочек* — отстой на молоке.

«Ох, матушка, не могу...». Киреевский, № 2368. Записана в г. Симбирске.

«Таракан дрова рубил...». Киреевский, № 1864. Записана в Ряжском уезде, Рязанской губернии. Доставлена собирателю А. И. Поповым в январе 1838 г. Игровая песня.

«Комар к мухе убирался...». Громов, № 75. Записана от А. Я. Калининой в хуторе Лебяжьем, Ростовской области.

«Восколебалось море...». Чулков, № 198. Пародийная песня.

«Как за нашими широкими воротами...». Шейн, № 26 (стр. 473). Свадебная песня, записанная в Рязанской губернии. Шутливое иносказание — неперменная черта свадебных песен и обрядов.

«Кум пиво варил, сладкий мед становил...». Киреевский, № 2745. Песня-пародия на пышные описания пиров в былинах. *Кичка* — старинный праздничный головной убор замужней женщины.

«Ах, яры, яры, яры!...». Киреевский, № 1862. Записана в Ряжском уезде, Рязанской губернии. Передана Киреевскому А. И. Поповым в январе 1838 г.

«Вы послушайте, ребята...». Шейн (Великорус), № 962. Записана в Краснинском уезде, Смоленской губернии, в 1878 г. Песня-небывальщина, имеющая многочисленные параллели в детском фольклоре. В стихах для детей образы этой песни используются очень широко. См. у К. И. Чуковского стихотворение «Путаница»:

Рыбы по полю гуляют,
Жабы по небу летают,
Мыши кошку изловили,
В мышеловку посадили.

(К. Чуковский. Чудо-дерево. М., 1957.)

«Гуляли девушки за быстрой за рекой...». Шейн, № 57 (стр. 202). Записана И. П. Чулковским в Туле. Плясовая песня.

Хмель. Сидельников, № 54. Записана в Богатовском районе, Куйбышевской области. Песня, по словам составителей сборника, поется и как плясовая, и как протяжная (Сидельников, стр. 196). Несколько сокращенный вариант песни «Про хмеля» см.: Шейн, № 1009. В варианте Шейна концовка несколько иная:

Уж я в то время стану крестьянину платити:
Я ударю его в тын головою,
В парный кол головою.

Как и другие новые варианты старых песен, отличается рифмовкой отдельных строк и увеличением числа равностопных строк. *Тын* — забор.

«Уж какая была модненькая...». Ф. Лаговский. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний, вып. 1. Череповец, 1877, стр. 59. Записана в Пошехонском уезде, Ярославской губернии.

«Уж ты, маменька родная...». «Русский филологический вестник», 1880, № 20, стр. 294. Записана в Тульском уезде. *Талантливая* — здесь: удачливая, счастливая.

«Уж как ты, мать, моя маменька...». Минц, № 58. Записана Н. Савушкиной, Ю. Смирновым и А. Филатовой от А. А. Рассмагиной (учительницы) в Грязовецком районе, Вологодской области. От старых вариантов (Соболевский, № 39—44) отличается большей сюжетной четкостью. *Талантливая* — см. выше.

«У бабушки у нашей...». Минц, № 52. Записана Л. Земляковой и И. Панкратовой от О. С. Сокоушичевой в деревне Копылово, Чёбсарского района, Вологодской области. Относится к хороловым и игровым песням. По форме — диалог между двумя участниками игры. Песня обычно исполняется девушками, высмеивающими присутствующих здесь же парней. *Супрядка* — вечеринка, на которой девушки, собравшись вместе, прядут пряжу. *Даси* — даешь. *Кужелёк* — пучок.

«Две курочки, две курочки горох молотили...». Киреевский, № 2699.

«Вокруг тихо, вокруг тихо...». «Воронежские губернские ведомости», 1850, № 51. Перепечатка — Соболевский, № 247. Записано в Воронеже.

«На улице мороз, на печи-то лето...». П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. «Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», 1878, кн. 5, вып. 2, стр. 83. Песня-шутка, приближающаяся к песням-небылицам, близкая к частушкам (особенно первыми строками).

«Жил я у пана...». Громов, № 69. Записана от Чукарина в хуторе Чукаринском, Ростовской области. Песня, связанная с цепными (или кумулятивными) сказками, сюжет которых возвращается к одним и тем же положениям, но с постепенным нарастанием перечислений (см., например, сказку «О козе с орехами». — Афанасьев, т. 1, № 60; ср. Андреев, № 2015).

«Зайка, где ты был-побывал...». «Воскресный до-суг», 1867, № 243, стр. 283. Перепечатка — Соболевский, № 496. Записана в Суджинском уезде, Курской губернии.

«Козел ты мой, козел...». Кораблев. Очерк нравоописательной этнографии г. Онеги. М., 1853, стр. 50. Перепечатка — Соболевский, № 223.

«Тень, тень, потетень...». Минц, № 71. Записана А. Фроловым и И. Фетисовым от А. Карташевой, А. Киселевой и Е. Маму-

хиной в Грязовецком районе, Вологодской области, в 1954 г. Детская песенка См. о ней: Г. Виноградов. Детский быт и фольклор. Иркутск, 1925, стр. 22. Как и некоторые детские игры, песня сохранила черты «взрослого» творчества древнейшей поры, — возможна связь с заговором, с ритуальными вопросами и ответами и т. д. *Спо-няла* — залила.

«Солнышко, солнышко!..» «Владимирские губернские ведомости», 1870, № 36. Записана в слободе Мстера, Вязниковского уезда, Владимирской губернии. Песня связана с детскими песнями, сохранившими глухие отголоски языческих верований. В других вариантах (Шейн (Великорус), № 123 и др.) в число невероятных предметов и положений попадает и поп (здесь он упомянут только в концовке):

Братцы-казанцы,
Пойдемте на зайца,
Зайца убьемте,
Попа привеземте,
Попа за стол,
Попадью под стол.

«Пегушка пегаяя...». Шейн (Великорус), № 203. Записана в Самарской губернии. Сообщена собирателю Г. И. Потаниным.

«Дон, дон, дон!..». Шейн, № 23. Детская шутильная песенка. Другой вариант этой же песни («Тили-бом, тили-бом!..») см.: Шейн (Великорус), № 130. В. В. Маяковский пародийно использовал эту песенку в одном из Окон РОСТА («Тили-бом, тили-бом! Стал гореть Вильсонов дом!» — Европейское обозрение. РОСТА № 3. 1919, ноябрь).

«Иван, болван...». Шейн, № 118 (стр. 68). Детская песенка-разнилка.

«Куколка, куколка...». Шейн (Великорус), № 222. Записана П. В. Шейном в Тверской губернии. Детская считалка. П. В. Шейн называет песни этого типа «жеребьевыми прибаутками». В примечаниях им приведен другой вариант строк, записанный в Москве А. Н. Островским: «Побоялась тиуна. Тиун тебе не судья, судья тебе архиерей» (там же, стр. 38). *Тиун* — искаженное слово тиун, т. е. должностное лицо в древней Руси.

«Посеяли девки лен...». Шейн (Великорус), № 624. Плясовая песня. Первая часть (о поповской корове) напоминает сатирические строки былины «Илья Муромец — Идолище».

У попа была корова
ведь обжорлива,
Много ела-пила,
да и лопнула.

(Сб. «Былины Пудожского края». Подготовка текстов, статьи и примечания Г. И. Парилоной и А. Д. Соймонова, Петрозаводск, 1941, № 318). Вторая часть — своеобразная «дразнилка», бытовые отношения как бы вывернуты здесь наизнанку.

«Гурката, гурката!..». Шейн, № 7 (стр. 5). Записана в Туле учениками уездного училища.

«Как у бабушки козел...». Шейн, № 73 (стр. 46). Детская песенка. В вариантах для взрослых встреча с волком заканчивается иначе. Например, в современном варианте этой очень распространенной песни:

Как ударил волк козла
О сырую мать-землю.
Куда рожки, куда ножки,
Куда буйна голова.
Голова-то ярки
Под колодку лежит.
Пришла бабе весть,
Весть нерадостна.

(Записана В. Бахтиным и Д. Молдавским от песенницы А. И. Вавиловой в 1947 г. в хуторе Каменка, Пыталовского района, Псковской области.)

«Мы просу сеяли...». Шейн, № 147. Записана М. И. Семевским в Опоченском уезде, Псковской губернии. Шутливая хороводная песня, завершавшаяся получением выкупа. Шейн пояснял: «Тут поющим дают хлеб, масло, молоко и др.» (стр. 202).

«Ой, барыни!..». Киреевский, № 2777. Шуточная песня, близкая к содержанию раешника и сказочных реклам-зазываний бродячих торговцев. Ср. запись Н. Г. Козырева «Что мужик на небы видал»: «К продавцу огородных семян, не старому еще мужику, который, по всему видно, за словом в карман не полезет, подходит деревенская баба, желая купить огурцов, но не решается купить сразу.

- Вسخоны ли, кормилец? — спрашивает продавца баба.
- Вسخоны!
- А вон в прошедшую вясну всуцили семян, возьми да выкинь!
- Не в меня, стало быть, брала!
- Быта в тебя мецени!
- Не ласкоци зря, баба... Сеньку с Подберезкина знаешь?
- Знаю, в кумовых мы!
- И жонку явону знаешь?
- И жонку знало! В кумовых мы.
- Ну, так вот слухай, елова твоя голова. Купила Сенькина баба

в прошедшую висну в меня гороху. И провались етта анна горошинка под мост (пол). Выросла под мостом, мост пришлось разобрать, а горошина расте, в строп впирая. Прорубил Сенька строп, глядит: через три дня до самого неба вперла. «Нешто, не слазить в небо, — думает Сенька. — Много бают про небо... да никто там не был». Лез, лез... И ходит по небу... А гороховинка-то уж оборвалась...» и т. д. («Живая старина», 1912, вып. 2—5, стр. 297). Пример использования аналогичной рекламы — у В. В. Маяковского в песне «Клоп» (см. также его очерк «Мелкий НЭМ»).

«Гладенькая лошадушка — шарыгинская...» Д. Зеленин. Народные присловия и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. Вятка, 1904, стр. 53. Записана А. С. Лебедевой в г. Соколках, Казанской губернии, в 1836 г. В той же работе приведена и другая песня:

Славны песельнички
Бахтинёночки.
Долгополы зипуны
Чинданурчи.
Белу рыбушку ловили
Кормишонбчи:
Белогриву, сивогриву,
Хвосты вязаные;
Люди молотить —
Мы замоцьки колотить...

В этой песне также даны сатирические характеристики жителей местных деревень (ср. с присловиями о пошехонцах, вятичах и пр.). Д. И. Зеленин поясняет: «Шарыгин, Шепалин — местные помещики; Яковлево, Казыли, Свиные горы, Котловка, Соколы горы, Афанасево, Грахань — деревни по рекам Кама и Вятка» (Зеленин, стр. 54). *Дипломаты* — женская верхняя одежда.

А г а ф о н у ш к а. Кирша Данилов, № 27. Песня-пародия, высмеивающая некоторые традиционные мотивы былин. Вступительная часть пародирует известную заповку в былине «Про Соловья Будимеровича» («Высота ли, высота поднебесная, глубота, глубота океаноморе. Широко раздолье по всей земле, глубоки омуты днепровские...»). Центральная часть — типичная песенная небылица, напоминающая присказки и сказки-небывальщины; заключительная строка вновь связывает произведение с былинной традицией, поданной пародийно. *Кокошник* — см. стр. 424. *Шемшур* — род шапочки, надеваемой под платок замужней женщины. *Яиный* — очевидно, ячневый. *Мушник* — хлеб. *Комуха* — лихорадка. *Вереды* — болячки. *Сливные* — сплошны. *Коросты* — болячки. *Спинаючи* — останавливаясь. *Крековист* — кряковистый, кряжистый. *Шебура* — одежда из грубой дмотканой материи. *Осека* — обнесенное изгородью место, куда загонялся скот.

Атаманская славя. Публикуется впервые. Записана Б. С. Лащилиным от Н. И. Новикова в г. Урюпинске, Сталинградской области, в 1938 г. По словам Новикова, песня пелась и в 1905 г. В то время в соответствующих местах казаки заменяли слова: «на ту ли на войну турецкую» словами: «на ту ли войну японскую» и слова: «не то что турок» словами: «не то что японцев». До русско-японской войны, да и после нее два-три года спустя, текст ее, по-видимому, почти не менялся.

«Хотите ли, братцы, старину скажу...». П. И. Якушкин. Сочинения. СПб., 1884, стр. 628. Записана в Шенкурском уезде, Архангельской области. Былина-небылица, во многом напоминающая заключительную часть «Агафонушки». *Запольице* — задняя часть избы. *Очелочек* — часть печи. *Сороженек* — женский зипун. *Осека* — см. стр. 434. *Шанги* — лепешки.

Небылица. Марков, № 116. Песня, отчасти напоминающая «Агафонушку»; ср. заключительные строки этой былины на стр. 180—181.

«Уж я старого, седого...». Публикуется впервые. Записана Н. Колпаковой от А. П. Исаковой в деревне Некрасово, Белоярского района, Свердловской области, в сентябре 1951 г.

«Как-то в радуницу раз...». Публикуется впервые. Записана Н. Колпаковой от К. Г. Каштановой в деревне Измоденово, Белоярского района, Свердловской области, в сентябре 1951 г. Песня является контаминацией нескольких современных и старых песен, в том числе известной песни «Как и нынешняя весна...» и частушек: «Печь топил, Блин пекла, Три сажени Дров сожгла». *Радуница* — день поминания умерших (после Пасхи).

САТИРИЧЕСКИЕ «ДЕЙСТВА»

Условные сокращения

Алексеев-Яковлев — Русские народные гуляния по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.—Л., 1948.

Берков — Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений. Редакция, вступительная статья и комментарий П. Н. Беркова. М., 1953.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Карнаухова — Сказки и предания Северного края. Запись, вступительная статья и комментарии И. В. Карнауховой. Л., 1934.
 Ончуков — «Северные сказки» (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908.
 «Русская сатирическая сказка» — «Русская сатирическая сказка». Предисловие, примечания и редакция текстов Дм. Молдавского. М., 1958.

I

«ДЕЙСТВА»

Царь Максимилян. Н. Н. Виноградов. Народная драма царь Максимилян. СПб., 1914, стр. 53. Записана Виноградовым в селе Сельце, Костромского уезда; проверена по списку одного из участников представления Александра Ерофеева. Настоящий вариант — один из наиболее социально острых (в нем особенно сильны антимонархические тенденции): сын Максимияна (или Максимильяна) Адольф предстает в роли волжского атамана (возможно, эта интерпретация образа возникла под влиянием пьесы «Людка»). В другом варианте пьесы, приведенной в том же издании, обильны шутовские диалоги: «Ты видишь на голове моей корону. В руках моих скипетр, на груди моей кресты». — «Я вижу на голове твоей корову, в руках твоих скрипку, на груди твоей песты!». В другом случае: «Да, я вижу на голове твоей ворону» и т. д.; в третьем: «Да, я вижу на голове Матрену» и т. д. В тексте пьесы использованы цитаты из сказок (главным образом «Не любо — не слушай» — в рассказе дьякона), пародии на церковную службу (явление 20). Сатирические монологи портного, доктора и пр. представляют собой в значительной части переделки балаганных и лубочных раешников. *Оследствуй* — осмотри. *Акафист* — род церковного хвалебного песнопения. *Выпивахом, порицахом, валяхомся* и т. д. — выпивали, порицали, валялись: древнерусская (и церковнославянская) форма прошедшего времени — аорист (1-е лицо мн. числа). *Сокрушиша* — сокрушили. *Голбец* — подполье. *Тальер* — талер, старинная немецкая серебряная монета.

Царь Максимилян. Отрывок другого варианта, также приведенного Н. Н. Виноградовым в его книге «Народная драма царь Максимилян» (СПб., 1914, стр. 46). К числу сатирически острых вариантов пьесы относится также вариант из «Северных народных драм» Н. Е. Ончукова. Кончается эта пьеса тем, что Максимка-гробокопатель смело обращается к царю, рассказывая о народной нужде, о голоде. Безымянные авторы пьесы использовали здесь известную антибарскую сатирическую сказку «Не любо — не слушай». В диалог царя и Максимки введены многие строки из этого произведения:

«Царь Макс.: Каково ваши чудовские крестьяне поживают?
 Максимко: Хорошо.
 Царь Макс.: Чем они занимаются?
 Максимко: Хлеб пашут.

Царь Макс.: Каков у вас хлеб родится?

Максимко: Хорошо, царь, ваше благородие:

Борозда от борозды —
Будет в день езды;
Колос от колосу —
Не слышно голосу;
А сноп от снопа — цельная верста.

Царь Макс.: Каково у вас струменту?

Максимко: Много, у 77-ми крестьян один топор; один рубит, а 70-то шесть в... трубят.

Царь Макс.: Каково у вас рогатого скота?

Максимко: Много, в дворни хлевы не помещаются: петух да курица.

Царь Макс.: Каково у вас медной посуды?

Максимко: Довольно. В шкафы и комоды не помещаются: крест да пуговица.

Царь Макс.: А куда вы этот хлеб ложите?

Максимко: Мы его собирали, да на печно место в кучу склали, а ваши барские собаки играли, хвостом махнули да кучку-то в лонку и спихнули.

Царь Макс.: Хлеб-то тут и пропал?

Максимко: Нет, не пропал, а вам, господам, на пиво попал.

Царь Макс.: Хорошее было пиво?

Максимко: Очень хорошее: кабы этого пива поднести да сзади плахой оплести, и с места бы не уползти».

(Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, стр. 68—69).

Пьеса «Царь Максимилян» привлекла внимание писателей-декадентов. В соответствии со своей эстетической концепцией они искали в ней пример для апологии «зрелища-сна», т. е. зрелища, уводящего от действительности. Так, А. Ремизов, подвергая разбору эту пьесу и ссылаясь на свой опыт ее обработки, доказывал, что театральная правда и правда жизни — различны, что «театр... сновидение» (А. Ремизов. Портянка Шекспира. «Жизнь искусства», 1919, 7 декабря). Видимо, исходя из этого положения, он и создал свой вариант народной пьесы. В. Шкловский посвятил этой пьесе статью «Кружовенное варенье». Сравнивая пьесу А. Ремизова и «Мистерию-Буфф» Маяковского, он писал: «В основе своей вещь Маяковского народнее в 10 000 раз, чем все «Цари Максимиляны» Ремизова... Ремизов, стремясь создать народную вещь, ухватился за внешнее — за сюжет... Владимир Маяковский взял, конечно интуитивно, самый прием народной драмы» (В. Шкловский. Кружовенное варенье. «Жизнь искусства», 1919, 2 ноября).

Лодка. В. В. Сиповский. Историческая хрестоматия по истории русской словесности, т. 1, вып. 1. Изд. 2-е. СПб., 1908, стр. 239. Запись Н. Н. Виноградова. *Косная* — легкая. *Нас было двое* — брат и я и т. д. Здесь использован текст поэмы Пушкина «Братья-разбойники». *Чернедь* — чернота.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Петрушка, он же Ванька Рататуй. Берков, стр. 115. Текст из рукописного собрания П. И. Тиханова (ГПБ). Записано Л. Розенбергом со слов А. П. Лашенко, содержателя балагана в г. Майкопе в 1902 г. Пьеса-раешник, местами изредка перемежающаяся прозой. Действующие «лица» — куклы. По словам собирателя, «монологи свои ведет Петрушка с «музыкантом». Этот последний — не что иное, как помощник комедианта, который всегда для этой цели садится между зрителей. Куклы большей частью деревянные или обшитые лайкой. Кроме самого Петрушки, <куклы> показываются немного ниже пояса». Исследователи текстов «Петрушки» отмечают, что иногда этот герой, впервые появляясь из-за ширмы, приветствует зрителей в манере балаганных «дедов». Образец такого приветствия приводит А. Алексеев-Яковлев (стр. 59):

Вот и я пришел вас позабавить,
С праздником поздравить!
Здорово, ребятишки,
Здорово, парнишки!
Бонжур, славные девчучки,
Быстроглазые вострушки!..
Бонжур и вам, нарумяненные старушки, —
Держите ушки на макушке!..

П. Н. Берков приводит примечание к опубликованной им рукописи, видимо принадлежащее автору записи: «Для представления необходима обстановка. Сцена устраивается обыкновенно сверху, т. е. повыше, чтобы публика могла видеть все. Низ от самой сцены задрапировывается материей. Миниатюрные кулисы устанавливаются, как и в обыкновенном театре. Арена действий Петрушки отделяется довольно высоким барьером, на который садится иногда Петрушка во время своих монологов. Сам «кукольник» становится, скрытый за драпировкой, против зрителей и, держа в руках то один, то другой «персонаж», разговаривает, заставляя движениями своих рук делать соответствующие жесты. Говорит он за Петрушку резким, крикливым, инструментальным, если можно так выразиться, тоном, с помощью машинки. Машинка состоит из двух костяных пластинок, внутри которых положена полоска холста. Заложив этот снаряд за тыльную часть языка, почти у самого «язычка», комедиант произносит слова каким-то странным, ничего общего с человеческим голосом не имеющим тоном. Говор в этот снаряд очень труден. И надобно большую сноровку, чтобы извлечь из него звуки. Я, по крайней мере, несмотря на все свои усилия, не мог ничего произнести». По мотивам «Петрушки» написана С. Я. Маршаком пьеса для детей «Петрушка-иностранец» (С. Маршак. Сказки. Песни. Загадки. М., 1957). *Фараоново отродье*. В старину было распространено неверное представление о происхождении цыган от египтян. *Погост* — здесь; кладбище.

РАЕК

«Вот что, милые друзья...», «Задумал я жениться...», «У меня жена красавица...», «Жена моя солидна...», «Я по Невскому шел...», «Разыгрывается лотерея...», «Вижу, голова, я нынче на рождестве — прохожий...», «Был я цирюльником на большой Московской дороге...», «Рыжий, помнишь великий пост...». Тексты всех этих раешных монологов взяты из статьи «Петербургские балаганные прибаутки, записанные В. И. Кельсиевым» («Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», 1889, кн. 9, стр. 113). Тексты записаны от бывших солдат Ивана Евграфова и Гаврилы Казанцева. П. Н. Берков отметил, что, в отличие от московского райка, где участвуют два персонажа, в петербургском райке фигурирует лишь один — старик (Берков, стр. 332). Первые тексты («Вот что, милые друзья...», «Задумал я жениться...», «У меня жена красавица...», «Жена моя солидна...») связаны единой темой: в первом рассказчик обещает рассказать о своей жене, в следующих он описывает наружность своей жены, ее приданое, свадьбу и гостей. Все это изложено в духе сатирической народной небылицы «Росписи приданого». Такой же тип описания, например, в народной «Прибалутке», записанной Н. Е. Ончуковым, где «жена была раскрасавица, из лохани брана, помелом нарисована, за окошко глянет, дак три дня собаки лают...», где и «рогатого скота было много: два кота убойных да две кошки подойных...» и т. д. (Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. 508). Текст «Разыгрывается лотерея...» представляет собой один из вариантов балаганной «традиционной шутки», которую А. Алексеев-Яковлев комментирует следующим образом (стр. 63): «В семидесятых годах широко распространялись лотереи якобы с благотворительной целью, проникли они также и на народные гулянья. Но эти «беспронгрывные лотереи» чаще всего являлись мошеннической проделкой, просто аферой, они вызывали немало недоразумений скандального свойства. В связи с этим и возник тот, ставший затем традиционным эпизод, когда «дед» устраивал лотерею, будто бы разыгрывая „денные выигрыши“». Самое описание разыгрываемых вещей передразнивает печатные описи продаваемых с аукциона вещей. В текстах раешных монологов широко использованы строки из сказки «Не любо — не слушай». Постоянные формулы райка были в дореволюционные годы весьма известны. Они входили в шуточные послания, стихотворения и пр. Известный художник П. А. Федотов в «Рацеи» (объяснении картины «Сватовство майора»), сочиненной, вероятно, в 1848 г., писал:

Честные господа,
Пожалуйте сюда!
Милости просим,
Денег не спросим:
Даром смотри,
Только хорошенько очки протри.

Начинается, начинается
О том, как люди на свете живут,
Как иные на чужой счет жуют.
Сами работать ленятся,
Так на богатых женятся.

.....
Разные висят по стенам картины.
Начнем с середины:
На середине висит
Высокопреосвященный митрополит.

.....
По сторонам митрополита висят двое,
Наши знаменитые герои:
Один — батюшка Кутузов
Что первый открыл пятки у французов..

Текст объяснения снабжен подзаголовком «Рассказ протяжным напевом». (см.: Я. Д. Лещинский. Павел Андреевич Федотов, художник и поэт. Л.—М., 1946, стр. 183—184). Некоторые строки райков перекликаются с текстами из «Мистерии-Буфф» Маяковского (см. нашу статью «Маяковский и фольклор» в сб. «Русская советская поэзия и народное творчество». Л., 1955). *Бурак* — берестяной сосуд. *Фермуар* — ожерелье из драгоценных камней. *Пике* — двойная хлопчатобумажная ткань с выпуклыми узорами. *Тучков мост*, *Сенная*, *Апраксин рынок*, *Воскресенский мост* — в Петербурге. *Бурнус* — род женского пальто.

«Настает, братцы, великий пост...», «Была у нас с Матреной дочка...». А. Лейферт. Балаганы. П., 1922, стр. 65. Кратко варьируют темы других разешных монологов: «Вот что, милые друзья...», «Задумал я жениться...», «У меня жена красавица...», «Жена моя солидна...».

«Вот, ребята, разыгрывается у меня лотерея...», «А вот, ребята, смотрите...», «А вон красotka—девка альмолодка...», «А еще, робята, что я вам скажу...», «А вот, робята, это—Параша...», «А знаете, робята,—я вель в поварах служил, право!...», «Ну, робята, неча всё торчать у карусели...». А. Лейферт. Балаганы, П., 1922, стр. 67—69. Вся эта группа прибауток объединена исполнителем — «дедом», который отзывает народ от «карусели» в балаган — «поглазеть, как танцуют мамзели». Ремарки воспроизводят жесты, какими «дед» сопровождает свои прибаутки. Среди этих прибауток есть варианты петербургских записей В. И. Кельсиева (см. выше), но есть и едкие насмешки на новые темы. *Сценка*, разыгранная «дедом», заканчивается сбором денег в шапку. *Пассаж* — торговая галерея в Петербурге-Ленинграде. *Нарвская застава* — район в Петербурге-Ленинграде. *Вояж* — поезд.

«А вот, господа, разыгрывается лотерея...». Алексеев-Яковлев, стр. 63. Вариант предыдущих раешных монологов «Разыгрывается лотерея...» и «Вот, ребята, разыгрывается у меня лотерея...».

«Танцевал я прежде галоп...». Алексеев-Яковлев, стр. 64. Из репертуара балаганного «деда» Брусенцова. «Некоторые «деды», в том числе Брусенцов, вместе с танцовками выводили на балкон прирученных медведей, у Брусенцова медведю к передней лапе был приделан складной бумажный веер, которым медведь прехомично «обмахивался», стоя на задних лапах» (там же, стр. 64).

«Подходите, подходите...». Алексеев-Яковлев, стр. 55, где текст воспроизведен по памяти со слов И. Д. Рябова, в прошлом крепостного, вышедшего «на волю» в 1861 г. По свидетельству Алексеева-Яковлева, он выступал в Петербурге на Адмиралтейской площади, в Москве на Девичьем поле, в Купавине, на Нижегородской ярмарке и пр., где «торговал книжными лубочными изданиями по преимуществу и продолжал показывать панораму» (стр. 55). Этот текст — один из образцов пояснений, какими раешники сопровождали показывание «потешной панорамы». Рябов не скрывал иронического отношения к своему занятию, цель которого заработать: «Картинки верчу-поворачиваю, Публику обморачиваю; Себе пяточки заколачиваю». *Бисмарк Отто* (1815—1898) — немецкий канцлер, сосредоточивший в своих руках в 1870—1880-е годы всю власть в стране. *Торвата* — щебра.

«А вот, извольте видеть, господа...». Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. 5. СПб., 1881, стр. 235. Отрывки из раешного представления, о котором Ровинский писал: «Меняя картинки, раешник начинает пояснение фразой: „А вот андерманир штук — другой вид“». Подбор картинок самый пестрый, но «потешнику» удается иногда связать сатирой далекие сюжеты. Показывая вид Палермо, он напоминает, что здесь «барская фамилия... чинно гуляет и нищих тальянских русскими деньгами щедро наделяет», а сразу за этой картинкой дает вид Успенского собора в Москве, замечая, что здесь «своих нищих в шею бьют, ничего не дают». *Андерманир* — от немецкого: *ander Manier* (другой прием).

II

ПОДПИСИ К ЛУБОЧНЫМ КАРТИНКАМ

Голландский лекарь и добрый аптекарь. Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 440. П. Берков, полемизируя с Ровинским, считавшим эту лубочную картинку заимствованной из Германии, пишет: «Мотив омоложения широко известен в русских народных сказках: «омоложаются» при помощи «молодильных яблок» (Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, № 551), при

помощи купания в кипятке (П. П. Ершов. Конек-горбунок) и проч. Картинка «Голландский лекарь», несомненно, восходит к петровскому времени и является одним из документов народной сатиры как на врачей-шарлатанов, рекламировавших разнообразные секреты омоложения, якобы известные им, так и на старых женщин, желающих „помолодеть“» (Берков, стр. 323).

Сказка о том, как приказчики хозяевам угождают... Текст при лубочной картинке. Гравюра на меди. Металлография П. Шарапова (М., 1858). Изображает на первом рисунке ворующего приказчика и помогающих ему чертей, на втором — приказчика у двери собственной лавки.

Как портной с чертями распорядился... Текст при литографии, напечатанной А. Прокофьевым (М., 1859), изображающей договор портного с чертями и драку с ними. Мыслете — название буквы «м».

Сказка о том, как мастеровой черта надул. Текст при литографии, напечатанной А. Аврамовым (М., 1859), изображающей сцены у питейного дома — сговор с чертом и драку с ним.

Сказка, как старик богатый взбесился... Текст при литографии П. Шарапова (М., 1877). На трех рисунках изображены три сцены: Дарья целуется со стариком; затем бьет его и наконец сидит с молодым мужем.

Урок мужьям-простакам и женам-щеголихам. Текст при литографии Е. Яковлева (М., 1868). На переднем плане изображена жена, впряженная в сани, и муж, погоняющий ее; на заднем — пляшущая коза.

Спор большого носа с сильным морозом. Текст при гравюре на меди. Металлография А. Кузнецова (М., 1858). Вариант известной картинке XVIII в. (см.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. 1. СПб., 1881), также изображающей носатого господина и мороз в виде мужика.

Чепуха для смеху, народу на потеху... Текст при литографии А. В. Морозова (М., 1865). Сюжет напоминает картинку «Как бык не захотел быть быком»: десятки зверей идут за гробом; впереди, по-видимому, пастор. В стихе 34 исправляем явную опечатку: «на машинке(?) врага гульнуть».

Старинная потеха, от скуки для смеха... Текст по литографии И. Гаврилова (М., 1865), изображающей мышей, везущих на санях мертвого кота; на отдельных клемах — пир мышей. Вариант одной из самых популярных русских лубочных картинок, известных с начала XVIII в.

Похороны кота крысами и мышами. Вариант предыдущей подлинн. Текст при литографии Гольшнев. (Старая Мстера, 1868).

Свадьба медведя, Мишки косолапного. Текст при литографии Е. Яковлева (1866), изображающей пир медведей; все медведи одеты в «господское платье».

«..А нутка, Мишенька Иваныч..». Текст при лубочной картинке, изображающей поводыря с медведем, барабанщика и шута в козьей маске. Напечатана в литографии А. Аврамова (М., 1866).

ПРИСКАЗКИ И СКАЗКИ

«Девки поповы..». Карнаухова, № 95. Записана от П. Д. Горной в селе Шотова Гора, в Пинеге.

«Солнышко низехенько..». Карнаухова, № 105. Записана от А. Таракановой в деревне Церкова Гора, в Пинеге. *Кокот* — ковш.

«Туру-туру, пастушок..». Карнаухова, № 129. Записана от Н. В. Лохповского в деревне Холм, в Пинеге. Аналогичную присказку мы записали в Новгородской области (Белебелковский район, дер. Заозерье):

Туру-туру, пастушок,
Бердовый колпачок,
Далеко ль гоняешься?
— С моря до моря,
До Киева-города...

(см.: Д. М. Молдавский. За сказкой. — «Ленинградский альманах», кн. 15. Л., 1958, стр. 235).

«Петушок, петушок..», «Сорока-воровка кашу варила-поваривала..», «Ах ты, бабушка, куку!..». Карнаухова, № 143. Записаны от И. А. Шарыгиной в селе Малые Нисогоры на Мезени. *Яловица* — см. стр. 422.

Прибалутка. Ончуков, № 239. Запись А. А. Шахматова в Олонецкой губернии.

Прибакулочка-прибасеночка. Ончуков, № 33. Записана от К. Позднеевой в Архангельской губернии. *Яство* — еда. *Бурлачкой горшок* — бурлацкий горшок. *Пристольный* — столичный. *Кокора* — корень хвойного дерева, растущий перпендикулярно стволу, часто выходящий на поверхность земли.

Небылица. Ончуков, № 20. Записана в Архангельской губернии от Г. Чупрова, уроженца Усть-Цыльмы, типичного сказочника-сатирика. Собиратель писал, что «даже былины Чупров знает не особенно длинные, не серьезные и поет их всегда особым скomorошьим ясаком (напевом): знает Григорий Иванович и песни, и также преимущественно шуточного, сатирического содержания» (Ончуков, стр. 50).

Не любо — не слушай. «Русская сатирическая сказка», № 77. Записана В. С. Бахтиным и Д. М. Молдавским от С. И. Богатырева. Сказочник, гончар по профессии, рассказывал сказку, не прерывая работы. Интересно, что рифмованный текст был сообщен сказочником раньше, чем обрамляющий его рамочный эпизод. Другие записи: Андреев, №№ 1877, 1885, 1887, 1900-В, 1910, 1920-Д, 1930-И. В варианте Богатырева выдвинуты на первый план мотивы крайней крестьянской бедности. Название сказки давно стало пословицей. В. И. Ленин в статье «Революционный авантюризм» упомянул эту пословицу (Сочинения, т. 6, изд. 4-е, стр. 181). Образы сказки использовал Н. А. Некрасов в стихотворении «Молодые» для изображения крестьянской нищеты:

Есть и овощ в огороде —
Хрен да луковица.
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

По мнению Д. К. Зеленина, «Не любо — не слушай», по-видимому, восходит к сказкам-оберегам, сохранившим элементы религиозно-магических представлений о природе. Эти сказки, развлекающие «лесного духа», отражали все «наоборот», так как всевозможные злые духи, в представлении первобытного человека, воспринимали мир «с отрицанием» (Д. К. Зеленин. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. — Сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу». Л., 1938, стр. 223—228). Во всех современных вариантах, записанных в последние годы, «отрицание» переросло в сатиру. *Бурак* — см. стр. 440.

Ворона-карабута. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914. Записана А. Вологдиным в Усолье. Библиографию вариантов см.: Андреев, № 220-А. *Коморка* — здесь в значении: крохотное существо. *Сушина* — засохшее на корню дерево. *Пестрядь* — грубая бумажная ткань из разноцветных ниток.

Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове. Афанасьев, № 79. Библиографию других вариантов см.: Андреев, № 254. Сказка представляет собой устный пересказ одной из переделок старорусской повести о Ерше Ершовиче, в которой первоначальная стройность композиции уже утрачена, многие подробности судебного «дела» забыты, однако элементы сатиры со-

храняются в изображении ловкого проходивца Ерича, восточников-посыльщиков, судебной волокиты (см.: В. П. Афанасьев-Перети, Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 218—223). Вариант повести о Ериче Ериновиче, наиболее близкий к устной сказке, издан А. Н. Афанасьевым по неизвестной рукописи (№ 77), представляющей собой четвертую редакцию повести XVII в. *Гарьюс* (хариус) — рыба из лососевых. *Моль* — мелкая рыба. *Стырить* — здесь: смеяться. *Стипал* — схватил. *Слунал* — очистил, съел.

III

СВАДЕБНЫЕ УКАЗЫ

Приложение к статье Е. Э. Бломквист под тем же названием. «Художественный фольклор», № 2—3, М., 1927, стр. 108. Все указы записаны Бломквист в 1924 г. в деревнях Осоево (I) и Щениково (II и III), Ростовского уезда, Ярославской области. Собиратель сообщает, что указы стали в некоторых уездах Ярославской и Владимирской губерний непременной частью свадебного обряда. Зачитывались они одною из девушек в начале «прибывания», т. е. встречи жениха с невестой накануне венчания. Некоторые указы (3-й, например) представляют развернутый монолог рассказчика и реплики хора; в других «указчик» обращается к жениху. Бломквист связывает указы с лубочной картинкой, приведенной в собрании Д. Ровинского (Русские народные картинки, т. I, СПб., 1881, № 143—144). Можно предположить и обратное влияние, тем более что собиратели обнаружили записи 1870-х годов («Художественный фольклор», № 2—3, М., 1927, стр. 104—105). *Перегон* — самогон.

САТИРИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

Условные сокращения

- Блинова — Сказы. Песни. Частушки. Под редакцией Б. Блиновой. Челябинск, 1937.
- Быстров — Ярославский фольклор (дооктябрьский). Составители Б. Быстров и Н. Новиков. Ярославль, 1938.
- Веселый — Артем Веселый. Частушка колхозных деревень. М., 1936.
- Виноградов — А. Виноградов. Частушка-эхо. Вельегонск, 1924.
- Елеонская — Сборник великорусских частушек. Под редакцией Е. Н. Елеонской. М., 1914.
- Милиц — Сказки и песни Вологодской области. Составители С. Милиц и Н. Савушкина. Вологда, 1955.
- Парилов — И. Г. Парилов. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948.

Симаков — В. И. Симаков. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913.

Смирнов — Частушки Переяславль-Залесского уезда. Собраны М. И. Смирновым. М., 1922.

«Меня Питер оконфузил...». Симаков, № 2829. Записана в Тверском уезде в 1911 г.

«Дума в Питере сидит...». Симаков, № 3046. Записана в Новоторжском уезде, Тверской губернии.

«Наша Дума модница...». Симаков, № 3048. Записана там же.

«Как Гучков-то молодец...». Симаков, № 3049. Записана там же.

«Перву Думу разогнали...». Симаков, № 3050. «Зимствовано из «Русских ведомостей» за 1912, сентябрь» (примечание В. Симакова).

«Наша хреновская волость...». Симаков, № 3085. Записана в Вологодском уезде в 1909—1912 гг.

«Уж как коженский дьячок...». Симаков, № 3087. Записана в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1908 г.

«На пблице—пирожки...». Симаков, № 3251. Записана в Вологодском уезде в 1910—1911 гг.

«Матка по миру ходила...». В. Князев. Жизнь молодой деревни (Частушки-коротушки Петербургской губернии). СПб., 1913, стр. 12.

«Что Юрково-то деревня...». Елеонская, № 935. Записана в Кирилловском уезде, Новгородской губернии.

«Я любила сто попов...». Елеонская, № 2179. Записана в деревне Панкратово, Тверской губернии.

«Соцкие, десяцкие...». Елеонская, № 2675. Записана в Ярославском уезде.

«Светит месяц, как целковый...». Елеонская, № 5511. Записана в Тюменском уезде, Тобольской губернии.

«Уж как здешние ребята...». Елеонская, № 5780. Записана в Енисейском уезде, Енисейской губернии.

«Пошла бы я плясать...». Смирнов, № 149. Записана в Переяславль-Залесском уезде, Владимирской губернии, в 1921 г.

«Отворились царски двери...», «На Романова-то дому...», «На Распутине рубанка...». Виноградов, стр. 25. Частушки интересны тем, что в известной степени являются иллюстрацией взглядов населения того самого Весьегонского уезда, Тверской губернии, на материале жизни которого была создана книга А. И. Тодорского «Год с винтовкой и плугом». Эту книгу высоко оценил В. И. Ленин в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» (Сочинения, т. 28, стр. 363—366).

«На Долматовской горе...», «Как у нас в церковном храме...». Блинова, стр. 239. Записаны в Челябинской области.

«Хуторочки, хуторки...». Блинова, стр. 250. Записана в Челябинской области.

«Нам не дороги часы...». Быстров, стр. 226. Записана в Мышинском уезде, Ярославской губернии.

«Тюх, тюх, тюрю-рюх...». Публикуется впервые. Записана В. Бахтиным в Карело-Финской ССР в 1956 г.

«Я стояла у ворот...». Симаков, № 154. Записана в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1905 г.

«На деревне срубы рубят...». Симаков, № 209. Записана в Вологодском уезде в 1909 г.

«Нам хотели запретить...». Симаков, № 294. Записана в Вологодском уезде в 1909 г.

«У моей у Любушки...». Симаков, № 312. Записана в Боровичском уезде, Новгородской губернии, в 1912 г.

«Все ребятушки пришли...». Симаков, № 436. Записана в Вологодском уезде в 1910 г.

«Не садись, милый, напротив...». Симаков, № 940. Записана от А. Воронова в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1908 г.

«Кавалеры наши модны...». Симаков, № 1146. Записана от О. Н. Спиридоновой в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1908 г.

«У меня миленок есть...». Симаков, № 1156. Записана в Вологде в 1909—1912 гг.

«Какой большой да неуклюжий...». Симаков, № 1161. Записана от В. Синицыной в Тверской губернии в 1907 г.

«Домой коровушки идут...». Симаков, № 1186. Записана от Н. Голубцовой в Вологодском уезде в 1910—1911 гг.

«Как никольские девицы захотели молока...». Симаков, № 1195. Записана в Вологодской губернии.

«Ах, как наши-то девахи...». Симаков, № 1196. Записана в Кашинском уезде, Тверской губернии.

«Как тверские модницы...». Симаков, № 1200. Записана в Ростовском уезде, Ярославской губернии.

«Ярославски девки—бочки...». Симаков, № 1201. Записана в Кашинском уезде, Тверской губернии.

«Вологодские девицы...». Симаков, № 1202. Записана в Вологодском уезде.

«На горе растут грибы...». Симаков, № 1204. Записана в Ростовском уезде, Ярославской губернии.

«Моя милая красива...». Симаков, № 1224. Записана в Ярославской губернии.

«Ах ты, милая моя...». Симаков, № 1225. Записана в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1903 г.

«Шляпу новую надела...». Симаков, № 1255.

«Попросил я у тятеньки...». Симаков, № 1272. Записана в Порховском уезде, Псковской губернии, в 1910—1911 гг.

«У вас семейка велика...». Симаков, № 1676. Записана от А. Стряпчевой в Вологодской губернии в 1909—1910 гг.

«Мил уехал на неделю...». Симаков, № 2082. Записана от М. Воробьевой в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1903 г.

«Жадоба срочно пишет...». Симаков, № 2104. Записана в Псковском уезде. *Жадоба* — милый, любимый.

«Деревенские хозяйки...». Симаков, № 2166. Записана в Ярославском уезде.

«Ах ты, Настенька-душа...». Симаков, № 2626. Записана в Ростовском уезде, Ярославской губернии.

«У подружки есть Павлушка...». Симаков, № 2637. Записана в Бежецком уезде, Тверской губернии, в 1901 г.

«Говорила я подружке...». Симаков, № 2675. Записана от А. Воронова в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1908 г.

«Подружка в шляпочке гуляет...». Симаков, № 2676. Записана в Бежецком уезде, Тверской губернии.

«Я не столько нагуляла...». Симаков, № 2695. Записана от О. Спиридоновой в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1908 г.

«У меня любых-то два...». Симаков, № 2711. Записана от А. Богданова в Коргопольском уезде, Олонечкой губернии, в 1913 г.

«Петербургская дивчина...». Симаков, № 2843. Записана в Новгородском уезде.

«Как во нашем во селеньи...». Симаков, № 3086. Записана в деревне Владимирская, Бежецкого уезда, Тверской губернии.

«Кошка, брысь! Кошка, брысь!...». Симаков, № 3188. Записана в Вологодской губернии в 1910—1911 гг.

«Ко мне сватался жених...». Симаков, № 3184. Записана от О. Спиридоновой в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1908 г.

«Вы купите, девки, водки...». Симаков, № 3249. Записана в Ярославском уезде.

«Хороше тому живется...». Симаков, № 3250. Записана в Калязинском уезде, Тверской губернии, в 1912 г.

«У моей у милочки...». Симаков, № 3261. Записана в Вологодской губернии в 1910—1911 гг.

«Половицей я хожу...». Симаков, № 3262. Записана от А. Стряпчевой в деревне Демино, Вологодского уезда, в 1909—1910 гг. Первые две строки этой частушки использовал Маяковский в одном из Окон РОСТА:

Половицей я хожу,
Другая выгибается.

Кулаки меня клянут,
Бедный улыбается.

(Окна РОСТА, № 7, от 30 декабря 1919 г.)

«Сколько ни постился, ни молился...». Симаков, № 3341. Записана в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1905 г.

«Экий глупенький миленочек!...». Симаков, № 1120. Записана в Ярославском уезде.

«Ты, миленок, не форси...». Симаков, № 1121. Записана от А. Стряпчевой в деревне Демино, Вологодской губернии, в 1909—1910 гг.

«У миленка моего...». Симаков, № 1122. Записана в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1905 г.

«Ах вы, лапти мои...», «Старикам какая жизнь...». «Мой муж—новожил...», «Моя милка—обормотка...». «Деревенские песни и частушки, собранные В. И. Симаковым». СПб., 1913. №№ 192, 193, 196, 206. Курский вариант частушки «Ах вы, лапти мои...» процитировал Н. С. Хрушев в своей речи перед трудящимися Рязанской области: «Помню, в свое время и в нашей деревне пели, например, такие частушки: «Эх, лапти мои, Четыре оборки, Хочу дома заночую, Хочу у Егорки». Это вот курские частушки, я думаю, что и рязанские были такими же» («Правда» от 14 февраля 1959 г., № 45).

«Черны брюки на панели...», «Мой-то миленький лежит...», «Супротивница сердита...», «Дорогой, твой мамаша...», «Шла монашка по деревне...». В. Князев. Жизнь молодой деревни (Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии). СПб., 1913, стр. 10, 12.

«Мы, подруженька, с тобой...», «Я на бочке сижу...», «Наливай-ка, мама, чаю...», «Мой-то милый окосел...», «Тятя с мамой были ловки...», «Когда была маленька...», «Голубок летел—убился...», «Как в Борисовку идти...». Елеонская, №№ 18, 21, 42, 84, 241, 263, 306, 309. Записаны в Архангельской губернии в 1912 г.

«Милая, гордячая...». Елеонская, № 346. Записана в Вологодской губернии в 1911—1912 гг.

«Говорила Коленке...», «Дорогой и дорогая...», «Шара-шара-шарочка...», «Я любила кочегара...»,

«Я сидела на лужку...», «Мила маменька моя...», «Батяка рыжий, матка рыжа...», «Мимо нашего окошка...», «Уж как пошешный народ...». Елеонская, №№ 597, 610, 643, 662, 737, 850, 937, 945, 993. Записаны в Новгородской губернии в 1911—1913 гг.

Частушку «Дорогой и дорогая...» вспомнил Маяковский, выступая на диспуте «Упадочное настроение среди молодежи» 13 февраля 1927 г. В частности, говоря о звучании частушки, он сказал: «Это «др.» почище, чем у Есенина» (В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 10. М., 1941, стр. 334). *Шарочка* — любимый, возлюбленный. *Сжанить* — собрать, взять. *Пясточка* — щепотка.

«Мой муж — арбуз...», «Мишкина мать...», «Нет на свете милей Пети...», «Я любила гармони-ста...», «У меня милашка Машка...», «Ночка темная — темна...». Елеонская, №№ 1317, 1319, 1323, 1327, 1349, 1476. Записаны в Московской губернии в 1912 г.

«Мой-то миленький хитер...», «Из колодца вода льется...», «Растороповски ребята...», «Дубовских же ребят...», «Говорили — гуси плыли...», «Две старухи без зубов...», «Как и наши-то ребята...», «Все ребята — как ребята...», «Фу-ты, фу-ты, у Марфуты...», «Ванька, Ванька, ты горюн...», «У меня богатство есть...», «Ох, сделай, батяка, забастовку...», «Спаси господи, помилуй...», «Ой, девки, беда...», «На стене висит пальто...», «Рассыпался горох...». Елеонская, №№ 1770, 1969, 2153, 2164, 2166, 2173, 2175, 2182, 2188, 2195, 2196, 2197, 2200, 2258, 2362, 2380. Записаны в Тверской губернии в 1911—1912 гг.

«Маменька ругается...», «Песня, песня, песенка...», «Мне сказали на вокзале...». Елеонская, №№ 2605, 2645, 2646. Записаны в Ярославской губернии в 1912 г.

«Боря, Боря, Боренька!...», «Потушите эту лампу...», «У меня башмачки новы...», «Ты, подруженька моя...». Елеонская, №№ 2930, 2992, 2994, 3001. Записаны в Костромской губернии в 1910—1911 гг.

«Я косила в девять кос...», «Не ругайте меня дома...», «Лет семнадцати девчонка...». Елеонская, №№ 3248, 3358, 3396. Записаны в Нижегородской губернии в 1912 г.

«Я любила Ванечку...», «Как у Дориных ворот...», «Пляши, Матвей...», «Чай пила я с сухарями...», «Я от солнца, от загару...». Елеонская, №№ 3529, 3625, 3638, 3670, 3671, 3672. Записаны во Владимирской губернии в 1911—1912 гг. *Шут* — здесь: черт.

«Приходи, милый, в субботу...». Елеонская, № 3807. Записана в Калужской губернии в 1910—1912 гг.

«Я калоши не ношу...». Елеонская, № 4787. Записана в Михайловском уезде, Рязанской губернии, в 1911 г.

«Пароход баржу везет...», «Гром гремит, земля трясется...». Елеонская, №№ 5786, 5818. Записаны в Енисейской губернии в 1911—1913 гг.

«Шила милому кiset...». Елеонская, № 5997. Записана в Иркутской губернии в 1913 г.

«Тише, тише, тише, тише...», «Под окошком стоит ива...», «Меня били, колотили...», «Пляши—люблю...», «Только стоит тебе, миленький...». «Милый Вася, милый Вася...», «Я на речке сеял гречку...», «Девки пудрятся, белятся...», «Милый мой, скажи мамаше...», «С неба звездочка упала...», «Я деревней-то иду...», «Деньги есть—веселюсь...», «Меня маменька жалеет...», «У меня миленков тридцать...», «Шел я верхом, шел я низом...», «У моей-то гармошки...», «У мово у милова...», «Что за разум, что за ум...», «Проводи, милый, подале...», «Мой-то милый любит трех...», «У милого шуба нова...», «Открой, маменька, оконце...», «Мой миленок не теленок...». М. И. Смирнов. Частушки Переяславль-Залесского уезда (Владимирской губернии). М., 1922, №№ 16, 38, 52, 54, 73, 116, 143, 151, 171, 258, 266, 278, 283, 324, 334, 351, 354, 380, 381, 599, 607, 727, 747. Частушка «Шел я верхом, шел я низом...» использована в сатирическом стихотворении Маяковского «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им»:

Сказано веско.

Посмотрите, дескать:

Шел я верхом,

шел я низом,

Строил

мост в социализм.

«Голова у мя кружится...», «Девки белятся, румянятся...». Виноградов, стр. 14.

«Погуляла я до дела...», «Слава богу, ржи немало...», «Уж как наши-то ребята...», «Шел Алешка вдоль окошка...». В. Князев. Избранные частушки Северного края. Л., 1936, стр. 29—33. Составитель относит приведенные частушки к типу «супрядки-посиделки».

«Базар большой...», «Дорогой, куда поехал?..». Веселый, стр. 101 и 105. Судя по авторскому замечанию, частушки записаны в 1933—1935 гг. на средней Волге.

«Я ковыль, ковыль косила...», «Гармонь нова, сторублева...», «Ты, милашка, не балуй...», «Утка сера, утка сера...», «На меня, на молоду...», «Ох, ох! Не дай бог...». Блинова, стр. 49, 250, 254, 261. Записаны в Челябинской области.

«Сегодня щи...», «Пошла плясать...», «Уже топну я ногой...», «Двух миленков полюбила...», «Пляши, моя головушка...». Быстров, №№ 71, 112, 113, 115, 116. Записаны в Ярославской области; в Костромском уезде — №№ 71 и 113; в Мышкинском уезде — № 112, в Даниловском уезде — № 115, в Ростовском уезде — № 116.

«Я по бережку иду...», «По заветной тропочке...», «Мой миленок как теленок...». Париков, № 140, 145 и 147. 1-я и 2-я записаны от колхозницы Р. Жировой в селах Кетского и Верхне-Кетского районов в 1942 г.; 3-я — от А. Мурзина в Верхне-Кетском районе, в 1942 г.

«А мы с миленьким сидели...», «Купи, милый, мне ботинки...». Б. Лашилин. Частушки колхозного Дона и Хопра. Сталинград, 1943, стр. 39. Записаны от Т. Агаповой в Подтапковском районе, Сталинградской области.

«Сероглазого отвадила...», «Через речку есть дощечка...». К. Коничев. Частушки, пословицы, загадки. Архангельск, 1954, стр. 50 и 53. Записаны в Вологодской и Архангельской областях.

«У милого есть сестренка...», «Не кукушечка кукует...». Минц, стр. 212 и 228. Записаны в Вологодской области.

«Говорил мне дорогой...», «А бессоновски ребята...», «Приходили меня сватать...», «Не гордитесь собою...», «Вы, ребята, не гордитесь...», «Мы с подружкой в лес не ходим...», «Мы с подругой сговорились...», «Наше поле с вашим рядом...», «В нашем поле ягод боле...», «Мы с дрозёночком сидели...». «Частушки Пензенской области». Составитель В. Застрожный. Редактор А. Анисимова. Пенза, 1958, №№ 516, 538, 539, 545, 546, 548, 570, 572, 573, 581.

«Меня замуж выдавали...». Публикуется впервые. Записана В. Бахтиным и Д. Молдавским в Новгородской области, в Старой Руссе, 5 августа 1948 г. от пятилетней девочки Людья Михеевой.

«Раньше я плясал чечетку...». Записана В. Бахтиным в Карело-Финской ССР в 1956 г.

«Если он пошел в задор...», «Елочка зеленая...», «Ты носи—тебе идутся...», «Говорят, что боевая...». Публикуется впервые. Записаны В. Бахтиным и Д. Молдавским в деревне Заозерье, Белебелковского района, Новгородской области, в 1948 г.

«Мы в колхоз козу купили...», «Как шумновские девчонки...». Публикуется впервые. Записаны В. Бахтиным от Е. Васильевой в 1949 г. в деревне Лавры, Печерского района, Псковской области.

«Постоим часок...», «Я пришла домой...», «Как бы рюмочку...». Публикуются впервые. Цикл частушек под названием «Семеновна». Записаны В. Бахтиным и Д. Молдавским в деревне Заозерье, Белебелковского района, Новгородской области, в 1948 г. *Дролечка* (дроля) — дорогой. *Своечка* — любимый.

«Мы с миленочком сидели...». Публикуется впервые. Записана В. Бахтиным в 1949 г. в Кончеозеро, Карело-Финская ССР.

«Не форси, залётна...», «Не ругай меня, мамаша...», «Милый Саша, я не ваша...», «Полюбила лысого...», «Я по берегу ходила...», «Только вышла за ворота...», «Меня милый угостил...», «Был миленочек угрюм...», «Дороги родители...». Публикуются впервые. Записаны В. Бахтиным и Д. Молдавским в 1948 г. в деревне Заозерье, Белебелковского района, Новгородской области, от группы девушек (А. Семеновой, Т. Васильевой, М. Карповой, Ф. Тимофеевой, И. Ивановой и др.). Некоторые из них передали свои записи частушек (см.: Дм. Молдавский. За сказкой. «Ленинградский альманах», 1958, № 15, стр. 239—240).

«Завлеку я, завлеку...», «У меня милого нет...», «У подружки два Ванюшки...». Публикуются впервые. Записаны Е. Петровой от А. Б. Голубевой из деревни Ломтево, Кашинского района, Московской области.

«Ой, девушки, караул!...». Симаков, № 3118. Записана в Новоржевском уезде, Псковской области, в 1905 г.

«Кум-то шел стороной...». Симаков, № 3183. Записана в Шлиссельбургском уезде, Петербургской губернии, в 1911 г.

«Я, мальчишко, был удал...». Симаков, № 3269. Записана в Бежецком уезде, Тверской губернии, в 1911 г.

«Возьму острую пилу...». Симаков, № 3270. Записана в Новгородском уезде.

«Сапоги сшил из рубашки...». Симаков, № 3273. Записана в Пермском уезде, в 1904 г.

«Как верхом на палочке...». Симаков, № 3275. Записана в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1908 г. *Голик* — веник.

«Накануне рождества...». Симаков, № 3280. Записана в Кашинском уезде, Тверской губернии, в 1905 г.

«Мой миленочек сфорсил...», «Моя милая красива...». «Деревенские песни-частушки, собранные В. Симаковым». СПб., 1913, №№ 195, 202.

«Меня маменька рожала...». Елеонская, № 426. Записана в Олонецкой губернии. Другой вариант — см. Париков, № 143.

«Не завидуйте, подружки...». Елеонская, № 2181. Записана в Тверской губернии в 1911 г.

«Я у милого из носу...». Елеонская, № 3117. Записана в Варнавинском уезде, Костромской губернии, в 1912 г.

«Как у наших у ворот...». Елеонская, № 3649. Записана в Шуйском уезде, Владимирской губернии, в 1911 г.

«Офанасьевски девчонки...». Елеонская, № 3654. Записана в Покровском уезде, Владимирской губернии, в 1911 г.

«Я попову дочку...». Елеонская, № 4096. Записана в Чернском уезде, Тульской губернии, в 1913 г.

«Запрягу я кошку в дрожки...». Елеонская, № 5308. Записана в селе Камешнице, Орловского уезда, Вятской губернии, в 1913 г.

«Дайте ножик, дайте вилку...», «У меня милашка есть...». Смирнов, №№ 121, 327. Записаны в Переяславль-Залесском уезде, Владимирской губернии.

«Стояла я у озера...», «На стене часы висели...». Веселый, стр. 103 и 114. Записаны в Поволжье.

«У меня скотины много...». Блинова, стр. 248. Записана в Челябинской области.

«Слава богу, понемногу...». Минц, стр. 210. Записана в Вологодской области.

«Баба борозду пахала...», «Вы послушайте. девчата...», «Сидит заяц на заборе...», «А сегодня, как всегда...». Публикуется впервые. Записаны В. Бахтиным и Д. Молдавским (см. выше примечание к частушке «Не форси, залётина...» и др., стр. 454).

«Спекулянтам жизнь такая...». Смирнов, № 641. Записана в Переяславль-Залесском уезде, Владимирской губернии.

«Я блочко...». А. Попова. Песни партизан. Сибирская живая старина. Вып. 2. Иркутск, 1926, стр. 35.

«Меткость зрения в себе...», «Я по радио влюбился...», «Сидит лодырь у окна...», «Лодыри да лодыри...», «Мой миленок чисто жнет...». Веселый, стр. 101, 102, 129, 140. А. Веселый относит эти частушки к разделу «Сатира, шутки, юмор, присказульки». В предисловии он подчеркивает: «Частушка злободневна; она живо отражает мелкие и мельчайшие социальные и бытовые сдвиги, бичует отсталость и лень, нерадение к общественному добру и щедро воздаёт хвалу ударникам социалистических полей, героям колхозной деревни, передовым людям нашей замечательной эпохи. Отсюда — немаловажная агитационная роль частушки».

«Мне миленок изменил...», «Эх, Колчак «удалой»...», «Мы германца не боимся...», «Партизаны удалые...», «Эх, шпоры мои...», «У меня миленка нет...». Блянова, стр. 226, 246, 261. Записаны в Челябинской области.

«Я миленочку сказала...». Париков, № 149.

«Поговорка у народа...», «Бригадир у нас хороший...», «Отчего машина встала?..», «Я звоню по телефону...», «Мы культурно стали жить...», «То-то парень утомился...», «Я хорошая работница...». Н. Колпакова. Волжские частушки. Куйбышев, 1955, №№ 149, 165, 170, 171, 173, 184, 186. Собирательница пишет, что частушки «исполняются на напев, называемый в Куйбышевской и некоторых смежных областях «подгорной», и на его варианты, на напев «елецкий», «угаровские переборы» и др. Рядом с ними нередко можно услышать частушки на популярный напев «Семеновны», строфа которых строится из двухстопного ямба с дактилическим окончанием:

Ты, речка быстрая,
Куда торопишься?

Плотину выстроим —
Назад воротиться».

(стр. 9)

«Про колхоз «Сигнал» идут...», «Очень ясная погода...», «Хорошо тому живется...», «Бригадирова жена Богова коровушка...», «Бригадирова жена В шубу нарядилась...». Минск, стр. 182, 225, 226. Записаны в Вологодской губернии.

«Председатель блины пек...», «Как Макарка бригадир...», «Агроном сидит в конторе...». «Русские народные песни Поволжья». Общая редакция и вступительная статья Н. Колпаковой. М.—Л., 1959, стр. 50. Частушки записаны от И. Мартынова в деревне Покровка, Утевского района, Куйбышевской области, в августе 1953 г.

«Как в Подгорском-то колхозе...». Публикуется впервые. Записана В. Бахтиным от Е. Васильевой в деревне Лавры, Печерского района, Псковской области.

«Как у наших у ребят...», «Твой миленок учится...», «Бригадир, бригадир...», «Я на печке сижу...», «У меня на сарафане...». Публикуются впервые. Записаны В. Бахтиным в Кончезере, Карело-Финская ССР.

«Сидит Гитлер на заборе, Просит кружку молока...», «Сидит Гитлер на заборе, Плетет лапти языком...». Публикуются впервые. Записаны В. Бахтиным и Д. Молдавским в деревне Заозерье, Белебелковского района, Новгородской области, от школьников Фроси и Вани Варламовых в 1948 г.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 80 и 81.* Лубочная картинка «Ерема с Фомой — два братенника ладно...». В литографии Л. Осипова. 1858.
2. *На обороте:* Лубочная картинка «Храбрый рыцарь Француз Венециан». В литографии Голышева. 1864.
3. *Между стр. 160 и 161.* Лубочная картинка «Сказка о Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке». В литографии Голышева. 1874.
4. *На обороте:* Лубочная картинка «Сказка о семи братьях родных, молодцах удалых». В литографии Глушкова. 1870.
5. *Между стр. 288 и 289.* Лубочная картинка «Похороны кота крысами и мышами». В литографии Голышева. 1868.
6. *На обороте:* Лубочная картинка «Чепуха для смеху, народу на потеху». В литографии Морозова. 1865.
7. *Между стр. 368 и 369.* Лубочная картинка «Сказка, как Антип на богатство Кузьмы прельстился, силой дочь выдать за него решился». В металлографии Рунева. 1858.
8. *На обороте:* Лубочная картинка «Возвращение Ярослава на родину». В литографии Морозова. 1869.
9. *Между стр. 400 и 401.* Лубочная картинка «Русскому все здорово». В литографии Морозова. 1869.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Народно-поэтическая сатира. Предисловие Д. М. Молдавского 5

САТИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И БЫЛИНЫ

<i>Вступительный очерк</i>	15
«Как у нас в сельце Поливанове...»	35 415
«Как за барами житье было привольное...»	35 415
«Вы, бродяги, вы, бродяги...»	36 415
«Как и нынешняя весна...»	37 415
«Старики наши старые!...»	38 416
«За горами, за долами...»	39 416
«Серый кот кубовастый...»	39 416
«Богатую взять — будут попрекать...»	40 416
Из монастыря Боголюбова старец Игренища	40 416
Чурилья-игуменья	43 416
«За святыми воротами черничка гуляла...»	45 416
«В одной келье монах бедный спасается...»	46 417
«Что во Киеве во монастыре...»	47 417
«Как пошел наш чернец погуляти...»	49 417
«Вкруг я келейки хожу...»	49 417
«Как под грушицею под кудрявою...»	50 417
«Стрилецким ребятам...»	51 417
Попы — тараканы черные	52 417
«Братья вы, братья!...»	53 417
«Шел солдат с походу...»	53 417
Усы, удалы молодцы	54 417
«Ах, усы, усы проявились на Руси...»	57 418
«Эй, усы, усы проявились на Руси...»	57 418

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

Кто Травника не слышал	59 418
«Протекло теплое море...»	61 418
«Совонька, Совонька...»	63 419
«Отчего у нас зима становилась?...»	64 419
Челобитье птиц	68 420
«Во лесе, во лесе...»	69 420
Спор птиц и суд орла	71 420
Ловля филина	74 420
Старина о большом быке	75 420
«Ерема из Белева...»	80 420
Ерема да Хома	82 421
«Жардодон, жардодон!...»	84 421
«Побежал наш дурында...»	84 421
«Лень моя, лень, лень ленивая!...»	87 422
Сергей хорош	88 422
Про гостя Терентища	90 422
«Ой, черема зеленая...»	95 422
«Что со вечера погода, со полуночи метель...»	96 423
«По белой по пороше...»	96 423
«У стара мужа жена...»	97 423
«На горе, горе...»	98 423
«На улице срамота...»	99 423
«Уж вы, бабы, уж вы, бабы...»	99 423
Плясовая	100 423
«На палате, при лопате...»	100 424
«Всю куделюшку припряла...»	101 424
«На речке на Дунае...»	102 424
«У Спаса к обедне звонят...»	104 424
«Да и что ж это за горе, за беда!...»	106 424
«Расколись, сырой дуб...»	107 424
«Гуляй, гуляй, голова...»	108 424
«Выду на улицу...»	109 424
«Обещался дворянин...»	109 424
Нелюбая жена	110 425
«Да посеяли девки лен, лен...»	110 425
«Ой быль моя, быль...»	111 425
«Мужик пашенку пахал...»	112 425
«Пошел козел в огород...»	112 425
«Баба на печи сидела...»	114 425
«На печке сажу...»	115 425
«Ой на печечке сидела...»	116 425
«Уж ты, тетушка Арина...»	117 425
«Вздумалось Кате в гости в деревеньку...»	118 425
«Мой муженька, работяшенька...»	119 425
«Пошла Дуня под тачок...»	119 425
«Наша Дуня не точет, не прядет...»	120 426
«Пошла наша Дуня на рынок гуляти...»	121 426
«Пошла наша Дуня По торгу гулять...»	122 426
«Дунька ли ты, Дуняша...»	125 426
«Пошла наша Дуня В рыночек гуляти...»	126 426
«Пряла наша Дуня...»	128 426
«Замешала Марьюшка квашенку...»	129 426

«Растворила я квашеночку...»	131 426
«По задворью баба шла...»	132 427
«Приказал мне муж...»	133 427
«Как поехал мой муж...»	134 427
«Во поле березонька стояла...»	135 427
«Широкая борода...»	135 427
«Чужие мужья добры...»	136 427
«Как у Ванюшки жена...»	137 427
«Сходил козел в огород...»	137 427
«В понедельник — на могильник...»	138 427
«Ты живешь на горе...»	138 427
«Три дня бани не топила...»	139 428
«Теща про зятя пирог пекла...»	143 428
«Было у тещи...»	143 428
«Поехал зять к теще...»	145 428
«Теща про зятя пирог пекла...»	145 428
«Жил я в Польше...»	146 428
«Трынды мои, трындушки...»	148 428
«Вареная патока с имбирем...»	149 429
«За нашей деревней...»	150 429
«Две девицы-белолицы...»	151 429
«Стукнуло, грянуло в лесе...»	152 429
«Собирался комарик жениться...»	153 429
«Ох, матушка, не могу...»	153 429
«Таракан дрова рубил...»	154 429
«Комар к мухе убирался...»	155 429
«Восколебалося море...»	156 429
«Как за нашими широкими воротами...»	157 430
«Кум пиво варил, сладкий мед становил...»	157 430
«Ах, яры, яры, яры!...»	158 430
«Вы послушайте, ребята...»	158 430
«Гуляли девушки за быстрой за рекой...»	159 430
Хмель	160 430
«Уж какая была модненькая...»	161 430
«Уж ты, маменька родная...»	161 431
«Уж как ты, мать, моя маменька...»	162 431
«У бабушки у нашей...»	162 431
«Две курочки, две курочки горох молотили...»	163 431
«Вокруг тихо, вокруг тихо...»	163 431
«На улице мороз, на печи-то лето...»	164 431
«Жил я у пана...»	165 431
«Зайнъка, где ты был-побывал...»	169 431
«Козел ты мой, козел...»	171 431
«Тень, тень, потетень...»	171 431
«Солнышко, солнышко!...»	172 432
«Пегушка пегая...»	172 432
«Дон, дон, дон!...»	173 432
«Иван, болван...»	173 432
«Куколка, куколка...»	173 432
«Посеяли девки лен...»	174 432
«Гурката, гурката!...»	174 433
«Как у бабушки козел...»	175 433

«Мы просу сеяли...»	176 433
«Ой, барыни!..»	177 433
«Гладенькая лошадушка — шарыгинская...»	178 434
Агафонушка	179 434
Атаманская слава	181 435
«Хотите ли, братцы, старину скажу...»	182 435
Небылица (<i>Старина-погудка</i>)	183 435
«Уж я старого, седого...»	184 435
«Как-то в радунницу раз...»	185 435

САТИРИЧЕСКИЕ «ДЕЙСТВА»

<i>Вступительный очерк</i>	191
--------------------------------------	-----

I

ДЕЙСТВА

Царь Максимилян	205 436
Царь Максимилян. <i>Отрывок из другого варианта пьесы</i>	240 436
Лодка	243 437

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Петрушка, он же Ванька Рататуй	253 438
--	---------

РАЕК

«Вот что, милые друзья...»	263 439
«Задумал я жениться...»	263 439
«У меня жена красавица...»	265 439
«Жена моя солидна...»	266 439
«Я по Невскому шел...»	266 439
«Разыгрывается лотерея...»	267 439
«Вижу, голова, я нынче на рождестве — прохожий...»	269 439
«Был я цирюльником на большой Московской дороге...»	269 439
«Рыжий, помнишь великий пост...»	270 439
«Настает, братцы, великий пост...»	270 440
«Была у нас с Матреной дочка...»	271 440
«Вот, ребята, разыгрывается у меня лотерея...»	272 440
«А вот, ребята, смотрите...»	272 440
«А вон красотка — девка аль молодка...»	273 440
«А еще, ребята, что я вам скажу...»	273 440
«А вот, ребята, это — Параша...»	273 440
«А знаете, ребята, я ведь в поварах служил, право!...»	274 440
«Ну, ребята, неча всё торчать у карусели...»	274 440

«А вот, господа, разыгрывается лотерея...»	275 441
«Танцевал я прежде галоп...»	275 441
«Подходите, подходите...»	276 441
«А вот, извольте видеть, господа...»	277 441

II

ПОДПИСИ К ЛУБОЧНЫМ КАРТИНКАМ

Голландский лекарь и добрый аптекарь	281 441
Сказка о том, как приказчики хозяевам угождают, рубли за сапог опускают, а гривны в ящике оставляют, тем сатану утешают; на хозяйские деньги лавки открывают и сами уже приказчиков нанимают	282 442
Как портной с чертями распорядился, по-свойски дрался, злата полну избу добыл и чертей всех убил	284 442
Сказка о том, как мастеровой черта надул	286 442
Сказка, как старик богатый взбесился, на молодой Дарье женился, как Дарья им мудрила, себе обнов накупила, бороду ему ощипала, старые кости потрепала; и как его похоронила, молодого мужа нажила	288 442
Урок мужьям-простакам и женам-щеголихам	290 442
Спор большого носа с сильным морозом	291 442
Чепуха для смеху, народу на потеху. Как звери с птицами охотника погребают, недруга своего провожают, на оленях везут, последний долг отдают	292 442
Старинная потеха, от скуки для смеха, найдена у вральхи, мышинной портнихи, в старой каморке в углу на полке, как мыши с крысами кота хоронили, от радости выли, песни разные попевали, пляски задавали, сластями заедали, кота поминали; кот был задорный, для мышей неугомонный, ими забавлялся, досыта наедался, раз так постарался, что совсем обожрался	294 442
Похороны кота крысами и мышами	296 443
Свадьба медведя, Мишки косолапого	297 443
«...А ну-тка, Мишенька Иваныч...»	298 443

ПРИСКАЗКИ И СКАЗКИ

«Девки поповы...»	300 443
«Солнышко низехенько...»	300 443
«— Туру-туру, пастушок...»	301 443
«Петушок, петушок...»	302 443
«Сорока-воровка кашу варила-поваривала...»	302 443
«Ах ты, бабушка, ку-ку!...»	303 443
Прибалутка	304 443
Прибакулочка-прибасеночка	305 443
Небылица	307 444
Не люблю — не слушай	308 444
Ворона-карабута (О неправом суде птиц)	312 444
Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове...	314 444

III

СВАДЕБНЫЕ УКАЗЫ

I указ («Прислан указ из Польши...»)	323 445
II указ («Господи благослови Христос...»)	329 445
III указ («Будем читать указ...»)	331 445

САТИРИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

<i>Вступительный очерк</i>	337
«Меня Питер оконфузил...»	353 446
«Дума в Питере сидит...»	353 446
«Наша Дума модница...»	353 446
«Как Гучков-то молодец...»	353 446
«Перву Думу разогнали...»	354 446
«Наша хреновская волость...»	354 446
«Уж как коженский дьячок...»	354 446
«На полице — пирожки...»	354 446
«Матка по миру ходила...»	354 446
«Что Юрково-то деревня...»	355 446
«Я любила сто попов...»	355 446
«Соцкие, десятички...»	355 446
«Светит месяц, как целковый...»	355 446
«Уж как здешние ребята...»	355 446
«Пошла бы я плясать...»	356 447
«Отворились царски двери...»	356 447
«Из Романова-то дому...»	356 447
«На Распутине рубашка...»	356 447
«На Долматовской горе...»	356 447
«Как у нас в церковном храме...»	357 447
«Хуторочки, хуторки...»	357 447
«Нам не дороги часы...»	357 447
«Тюх, тюх, тюрю-рюх...»	357 447
«Я стояла у ворот...»	357 447
«На деревне срубы рубят...»	358 447
«Нам хотели запретить...»	358 447
«У моей у Любушки...»	358 447
«Все ребятушки пришли...»	358 447
«Не садись, милый, напротив...»	358 447
«Кавалеры наши модны...»	359 447
«У меня миленок есть...»	359 447
«Какой большой да неуклюжий...»	359 448
«Домой коровушки идут...»	359 448
«Как никольские девицы захотели молока...»	359 448
«Ах, как наши-то двахи...»	360 448
«Как тверские модницы...»	360 448
«Ярославски девки — бочки...»	360 448
«Вологодские девицы...»	360 448

«На горе растут прибы...»	360 448
«Моя милая красива...»	361 448
«Ах ты, милая моя...»	361 448
«Шляпу новую надела...»	361 448
«Попросил я у тятеньки...»	361 448
«У вас семейка велика...»	361 448
«Мил уехал на неделю...»	362 448
«Жадоба срочно пишет...»	362 448
«Деревенские хозяйки...»	362 448
«Ах ты, Настенька-душа...»	362 449
«У подружки есть Павлушка...»	362 449
«Говорила я подружке...»	363 449
«Подружка в шляпочке гуляет...»	363 449
«Я не столько нагуляла...»	363 449
«У меня любых-то два...»	363 449
«Петербургская дивчина...»	363 449
«Как во нашем во селеньи...»	364 449
«Кошка, брысь! Кошка, брысь!..»	364 449
«Ко мне сватался жених...»	364 449
«Вы купите, девки, водки...»	364 449
«Хорошо тому живется...»	364 449
«У моей у милочки...»	365 449
«Половицей я хожу...»	365 449
«Сколько ни постился, ни молился...»	365 450
«Экий глупенький миленочек!..»	365 450
«Ты, миленок, не форси...»	365 450
«У миленка моего...»	366 450
«Ах вы, лапти мои...»	366 450
«Старикам какая жизнь...»	366 450
«Мой муж — новожил...»	366 450
«Моя милка — обормотка...»	366 450
«Черны брюки на панели...»	367 450
«Мой-то миленький лежит...»	367 450
«Супротивница сердита...»	367 450
«Дорогой, твоей мамаше...»	367 450
«Шла монашка по деревне...»	367 450
«Мы, подруженька, с тобой...»	368 450
«Я на бочке сижу...»	368 450
«Наливай-ка, мама, чаю...»	368 450
«Мой-то милый окосел...»	368 450
«Тятя с мамой были ловки...»	368 450
«Когда была маленька...»	369 450
«Голубок летел — убил...»	369 450
«Как в Борисовку идти...»	369 450
«Милая, гордаячая...»	369 450
«Говорила Коленьке...»	369 450
«Дорогой и дорогая...»	370 450
«Шара-шара-шарочка...»	370 450
«Я любила кочегара...»	370 450
«Я сидела на лужку...»	370 451
«Мила маменька моя...»	370 451
«Батька рыжий, матка рыжа...»	371 451

«Мимо нашего окошка...»	371 451
«Уж как нонешний народ...»	371 451
«Мой муж — арбуз...»	371 451
«Мишкина мать...»	371 451
«Нет на свете милей Пети...»	372 451
«Я любила гармониста...»	372 451
«У меня милашка Машка...»	372 451
«Ночка темная — темна...»	372 451
«Мой-то миленький хитер...»	372 451
«Из колодца вода лется...»	373 451
«Растороповски ребята...»	373 451
«Дубовских же ребят...»	373 451
«Говорили — гуси плыли...»	373 451
«Две старухи без зубов...»	373 451
«Как и наши-то ребята...»	374 451
«Все ребята — как ребята...»	374 451
«Фу-ты, фу-ты, у Марфуты...»	374 451
«Ванька, Ванька, ты горюн...»	374 451
«У меня богатство есть...»	374 451
«Ох, сделай, батька, забастовку...»	375 451
«Спаси господи, помилуй...»	375 451
«Ой, девки, беда...»	375 451
«На стене висит пальто...»	375 451
«Рассыпался горох...»	375 451
«Мяменька ругается...»	376 451
«Песня, песня, песенка...»	376 451
«Мне сказали на вокзале...»	376 451
«Боря, Боря, Боренька!...»	376 451
«Потушите эту лампу...»	376 451
«У меня башмачки новы...»	377 451
«Ты, подруженька моя...»	377 451
«Я косила в девять кос...»	377 451
«Не ругайте меня дома...»	377 451
«Лет семнадцати девчонка...»	377 451
«Я любила Ванечку...»	378 451
«Как у Дориных ворот...»	378 451
«Пляши, Матвей...»	378 451
«Чай пила я с сухарями...»	378 451
«Я от солнца, от загару...»	378 451
«Приходи, милый, в субботу...»	379 452
«Я калоши не ношу...»	379 452
«Пароход баржу везет...»	379 452
«Гром гремит, земля трясется...»	379 452
«Шила милому кисет...»	379 452
«Тише, тише, тише, тише...»	379 452
«Под окошком стоит ива...»	380 452
«Меня били, колотили...»	380 452
«Пляши — люблю...»	380 452
«Только стоит тебе, миленький...»	380 452
«Милый Вася, милый Вася...»	380 452
«Я на речке сеял гречку...»	381 452
«Девки пудрятся, белятся...»	381 452

«Милый мой, скажи мамаше...»	381 452
«С неба звездочка упала...»	381 452
«Я деревней-то иду...»	381 452
«Деньги есть — веселюсь...»	382 452
«Меня маменька жалеет...»	382 452
«У меня миленьков тридцать...»	382 452
«Шел я вёрхом, шел я низом...»	382 452
«У моей-то гармошки...»	382 452
«У мово у милова...»	383 452
«Что за разум, что за ум...»	383 452
«Проводи, милый, подале...»	383 452
«Мой-то милый любит трех...»	383 452
«У милого шуба нова...»	383 452
«Открой, маменька, оконце...»	384 452
«Мой миленок не теленок...»	384 452
«Голова у мня кружится...»	384 452
«Девки белятся, румянятся...»	384 452
«Погуляла я до дела...»	384 452
«Слава богу, ржи немного...»	385 452
«Уж как наши-то ребята...»	385 452
«Шел Алешка вдоль окошка...»	385 452
«Базар большой...»	385 453
«Дорогой, куда поехал?..»	385 453
«Я ковыль, ковыль косила...»	386 453
«Гармонь нова, сторублева...»	386 453
«Ты, милашка, не балуй...»	386 453
«Утка сера, утка сера...»	386 453
«На меня, на молоду...»	386 453
«Ох, ох! Не дай бог...»	387 453
«Сегодня щи...»	387 453
«Пошла плясать...»	387 453
«Уже топну я ногой...»	387 453
«Двух миленьков полюбила...»	387 453
«Пляши, моя головушка...»	388 453
«Я по бережку иду...»	388 453
«По заветной тропочке...»	388 453
«Мой миленок как теленок...»	388 453
«А мы с миленьким сидели...»	388 453
«Купи, милый, мне ботинки...»	389 453
«Сероглазого отвадила...»	389 453
«Через речку есть дощечка...»	389 453
«У милого есть сестренка...»	389 453
«Не кукушечка кукует...»	389 453
«Говорил мне дорогой...»	390 453
«А бессоновски ребята...»	390 453
«Приходили меня сватать...»	390 453
«Не гордитесь собою...»	390 453
«Вы, ребята, не гордитесь...»	390 453
«Мы с подружкой в лес не ходим...»	391 453
«Мы с подружкой сговорились...»	391 453
«Наше поле с вашим рядом...»	391 453
«В нашем поле ягод боле...»	391 453

«Мы с дrolёночком сидели...»	391 453
«Меня замуж выдавали...»	392 453
«Раньше я плясал чечетку...»	392 454
«Если он пошел в задор...»	392 454
«Елочка зеленая...»	392 454
«Ты носи — тебе идутся...»	392 454
«Говорят, что боевая...»	393 454
«Мы в колхоз козу купили...»	393 454
«Как шумновские девчонки...»	393 454
«Постоим часок...»	393 454
«Я пришла домой...»	393 454
«Кабы рюмочку...»	394 454
«Мы с миленочком сидели...»	394 454
«Не форси, залётина...»	394 454
«Не ругай меня, мамаша...»	394 454
«Милый Саша, я не ваша...»	394 454
«Полюбила лысого...»	395 454
«Я по берегу ходила...»	395 454
«Только вышла за ворота...»	395 454
«Меня милый угостил...»	395 454
«Был миленочек угрюм...»	395 454
«Дороги родители...»	396 454
«Завлеку я, завлеку...»	396 454
«У меня милого нет...»	396 454
«У подружки два Ванюшки...»	396 454
«Ой, девушки, караул!...»	396 454
«Кум-то шел стороной...»	397 454
«Я, мальчишко, был удал...»	397 454
«Возьму острую пилу...»	397 455
«Сапоги сшил из рубашки...»	397 455
«Как верхом на палочке...»	397 455
«Накануне рождества...»	398 455
«Мой миленочек сфорсил...»	398 455
«Моя милая красива...»	398 455
«Меня маменька рожала...»	398 455
«Не завидуйте, подружки...»	398 455
«Я у милого из носу...»	399 455
«Как у наших у ворот...»	399 455
«Офанасьевски девчонки...»	399 455
«Я полову дочку...»	399 455
«Запрягу я кошку в дрожки...»	399 455
«Дайте ножик, дайте вилку...»	400 455
«У меня милашка есть...»	400 455
«Стояла я у озера...»	400 455
«На стене часы висели...»	400 455
«У меня скотины много...»	400 455
«Слава богу, понемногу...»	401 456
«Баба борозду пахала...»	401 456
«Вы послушайте, девчата...»	401 456
«Сидит заяц на заборе...»	401 456
«А сегодня, как всегда...»	401 456
«Спекулянтам жизнь такая...»	402 456

«Яблочко...»	402 456
«Меткость зрения в себе...»	402 456
«Я по радио влюбился...»	402 456
«Сидит лодырь у окна...»	402 456
«Лодыри да лодыри...»	403 456
«Мой миленок чисто жнет...»	403 456
«Мне миленок изменил...»	403 456
«Эх, Колчак «удалой»...»	403 456
«Мы германца не боимся...»	403 456
«Партизаны удалые...»	404 456
«Эх, шпоры мои...»	404 456
«У меня миленка нет...»	404 456
«Я миленочку сказала...»	404 456
«Поговорка у народа...»	404 456
«Бригадир у нас хороший...»	405 456
«Отчего машина встала?...»	405 456
«Я звоню по телефону...»	405 456
«Мы культурно стали жить...»	405 456
«То-то парень утомился...»	405 456
«Я хорошая работница...»	406 456
«Про колхоз «Сигнал» идут...»	406 457
«Очень ясная погода...»	406 457
«Хорошо тому живется...»	406 457
«Бригадирова жена — Богова коровушка...»	406 457
«Бригадирова жена В шубу нарядилась...»	407 457
«Председатель блины пек...»	407 457
«Как Макарка-бригадир...»	407 457
«Агроном сидит в конторе...»	407 457
«Как в подгорском-то колхозе...»	407 457
«Как у наших у ребят...»	408 457
«Твой миленок учится...»	408 457
«Бригадир, бригадир...»	408 457
«Я на печке сижу...»	408 457
«У меня на сарафане...»	408 457
«Сидит Гитлер на заборе, Просит кружку молока...»	409 457
«Сидит Гитлер на заборе, Плетет лапти языком...»	409 457

Примечания 413

К иллюстрациям 458

Редакционная коллегия:

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, В. М. Жирмунский,
В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский (заместитель
главного редактора)*

Народно-поэтическая сатира

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *Т. П. Калецкая*

Сдано в набор 23/VIII 1960 г. Подписано
в печать 4/X 1960 г. М 34135. Бумажн
84 × 108 1/2. Печ. л. 15 1/16 (24,7). Уч.-изд.
л. 22,83. Тираж 20 000. Заказ № 1299.

Цена 8 р. 70 к.

С 1/I 1961 г. — 87 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

